Е. ФОРТУНАТОВА

КРЕСТЬЯНСТВО КАК СОЮЗНИК РАБОЧЕГО КЛАССА

ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСУ
О СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОЛИ КРЕСТЬЯНСТВА

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ тов. ЗИНОВЬЕВА.
Ленинград, Социалистическая, 14.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 14047.
Печ. 4.000 экз.—9½ л. Зак. № 2035.
1926 г.

Крестьянство, как союзник рабочего класса.

«Да здравствует братский союз рабочих и крестьян всего мира».

«Крестьяне и рабочие всех стран, соединяйтесь» [1].

«Только правильное решение вопросов, возникающих в области отношений рабочего класса и крестьянства, способно окончательно укрепить экономическую основу диктатуры пролетариата и обеспечить ее от каких-либо потрясений [2].

Какова социально-революционная роль крестьянства?

Какую позицию может и должно оно занять в классовой революционной борьбе пролетариата за власть, а позже—в организационной его работе по социалистическому строительству? Этот вопрос был всегда одним из самых сложных, спорных и не вполне договоренных пунктов международного социализма. С особенной настоятельностью и остротой вставал этот так называемый «крестьянский вопрос» перед социалистическим движением у нас, в России, благодаря подавляющей массе в ней крестьянского населения, более тесной, чем в старых капиталистических странах, связи промышленного пролетариата с землей и некоторыми другими особенностями экономического уклада дореволюционной российской деревни.

Трактовался вопрос аграрный у нас, как и на Западе, преимущественно в двух направлениях. *Во-первых*—по линии *теоретической*—в смысле того или другого понимания аграрной эволюции, а *во-вторых*—по линии революционной *тактики*—в смысле установления правильных взаимоотношений между организованным авангардом рабочего класса и крестьянством.

---

[1] Лозунги Международного Крестьянского Совета.

[2] Из резолюции XIII конференции РКП (б) об очередных задачах экономической политики.

Напомним, что международная социалистическая мысль при решении сложной аграрной проблемы, разбивалась на несколько различных течений, которые тяготели к двум крайним, непримиримым мнениям. Одно из них приводило на практике к полному почти игнорированию крестьянской массы (за исключением малочисленного и слабо организованного сельско-хозяйственного пролетариата) как положительной социал-революционной силы; другое, наоборот, ставило крестьянство в основу социалистического движения в качестве сознательного проводника грядущей коллективизации сельско-хозяйственного производства.

Действительность, однако, оказалась менее прямолинейной и «правоверной» и, не улегшись целиком в одну из предложенных ей красивых схем, пошла по своему собственному корявому руслу. Российское крестьянство, вопреки предупреждению скептиков, сделалось активнейшим участником и решающей силой Октябрьской революции, но в то же время, оно не оправдало утопических ожиданий своих защитников.

Так или иначе, старая проблема о крестьянстве разрешается Октябрьской революцией и восьмилетней советской историей в положительном смысле и отчетливой форме, как фактическое сотрудничество двух основных общественных классов, как союз рабочего класса и крестьянства, как своего рода договор городских рабочих с рабочими деревни, как тесная увязка фабрично-заводской промышленности с сельско-хозяйственным производством.

История, таким образом, в полной мере оправдала слова В. И. Ленина, сказанные им в 1905 году.

«Только тогда,— говорил он,— начнется настоящий размах русской революции... когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства на-ряду с пролетариатом» [1].

В наше время сделалось азбучной истиной, что Октябрьская революция победила благодаря активному участию в ней крестьянства. Не один раз указывалось также на урок революции 1905 года, неудачной благодаря недостаточно организованному и определенному участию крестьянских масс. Следует, впрочем, добавить, что в 1905 году недостаток классовой организации и революционной решимости тяготел еще и над фабрично-заводским пролетариатом: напомним хотя бы зубатовщину, гапоновщину и т. п. неизжитые еще в то время массовые иллюзии... Как бы то ни было, факт социально-политической солидарности рабочих и крестьян в 1917 году на-лицо, а это обязывает нас ко всем дальнейшим выводам и, прежде всего, по отношению к прошлому. Отдельные элементы этого союза крестьян и рабочих—разрозненные и неоформленные—должны были несомненно накопляться более или менее продолжительное время, пока

[1] См. *В. Ильин*. «За 12 лет». Изд. 1919 г. Петроград.

их количество, напряжение, согласованность, а на-ряду с этим и вся общественная кон'юнктура, не вызвали их решительного и победного осуществления в жизни.

Однако в современной литературе о смычке с деревней вопросу об исторических ее предпосылках отводится слишком мало внимания... А между тем, только ясно понимая и *учитывая* социально-политическую физиономию дореволюционного крестьянства и его хозяйственно-экономические интересы, выросшие на реальной исторической почве, можно правильно расценить современный союз рабочего класса с крестьянством, решить тактическую проблему «смычки» и осветить ее перспективы. Мы поэтому считаем полезным напомнить некоторые экономические и бытовые условия, которые на протяжении ряда десятилетий *подготовляли* боевой союз трудовых масс деревни с городскими рабочими. Таких сближающих моментов было не мало: по выражению Ленина — «рабочие тысячами путей, о которых мы и не подозреваем, пришли в связь с деревенской беднотой» [1]. Выявить эти пути, проследить, по возможности, было ли крестьянство, и по каким основаниям, союзником рабочего класса, и в какой форме проявлялся союз—такова задача нашей работы.

Исходным пунктом нашего изложения мы берем начало XX-го века—крестьянство к моменту революции 1905 года.

[1] Из речи Ленина на митинге в Петрограде в 1919 году (Собр. соч., т. XVI).

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ.

(Введение).

Об исторических корнях рабоче-крестьянского союза.

1. Социально-политические предпосылки союза: вековое бесправие российского крестьянства, малоземелье и полу-крепостнические отношения. — 2. Социальный состав деревни к моменту первой революции (1905—07 г.г.): а) с.-х. наемные рабочие, б) крестьянская беднота, в) крестьянская буржуазия и г) середняк.—3. Сближение крестьян и рабочих на фабрично-заводских промыслах: связь городских рабочих с землей, отхожие промыслы крестьян; промышленные рабочие в крестьянском движении 1905—07 г.г. — 4. Крестьянство накануне февральской революции — экономическое и психологическое влияние мировой войны.

1.

Начнем с самой общей характеристики экономических запросов российского крестьянства и его социально-политической физиономии к моменту первой революции. Для этого нет необходимости надолго забираться в отдаленную глубь истории, но заглянуть туда, в дореформенную крепостную эпоху, необходимо. Об этом периоде крестьянской истории надо, прежде всего, запомнить следующее: в то время крестьянство, этот подавляющий своей численностью мелкий земледелец, экономическая основа самодержавно-дворянского строя, был лишен самых основных человеческих прав. В земельной и сельско-хозяйственной политике правительства крестьянство было лишь движимой и живой собственностью, своего рода «живым инвентарем»—«крещеной собственностью»—по выражению Герцена. Оно было обречено на роль бесправного и безгласного «об'екта истории», который мог проявлять свою волю только, так сказать, «нелегальным порядком», в актах пассивного и активного протеста. Пугачевщина и бунт Степана Разина дают яркие и наглядные иллюстрации того, как зарождалось крестьянское революционное настроение, в какую сторону оно шло. Вся же многовековая история крестьянства соткана из повседневного, глухого, боль-

шею частью разрозненного и пассивного, протеста против правительственного и помещичьего гнета.

Ясно, что из этой длинной и мрачной эпохи российское крестьянство могло вынести только самую острую и непримиримую ненависть к государственному строю и к господствующим классам [1]. Но это лишь негативная сторона интересующего нас сейчас вопроса. Для позднейшего крестьянского движения и его *положительной* программы более определяющим является более близкая к нам пореформенная история крестьянства, когда откровенное и полное рабство сменилось порабощением социально-экономическим. Мы имеем в виду условия так называемого «освобождения крестьян» (урезанные наделы в чересполосицу с помещичьей землей, гнетущие платежи за землю), всю экономическую «политику» самодержавия (фактическое прикрепление крестьянства к заведомо недостаточным наделам) и экономическую «практику» помещичьего пореформенного хозяйничанья (полукрепостнические формы хозяйства, кабальную аренду и проч.).

Несомненным показателем того, как крестьянство ощущало свое «освобождение», были массовые волнения в самые первые годы на почве ликвидации крепостных отношений, уверенность крестьян, что это «воля ненастоящая», что помещики скрывают «настоящую волю» и т. п. «Нас-то освободили,—говорили тогда крестьяне, да земля-то осталась в крепости у помещика, ее то матушку-кормилицу надо освободить». И слово не было в разладе с делом. Вся вторая половина XIX века полна этой тяги к земле, этой своеобразной погони крестьян за землей в самых разнообразных формах: переселения в далекую Сибирь, разорительных покупок, «голодной» аренды на самых кабальных условиях.

Поскольку в своих поисках земли крестьянство натыкалось на ту или иную «хитрую механику»—политику Крестьянского поземельного банка, вздутые земельные и арендные цены, помещичье засилье и т. п.—и поскольку также, вместе с ростом населения, земельный голод и кабала обострялись,—постольку внимание крестьянской массы устремлялось на самый корень бед. Оно направилось против частной собственности помещиков, а затем и против царя, как защитника дворянских интересов, как «первого помещика».

Дальнейшее обострение земельного кризиса, рост самосознания, вопреки всем тормозам правительственной политики, два года мировой войны—все это толкнуло крестьянство к вооруженной борьбе с царизмом, с лозунгом «земля и воля», в союзе с рабочим классом—к Февральской революции.

---

[1] *В. И. Пичета.* История крестьянских волнений в России . Изд. Белтрестпечать. Минск. 1923 г.

Но сказанного еще недостаточно для понимания той конкретной формы союза крестьянства с рабочим классом, какой осуществился в октябрьские дни, в момент первого штурма социальной революции, в виде рабоче-крестьянской власти.

Недостаточно потому, что крестьянство было классом мелких земледельцев, как общее правило, владеющим средствами производства и, в известной мере, хотя большей частью в общинной форме, собственником земли.

Какие нити связали крестьян-земледельцев с городским пролетариатом?

В каких пунктах, в какой мере и на каких условиях смогло произойти такое тесное соглашение между ними?

Для ответа на поставленные вопросы и чтобы найти в прошлом основные предпосылки первого действенного союза трудовых масс города и деревни, придется несколько пристальнее остановиться на затронутом уже нами вопросе о малоземельи. Нам, впрочем, нет нужды говорить о самом малоземельи, как о таковом. Эго последнее достаточно неопровержимо установлено данными статистики, всякого рода комиссиями, с'ездами, анкетами, наказами и даже художественной литературой. Да и не в нем одном дело... Нам придется лишь воскресить в памяти некоторые экономические и бытовые *следствия* нашего российского малоземелья или, лучше сказать, его ближайшую экономическую обстановку: социально-классовый состав деревни, кабальные условия землепользования для огромной массы крестьянства и связь крестьян с фабричными промыслами.

2.

Крестьянство никогда не было вполне единым, однородным, ни по своей экономической структуре, ни по хозяйственной мощи. Еще в дореформенное время это проявлялось в целой градации земельных наделов и бытовых отношений, в зависимости от категории крестьян—государственные, удельные, владельческие,—а в рамках последней группы—в зависимости от помещика. После отмены крепостного права землевладение и землепользование крестьян пошло определенно и заведомо под знаком крайней *пестроты*—от вполне безземельных бывших дворовых и нищенского обеспечения дарственников до высших групп бывших государственных крестьян, снабженных землей приблизительно по трудовой норме. За этим исходным источником неравенства последовала целая серия диференцирующих обстоятельств, каковы: условия выкупа, различные принципы внутриобщинных разверсток, неравные возможности дополнительной распашки земли, ее покупки и вненадельной аренды; а для отдельных дворов надо еще добавить различные внутрихозяйственные условия, не одинаковый рабочий состав,

а иногда просто момент личной предприимчивости и удачи. Все это, параллельно с ростом населения и обострением общего малоземелья, довело неоднородность крестьянской массы между отдельными обществами, а также от двора к двору, до последних пределов.

Вместе с тем, при растущей товарности всего общественного хозяйства и в частности крестьянского уклада, на почве отмеченного количественного неравенства в обеспечении землей и главными средствами производства стали оформляться и *качественно* различные в социально-экономическом смысле группы крестьянства, сначала расплывчатые и текучие, затем с более четким и устойчивым ядром.

Социально-классовый состав дореволюционного крестьянства: численность отдельных групп или хотя бы приблизительная оценка их удельного веса в общей крестьянской массе, характеристика их по линии хозяйственной и идеологической—все это необходимо для верного понимания вопроса о смычке в прошлом и правильной постановки его применительно к настоящему времени.

Не может быть и речи об установлении сколько-нибудь дробных и вполне твердых группировок. Конкретная постановка вопроса о диференциации всегда наталкивалась на непроходимые трудности, коренящиеся и в самом существе вопроса и в свойствах материала. *Прежде всего*—пестрота организационно-хозяйственной структуры крестьянского хозяйства, как такового, зависимость его от большого количества раздельных факторов, сплетенных к тому же в самых разнообразных комбинациях: земля—надельная, купчая, арендованная,—обеспеченность живым и мертвым инвентарем,—рабоче-семейный состав, промыслы, местные условия снабжения и сбыта и проч. Группировка по одному из признаков—хотя бы и превалирующему—надельная земля, лошадность—не всегда может отразить действительную мощность хозяйств. *Затем*—районная разноценность отдельных хозяйственных признаков и в смысле количественном и в смысле их сочетаний. Благодаря социально-экономической неоднородности крестьянства *средние* величины даже в пределах одного общества—а еще сильнее при сопоставлении районов—теряют иногда всякое реальное значение и сравнимость и должны быть исправляемы дробным и комбинационным методом исследования.

Только с целым рядом ограничений и оговорок можно воспользоваться статистико-экономическими данными о дореволюционном крестьянском хозяйстве в качестве ориентировочного материала для социологических построений общего характера. Поэтому нашу грубую, почти что глазомерную, схему, мы наперед ограничиваем несколькими достаточно реальными и узаконенными статистико-экономической практикой группами, каковы: *сельско-хозяйственный пролетариат, безземельное и безинвентарное крестьянство, середняки и крестьянская буржуазия*.

Для каждой из обозначенных групп предстоит выяснить, насколько это возможно, удельный ее вес в общекрестьянской массе, хозяйственно-экономические интересы, социально-политическую идеологию и фактическое участие в аграрном движении.

а) Сельско-хозяйственный пролетариат.

Сельско-хозяйственные наемные рабочие являются группой по формальному признаку—работы *по найму*—наиболее отграниченной и потому более доступной учету, однако, в действительности, не вполне учтенной. При первой всероссийской переписи населения в 1897 году, благодаря зимнему моменту ее производства, в группу наемных рабочих не введены сельскохозяйственные пришлые рабочие весеннего и летнего найма. По преуменьшенным таким образом данным, по всей бывшей империи наемных рабочих в сельском хозяйстве зарегистрировано 2,5 милл. (в земледелии—2,1 милл. и в животноводстве—0,4 милл. [1]). Как видим, даже с известной поправкой,—капля в море крестьянской стомиллионой стихии. На-ряду *с малочисленностью*, перепись отмечает очень *неравномерное распределение* сельско-хозяйственных рабочих по отдельным частям бывшей империи и по губерниям. Сколько-нибудь заметную величину показывают лишь прибалтийские губернии (292,4 тыс.), Ковенская (124,0 тыс.) и отчасти юго-западные губ., малороссийские губ., Новороссия и губ. Самарская и Саратовская. В остальных губерниях, в целых районах сельско-хозяйственные наемные рабочие составляют совершенно неощутимый % сельского населения. Кроме того, перепись 1897 г. дает возможность сделать коекакие характерные в социально-экономическом смысле заключения о *возрастном* и *половом составе* сельско-хозяйственных наемных рабочих и о их *семейном положении*. Отличительной особенностью этой группы является повышенная пропорция в ней женщин, которые составляют от 45 на 100 мужчин—в животноводстве, и 21 на 100 — в земледелии, между тем как в других отраслях производства насчитывается, в среднем, 16 женщин на 100 мужчин. Другим отличительным демографическим признаком группы сельско-хозяйственных рабочих служит чрезвычайно высокий в ней % подростков и даже детей моложе 12 лет. Особенность эта проявляется с большей резкостью в животноводстве и для лиц женского пола. Обращает на себя внимание также низкий % лиц состоящих в браке: 46% для мужчин и 29% для женщин, тогда как средний % брачности *для всего населения* составляет 64—65%.

---

[1] См. «Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения 1897 года». Изд. СПБ. 1906 г.

Чтоб исчерпать данные переписи, отметим еще преобладание в группе сельско-хозяйственных рабочих местных уроженцев (уроженцев той же губернии), которые в среднем по группе составляют до 83,8%. Надо, впрочем, напомнить, что пришлые, сезонные рабочие не в полной мере учтены переписью, отчего, при внесении соответствующей поправки, картина должна значительно измениться [1]. На основании всего сказанного, мы позволим себе сделать несколько заключений. Вполне естественно, что в зависимости от своей численности, состава, хозяйственно-экономических и условий найма и быта, сельско-хозяйственные наемные рабочие могли проявлять и далеко не одинаковую социальную психологию. Так напр., в прибалтийских или Ковенской губерниях, в обстановке капиталистического сельского хозяйства, профессиональный сельско-хозяйственный пролетариат—многочисленный, компактный и с определенной классовой организацией — проводит в аграрном движении в 1905—1906 г.г. стачечную борьбу с чисто-рабочими лозунгами. Наоборот, в юго-западных, малороссийских губерниях и Новороссии, не говоря уже о других местностях России, малочисленные, разрозненные, пришлые из наиболее забитых крестьянских низов черноземной полосы, — сельско-хозяйственные наемные рабочие—не проявляли достаточной определенности и активности в местном аграрном движении. Как свидетельствуют анкетные сведения [2], сельско-хозяйственные рабочие часто шли «на поводу» у других, более решительно настроенных слоев крестьянства. Нужно, однако, оговориться, что во многих случаях, отмечаемый корреспондентами «с‘ем экономических и пришлых рабочих местными крестьянами» и выступление батраков только «после постановления соседних сел» были своего рода маневром «для отвода глаз» и освобождения находящихся в личной зависимости рабочих от ответственности в случае неудачи забастовки.

[1] Что касается *пришлых* сельско-хозяйственных рабочих, то на-ряду с несколькими монографиями некоторую характеристику их—количественную и экономическую—дает произведенная в 1912 году Торгово-Промышленной Газетой анкета, из которой мы воспользуемся лишь несколькими штрихами. В районах наибольшего тяготения отхожих сельско-хозяйственных рабочих—Новороссия и Донская область—пришлые рабочие составляли в 80-х г.г. 80 и 88% всего рабочего найма. Районами выхода являлись преимущественно центрально-земледельческие губернии, особенно Орловская, Рязанская и Тульская. Преобладающей причиной, толкавшей крестьянство на отхожие сельско-хозяйственные промыслы, по данным анкеты, являлось (84% ответов) малоземелье. Движение пришлых рабочих происходит стихийно, без плана и организации. Поток пришлых сельско-хозяйственных рабочих в южные степи за последние десятилетия сокращался и изменял свое направление в сторону Сибири, Юго-Востока и Заволожья.

См. *Полферов. Я. Я.* «Сельско-хозяйственные рабочие руки». 1913. СПБ.

[2] См. «Аграрное движение в России 1905—1906 г.г.» (Обзоры по районам, ч. I и II. СПБ. 1908 г.).

б) Крестьянская беднота.

К рассмотренной нами малочисленной группе с.-х. наемных рабочих непосредственно примыкает, а в жизни часто совершенно сплетается с нею, слой *остро-* и притом *хронически*-малоземельного и без'инвентарного крестьянства, по укрепившемуся теперь образному выражению, бедняцкие его низы, крестьянская голытьба.

Безлошадные и однолошадные дворы составляли к концу XIX в. $6^1/_2$ миллионов. Если даже скинуть со счета половину однолошадных, как могущих в отдельных случаях сводить концы с концами в собственном хозяйстве, то останется еще 4 с лишним милл. крестьянских хозяйств (больше трети их общего числа). О них-то в свое время В. И. Ленин писал: «низшие группы крестьянства, в частности однолошадные и безлошадные дворы, представляют из себя по своему положению в общем строе народного хозяйства *батраков и поденщиков* (шире: наемных рабочих) *с наделом*» [1].

Чтобы дать какую-либо водораздельную линию между крестьянской беднотой и соприкасающимся с нею сверху середняком, мы предлагаем приблизительно трехдесятинный земельный надел на хозяйство. Имея даже в виду неодинаковое хозяйственное значение 3 десятин по районам, можно все-таки предположительно сказать, что они не дают базы для полеводственного хозяйства ни в одном из районов. Если в отдельных случаях допустимо, при удачной комбинации с другими видами землепользования, своего рода «карликовое хозяйство», то, как общее правило, такие крестьяне, в виду отсутствия притом инвентаря, вынуждены сдавать свой надел в аренду и входят в статистику в качестве беспосевных.

За исключением северо-западной полосы России (прибалт., приозерные, литовские и белорусские губ.) и крайнего ее европ. Востока (юго-вост., Нижн.-Повол., Приуралье) такое маломочное крестьянство составляло везде солидную величину: на севере и в средне-черноземном районе—от $^1/_4$—до $^1/_6$ части дворов, в Новороссии—35,4%, б. малоросс. губ. 44,8%, а в юго-западных—57,6% ко всем дворам [2].

Эта в настоящем смысле слова *крестьянская беднота* служила излюбленным полем жестокой эксплуатации всех видов и форм. *Во-первых*, зажиточным односельчанином, с'емщиком ее надельной земли, при одалживании инвентаря—в случаях собственной микроскопической запашки и при ссуде хлеба—из года в год. *Во-вторых*, землевладельцем в виде голодной аренды,

[1] *Н. Ленин (В. Ульянов).* «Аграрный вопрос в России к концу XIX века». Из-во «Жизнь и Знание». 1918.

[2] *П. Маслов.* «Крестьянские движения в России». Изд. т-ва Мир. М. 1923 года.

отработок и при найме в соседнюю экономию. *В-третьих*, промышленным капиталом — при внеземледельческих отхожих промыслах. *В-четвертых*, купеческим ростовщическим капиталом, где и когда это только возможно. Наконец, эта же незаможная группа пополняет кадры пришлых с.-х. рабочих.

По анкетным данным, беднейшее крестьянство участвовало, и большей частью активно, во всех проявлениях экономической и революционнной борьбы, отступая лишь «поневоле» в тех случаях, когда по техническим соображениям, за отсутствием «орудий производства»—лошадей и запряжки—не могло участвовать в порубках, потравах и разгромах. Да оно и понятно. Несомненно, что поводов для озлобления и «стимулов» у него было больше чем достаточно и что идеалы его лежали, так или иначе, *около земли*. В зависимости от конкретных форм преобладающего вида эксплуатации, требования его шли по линии условий найма, прирезки надела, арендных льгот и др. К тому же ему без преувеличения «нечего терять», а наличность собственного угла и родственных связей в деревне давало ему относительно большую «независимость» по сравнению с бездомным батраком и пришлым рабочим. Но говорить о какой-либо *единой и оформленной* положительной земельной программе едва ли было возможно применительно к этой, в сущности говоря, деклассированной и пестрой по хозяйственным запросам и видам эксплуатации, крестьянской массе [1].

в) Крестьянская буржуазия.

Минуя крестьянина-середяка, о котором будем говорить немного ниже, переходим теперь на противоположный полюс деревенского бытия—*к крестьянской буржуазии*.

Как и группа с.-х. наемных рабочих, эта категория крестьянства относительно малочисленна, но при этом она сравнительно равномерно разбросалась в крестьянской среде, составляя ее крайнюю верхушку.

Крестьянская буржуазия не связана никакими формами, видами и степенями эксплуатации, оперируя свойственными ей как группе *свободными излишками*—земли, инвентаря, денег, хлеба и пр.—и руководствуясь при этом лишь условиями места и времени. Благодаря такой приспособляемости и многоликости деревенское кулачество с большим трудом поддается твердому числовому отграничению: снизу—от крепкого середняка, и сверху—

[1] Другое дело *теперь*, когда в условиях национализации земли и пролетарской диктатуры явилось возможным направить маломощное крестьянское х-з-во по руслу социалистческого строительства, путем непосредственного обобществления (обществ. обработка земли, коммуны), или предоставляя без'инвентарной бедноте возможность приложить свой труд в государственном (советском) хозяйстве.

от купеческо-ростовщического капитала. И если, *в общей своей форме,* факт классового расслоения крестьянства никем, надо думать, уже не отрицается, то числовое его выражение встречает сугубые трудности. Необходима дробная и комбинационная обработка фактического матерьяла и введение, в качестве постоянного условия, учета и группировок по найму батраков и поденщиков.

Традиционные *средние,* относящиеся суммарно к различным категориям и слоям крестьянства, или однобокие группировки по *земле* или *лошадности,* без соотношения ко всей совокупности признаков, в данном вопросе лишь искажают действительность. Поэтому, поскольку для *без- и мало*посевной группы мы могли допустить такую вольность, как районирование по одному лишь признаку — надельной земле, с оговоркой об условности и схематичности такого приема, постольку в отношении дореволюционной крестьянской буржуазии мы, за отсутствием твердых статистических данных, ограничимся беглой *описательной* характеристикой социально-экономических основ сельского кулачества по ряду показательных для него элементов.

Первым по времени и наиболее массовым моментом отслаивания крестьянской буржуазной верхушки, так сказать ее подпочвой, могли быть сверхтрудовые *излишки надельной земли.* Процесс этот, возможный повсеместно, раньше всего и с особенной резкостью должен был проявиться в районах господства подворного владения землей, т.-е. во всей западной полосе России (прибалтийские, северо-западные, юго-западные и б. малоросс. губ.), Беря наудачу, например, Полтавскую губернию, мы обнаруживаем в Полтавском уезде по переписи землевладения 1905 года, такую неравномерность в распределении надельной земли:

Группы:	Число дворов.	Десятин земли.	В среднем на 1 двор.
1	9.751	21.938	до 5 дес.
2	27	150	5—7 „
3	77	1.747	15—30 „

Или то же самое в Подольской губ., где в Камен.-Подольском уезде при основной массе 30.451 дворов с наделом до 7 дес. на 1 двор насчитывается 95 дворов, в которых надельная земля составляет более 7-ми и до 40—в среднем на 1 двор [1].

Начавшиеся с *надельной* земли *излишки* усиливались в дальнейшем напластыванием *купчей и арендуемой.*

Средний размер крестьянских покупок земли самостоятельно без помощи Крестьянского позем. банка, составляет *33 десятины.* Покупщиками в *этих условиях* могли быть исключительно наиболее зажиточные крестьяне—единолично, или в форме специальных товариществ, что, разумеется, суть дела не меняет. При

[1] См. «Статистика землевладения 1905 г.». Изд. 1907 г.

покупке же при посредничестве Крестьянского банка, в числе покупщиков, приблизительно на 1/3 стоит более состоятельное крестьянство, с земельным обеспечением *свыше 8 десятин на хозяйство.* Что касается до покупок так называемой *беззмельной* группы, то они достигали в среднем по годам (с 1907 по 1911 г.г.) от 9,9 до 16,5 дес. с определенной тенденцией к повышению. Принимая в расчет высоту банковских платежей, столь высокий размер сделок говорит достаточно убедительно об имущественном облике покупателей. Скажем больше. На основании тех же отчетов Крестьянского позем. банка, можно безошибочно предположить, что все единоличные покупки крестьян через банк, составившие к 1904 г. более 13 милл. дес., в значительной мере подготовили почву для мелкокапиталистического крестьянского хозяйства или пошли в перепродажу более мелкими долями.

Столыпинская реформа, с ее откровенной «ставкой на кулака» против, по выражению ее защитников, «растяпы»—деревенской бедноты, пустила в водоворот купли-продажи все до тех пор неподвижные, если не считать надельной аренды, надельные крестьянские земли. Она значительно ускорила, заострила и оформила процесс расслоения российской деревни [1].

Третьим моментом собирания земли в руках крестьянской буржуазии могла быть ее *аренда.* В земской статистике имеются на этот счет в высшей степени наглядные иллюстрации. При группировках арендуемой земли по посевным группам, находим правильно выраженную связь между размерами имеющегося посева и распространения *денежной* аренды, что в условиях крестьянской экономики сопровождается определенно предпринимательским ее характером.

Итак, покупка земли и ее аренда, в более широкой степени и в более выгодной форме доступные лишь для зажиточного крестьянства, были в течение десятилетий средствами накопления крестьянского земельного нетрудового фонда.

---

[1] Не следует, однако, переоценивать роль столыпинского аграрного законодательства в деле социально-экономического переустройства российской деревни, как это по нашему мнению делает *т. Тюменев* в своей статье «Революция 1905 г. и расслоение сельского населения» (см. кн. 5 «Вестн. Соц. Академии» 1923 г.).

Исходя из чрезвычайно интересного и яркого материала о результатах мобилизации крестьянских наделов по закону 9 ноября, автор в своих выводах упускает из виду следующее соображение: резкий перегиб всей реформы в сторону политического насилия в ущерб ее социально-экономической сущности. Поскольку реформа выявила и легализировала уже шедший процесс расслоения деревни, опиравшийся на сколько-нибудь твердый историко-экономический базис, постольку и было прочно и в известном смысле прогрессивно ее значение. Но поскольку—а это было доминирующим—столыпинское землеустройство было политическим экспериментом в целях раз'единения крестьянской массы и игнорировало вопрос о производительных силах, постольку и ближайшим спутником его была полная пауперизация крестьянской бедноты без одновременного создания крепких крестьянских хозяйств.

Земельные избытки вполне естественно связаны в крестьянском быту с попутным ростом обеспеченности живым и мертвым инвентарем. Но последний может сделаться и самостоятельным орудием эксплуатации в виде сдачи в наем. Однако последняя, в большинстве случаев, не имеет вполне развернутого вида и затушевывается целой серией бытовых крестьянских особенностей—помочей, соседских услуг и т. п.

Что касается до накопления денежного капитала в руках крестьянской буржуазии, то оно служит прежде всего необходимой предпосылкой к расширению землепользования—как покупкой, так и арендой—и всего хозяйственного оборудования. Но по мере развития денежности крестьянского уклада, оно приобретает и специфическую форму денежно-ростовщической эксплуатации, полем для которой является уже не только деревенская беднота, но, в равной степени, и все среднее крестьянское хозяйство.

В виду всего сказанного не приходится сомневаться в определенно-классовых интересах кулацкой части дореволюционного крестьянства. Но пока и поскольку экономическая борьба трудовых крестьянских масс до революции сплеталась с моментом сословно-политическим и им затемнялась, постольку и крестьянская буржуазия не служила основным ее фокусом и главной ее мишенью.

Правда, анкетные данные о крестьянском движении 1905—7 г.г. нередко обнаруживают нападения бедноты на головку крестьянской буржуазии, преимущественно на хуторян, в виде «чистки» хлебных амбаров и посягательства на прочие *явные* излишки. В тоже время, многие корреспонденты характеризуют кулачество как «помещичью партию», «доносчиков» и т. п. Но на-ряду с этим, имеются обратные свидетельства об участии *зажиточного крестьянства* в аграрном движении вплоть до разгрома помещичьих усадеб и даже его первенства при дележе захваченного имущества [1].

г) Середняк.

Характеристика *середняка*, выявление его групповой физиономии, есть центральный пункт «крестьянского вопроса» как при теоретической, так и при практической его постановке, ибо *количественно середняк* составляет главный массив крестьянской массы, а *качественно*—самую его сердцевину. В народнохозяйственном смысле — середняцкое трудовое хозяйство, как преобладающее, определяет его средний уровень и экономический вес; в социально-политическом отношении, как более хозяйственно-самостоятельное, дает тон и общее направление кре-

[1] Аграрное движение в России 1905—1906 г. Обзоры по районам. СПБ. 1908 г.

стьянским интересам и идеологии. Отсюда вытекают и живой практический интерес, и особая теоретическая сложность и спорность вопроса о середняке.

Отличительным признаком, характерным для выделения середняцкой группы от прочих слоев крестьянства, является *собственное трудовое земледельческое хозяйство,* как *основа его хозяйственной деятельности.* Нижние слои деревни, как мы уже отмечали, стихийной силою вещей, обречены были на хронически бесхозяйное существование. Это—целиком, или почти целиком, работники *в чужом хозяйстве.* С другой стороны, для крестьянской аристократии—собственный труд в своем хозяйстве *уже* не играл сколько-нибудь заметной роли: в своей хозяйственной деятельности эти крестьянские «захребетники» ориентируются на нетрудовые доходы на основе использования *чужого труда.* Наоборот, середняк — это трудовик по преимуществу. Для него собственное хозяйство и собственный труд—два нераздельных момента, которыми главным образом и определяются его интересы и идеалы.

Числовое содержание середняцкого хозяйства колеблется по районам и в их пределах в зависимости от системы хозяйства, технического его уровня и т. п. Численность же середняцких групп меняется в связи с историческими и местными бытовыми условиями: характером заселения района, нормами первоначального наделения, преобладающими формами землепользования и, ближайшим образом, степенью расслоения крестьянства. Никакие твердые цифровые границы в этом пункте не могут быть установлены.

В качестве же грубо-схематического приближения можно наметить несколько крупных областей с количественным преобладанием середняка. *Центрально-земледельческий и Нижне-волжский* районы—с середняцкой массой от $^3/_5$ до $^3/_4$—со специфическим земледельческим уклоном крестьянства и работой в помещичьем хозяйстве. *Юго-западные, б. малороссийские и новороссийские губернии* с середняцкой массой от $^3/_5$ до $^2/_3$—при наличии местных с.-х. заработков и свеклосахарной промышленности. *Белорусские и промышленные губернии* с середняцким хозяйством до $^2/_3$—при наличии трудоемких культур и фабричных заработков.

Но положенный нами в основу нивелирующий признак — собственное самодовлеющее хозяйство, с гармоническим сочетанием в нем трудовых и потребительских ресурсов и запросов, без продажи труда и без его найма — есть только отвлеченная логическая категория. Поскольку же крестьянское хозяйство, приблизительно с отмены крепостного права, жило в общей атмосфере товарного оборота, оно в большей или меньшей степени подчинялось воздействию рынка, а вместе с тем и центробежной силе торгово-промышленного капитала. Оно становилось на путь капиталистического расслоения.

В одном направлении—*вверх*—рост общехозяйственной мощи, большие хозяйственные возможности по покупке земли, более выгодной денежной форме аренды, доступ к техническим агрикультурным улучшениям.

На известной ступени и в известных условиях—регулярное употребление наемного труда, внутринадельная аренда. Короче сказать—уклон в крепкое хозяйство фермерского типа.

В обратном направлении — *вниз* — ослабление хозяйства под влиянием хронического недостатка средств производства, избытка рабочей силы, кабальная аренда, продажа труда, зависимость от кулака, скупщика, ростовщика и т. п.

Постоянное продвижение вверх и вниз по скале хозяйственного благополучия, столь характерное для крестьянского трудового хозяйства, не останавливалось в границах середняцкой группы, но возможно было и за ее пределы: в сельскую буржуазию, с одной стороны, и в деклассированную массу крестьянской бедноты, беспосевщиков, «отсутствующих»—с другой,

Такова общая тенденция. Но на деле процесс социально-экономического расслоения в крестьянской среде шел несравненно более осложненным путем и замедленным темпом. Осложнялся он благодаря разнообразным и изменчивым комбинациям хозяйственных признаков *внутри* отдельных хозяйственных единиц. Замедлялся же он потому, что основное отслоение *вверх* и *вниз* сопровождалось и задерживалось состоянием неустойчивого равновесия в связи с самыми причудливыми изворотами крестьянской экономики: одно и то же крестьянское середняцкое хозяйство может быть одновременно и об'ектом и суб'ектом эксплуатации.

Из сказанного следует, что вся группа *в целом* не может быть уложена в рамки обычной классовой экономической схемы, а требует более конкретной оценки, каждый раз на фоне общей исторической кон'юнктуры [1]. По отношению к дореволюционному прошлому дело значительно облегчается. Для этой, уже законченной, страницы истории мы имеем в нашем распоряжении чрезвычайно красноречивый материал в лице данных о крестьянском движении XX в. и в программах крестьянских организаций

[1] Научно-экономическая характеристика российского *середняка* причинила в свое время социалистической теории не мало хлопот. Старонароднический все покрывающий термин *«народ»* (Михайловский и др.) и староэс-эровские усилия втиснуть трудовое крестьянство в общую с рабочим классом категорию (В. Чернов, А. Пешехонов и др.) являлись или откровенным игнорированием экономического строения общества, или полным смешением экономических моментов с социально-политическими и революционно-тактическими соображениями. С другой стороны, и огульная квалификация всего крестьянства как *мелкой буржуазии*, также не решала вопроса *по существу*. Сама по себе экономическая категория мелкой буржуазии в применении к стомиллионной крестьянской массе требовала расшифровки, если не довольствоваться отвлеченной схемой, а нащупывать реальную историческую перспективу и равнять по ней социально-политическую тактику.

и союзов. За исключением б. Прибалтийского края, где аграрное движение 1905—1907 г.г. шло определенно под знаком борьбы с.-х. пролетариата с помещиками, во всей остальной России *середняк* был и зачинщиком и главарем движения, играя в нем роль «первой скрипки». На этом единодушно сходятся все уже не раз упомянутые нами анкетные данные. Интереснее всего то, что эта руководящая роль *среднего* крестьянства наблюдалась даже в тех местностях, где преобладала стачечная форма борьбы (юго-зап. и б. малор. губ.), что находит себе об'яснение в относительно меньшей его личной зависимости и в большей, наоборот, экономической самостоятельности.

Середняцкая масса дает крестьянскому движению и положительную программу и боевые лозунги.

Численно преобладавшие *середняцкие низы*, для которых земельный голод был обычным явлением, получали недостающую землю, как общее правило, на началах гнетущей кабальной аренды. Для них частная собственность была синонимом помещичьей и кулацкой эксплуатации, и, напротив, общинное поравнение некоторой страховкой от крайней нищеты. Они, естественно, сделались носителями лозунга «земля—ничья» и, в качестве положительной программы, мечтали о потребительно-трудовом поравнении. Более малочисленные крепкие *середняцкие верхи* — с более округленным, но все еще трудовым в основе, хозяйством, клочком купчей земли и т. п., менее остро бывали заинтересованы в прирезке и, может-быть, более тронуты индивидуалистическими соображениями. Для этой части крестьянства типичной была трудовистская программа, принципиально нейтральная в вопросе о частной собственности и напиравшая преимущественно на трудовую — достаточно щедрую — норму (до 50 десят. на хозяйство). Подхлестываемые при этом моментами политического, налогового и рыночного гнета, эти *трудовики* были положительной и активной силой в аграрном движении.

Характерно затем то обстоятельство, что крестьянские волнения XX века и специфические крестьянские организации локализировались именно в центрально-земледельческих районах, этом царстве малоземельного середняка, с чисто-земледельческим укладом народного хозяйства, помещичьим землевладением, кабальной арендой и навыками к общинным переделам.

Закрепим теперь основные положения, вытекающие из всего сказанного о социальном составе российского крестьянства.

1. Пестрота социально-экономического облика дореволюционного крестьянства и его хозяйственных запросов.

2. Общий всему российскому крестьянству интерес лежал по линии земли (тяга вширь) при самых разнообразных формах и способах ее использования: приложение труда по найму, расширение и укрепление собственного трудового хозяйства, предпринимательские цели.

3. Наличие более или менее численных, в зависимости от района, групп: *с.-х. пролетариата, крестьянской бедноты*, не имеющей самостоятельного хозяйства и недостаточно обеспеченных *середняцких низов*, постоянно эксплуатируемых на почве земельных отношений крупной земельной собственностью и капиталом.

4. Отслаивание в среде крестьянства группы мелко-капиталистической, кулацкой, живущей за счет своих излишков и труда неимущего крестьянства.

5. Неустойчивое равновесие всей крестьянской массы (за исключением самых крайних полюсов деревни) и постоянные передвижки в ее среде.

Перечисленные особенности давали всей массе дореволюционного крестьянства стимул к борьбе с самодержавно-дворянским строем. Нарастание же в *недрах самого* крестьянства крестьянской буржуазии бросало в трудовые низы деревни первое сознание о бессословной классово-капиталистической эксплуатации на почве частной собственности.

Классовое расслоение крестьянства и взаимные отношения между отдельными его группами уже в то время были оценены пролетарским авангардом при определении революционно-классовой тактики по отношению к деревне. В 1903 году, в своей брошюре «К деревенской бедноте» [1], В. И. Ленин говорил о тесном родстве интересов бедняцкой крестьянской массы с интересами городских рабочих и о естественном их союзе.

«К деревенской бедноте,—писал он,—принадлежит громадное большинство, почти две трети всех крестьянских дворов... Безлошадный крестьянин—это такой, который стал уже совсем неимущим. Это—пролетарий, живет он (покуда живет, а вернее сказать, что перебивается, а не живет) не землей, не хозяйством, а *работой по найму*. Это – родной брат городского рабочего... Немногим дальше ушли и однолошадные крестьяне... Однолошадный крестьянин, как и безлошадный, только «заработками» и перебивается. А что значит «заработки»? Это значит, что однолошадный крестьянин наполовину перестал быть хозяином, а стал наймитом, пролетарием. Вот почему таких крестьян и называют *полупролетариями*. Они тоже родные братья городского рабочего... «Это все,—говорит дальше Ленин, — отхожие рабочие. Это крестьяне только по названию, а на самом деле наймиты, рабочие. Они все должны об'единиться в один союз с городскими рабочими, и каждый луч света и знания, попадающий в деревню, будет усиливать и укреплять этот союз».

Учитывая промежуточное положение *середняка* между крестьянской буржуазией и беднотой, двойственность его интересов («нето рыба, нето птица») и непрочность каких-либо улучшений в его положении, Ленин рисовал такую перспективу

---

[1] Собр. сочинений, т. IX.

крестьянских взаимных отношений: «чтобы всем средним мужикам в богатые пролезть,—для этого надо самих богатых убрать, а убрать их может только союз городских рабочих с деревенской беднотой».

Таким образом, союз с беднотой против крестьянской буржуазии в интересах подавляющей массы крестьянства—таковы были перспективы, вытекавшие из классового расслоения дореволюционной деревни.

3.

На историческом пути, которым российское крестьянство продвигалось к союзу с рабочим классом, лежало одно сближающее социально-экономическое обстоятельство.

Мы имеем в виду отход крестьян на фабрично-заводские промыслы и встречное, так сказать, течение—живые связи городских рабочих с землей.

Оба явления, в сущности говоря, представляют собою две стороны или два момента одного и того же экономического процесса—формирования профессиональных кадров промышленного пролетариата. В этот период постепенного отделения рабочего от деревни крестьянин-земледелец и фабричный рабочий нередко сливались, как увидим ниже, в одном лице, а еще чаще—в общем семейно-хозяйственном бюджете. Затяжной и своеобразный характер, какой приняло у нас это явление, служит лишним показателем болезненного уклона российской дореволюционной экономики: с одной стороны, хронического малоземелья, низкой доходности крестьянского хозяйства, его перегрузки рабочей силой, а с другой—ничтожной, ниже семейного прожиточного минимума—заработной платы промышленных рабочих.

Об исчерпывающих статистических данных по затронутому вопросу говорить не приходится, так как ни земская статистика, ни тем более записи волостных правлений о выданных паспортах не дают возможности выделить отход крестьян на фабрику из общей массы крестьянских отхожих промышленников. В то же время и рабочая статистика того периода не имела массовых сведений относительно социального состава рабочего класса. Но кое-что все-таки имеется. И этот отрывочный, описательный, но порою достаточно отчетливый материал должен быть сопоставлен для освещения интересующего нас вопроса.

Наибольшую ценность по своему об'ему и возможности районирования представляет ведомственный доклад главного фабричного инспектора [1], в котором собраны сведения о восьмилетнем периоде — с 1886 — 1893 г.г. Сведения эти касаются $12^1/_2$ тысяч фабрик и заводов, относятся к 800 тыс. рабочих и сгруппированы по 9 фабричным округам.

По свидетельству доклада, в среднем, 28,25% всего числа обследованных рабочих совмещали фабричный труд с сельско-

[1] См. *А. В. Погожев*. «Учет, численность и состав рабочих в России». (Материалы по статистике труда). Изд. Акад Наук. Спб. 1906 г.

хозяйственным, работая зимой на фабрике, летом—на родине. Но приведенная *средняя* мало реальна. Сравнительно устойчивый по годам, на протяжении отчетного восьмилетия, процент крестьян-рабочих проявляет чрезвычайно большие колебания в зависимости от рода производства, а в связи с этим—и по отдельным округам. Если в среде рабочих по обработке металла *постоянные* (не уходящие на с.-х. работы) рабочие составляют 88,89%, в обработке волокнистых веществ—83 52%, то, напротив, в производстве по обработке пищевых и вкусовых веществ он падает до 34,62%, т.-е. $^2/_3$ рабочих еще являлись в них наполовину земледельцами [1].

При анализе того же явления по фабричным округам, прежде всего, бросается в глаза резкая диференциация районов потребляющей полосы и производящей полосы.

В 6-ти округах *потребляющей* полосы процент «совместителей» колеблется от 10,78% (в СПБ. окр.) до 19,77% (во Владим. окр.). Наоборот, в *производящей* полосе тот же % поднимается до 48,78 (в Харьк. окр.), 57,50% (Киевск. окр.) и 76,27 (в Воронеж. губ.), что обнаруживает, таким образом, в земледельческом центре наиболее тесные связи промышленных рабочих с землей.

Приведенные иллюстрации касаются только самого живого вида связи крестьянина и рабочего на промысловом рынке, совмещение обоих видов труда в одном и том же лице. Если учесть более отдаленные связующие нити, каковы, например, труд семьи, сдача надела в аренду, обладание постройками, посылка денег в деревню, то картина была бы еще определеннее... Нужна, однако, и обратная поправка. Сказанное до сих пор относится к очень далекому прошлому и к такому его периоду—конец 80-х и начало 90-х годов, когда после временного промышленного застоя началась, в связи с выравнением заработной платы, тяга в город свежих слоев населения, еще не порвавших с землей. Необходимы, поэтому, сопоставление и проверка с более поздними данными.

Из таких наибольший интерес — по своей закругленности — представляют результаты обследования в 1898 году состава рабочих т-ва Эмиль Циндель, которые, по утверждению авторитетных знатоков вопроса, можно считать типичными и для всего Московского района.

По признаку большей или меньшей связи с землей опрошенные 1417 рабочих—на 94% крестьяне — разбиваются на несколько групп [2].

---

[1] Мы не имеем возможности детализировать, оговоримся только, что рубрика «уходящие на полевые работы» обнимает очень широкие колебания в смысле *срока, от 2-х недель до 8-ми месяцев*. Но в среднем можно принять ее как *полурабочих*.

[2] Предлагаемую группировку заимствуем у *Туган-Барановского*. См. его книгу «Русская фабрика в прошлом и настоящем», т. I, 1900 г. См. также кн. *Е. Дементьева* «Фабрика. Что она дает населению и что она у него берет?» Изд. М. 1893.

	Составляют в %.
1. Самостоят. сельское хозяйство и уход на полев. работы [1].	11.9
2. Семья ведет хозяйство, сам же на полев. работы не уходит	61.4
3. Сдают надел в аренду	12.3
4. Имеют только постройки	3.6
5. Никакой связи с деревней	10.8

Итак, к концу XIX века 11,9% рабочих совмещали еще фабричный труд с сельско-хозяйственным, а 10,8% вполне отрывались от земли.

Для остальных же 78% форма связи с деревней колебалась, при чем ведение хозяйства при посредстве семьи являлось преобладающим.

Сравнив только-что приведенные данные с более старыми, по Московскому же району, находим за десять приблизительно лет сокращение крестьян-рабочих с 19,5% до 11,9%. Более поздних прямых и обобщающих материалов по этому поводу мы не имеем, но возможны косвенные заключения. Тем же обследованием установлено, что обеспеченность надельной землей, по расчету на едока, и все прочее хозяйственное оборудование у крестьян, работающих на фабрике, относительно ниже, чем у прочей крестьянской массы. Это, короче говоря, крестьянская беднота. Можно безошибочно предположить, что через 10 еще лет именно эта категория крестьян-совместителей была в первую голову обезземелена столыпинским землеустройством и, таким образом, наиболее слабые связи с землей порваны. Для многих отдельных губерний имеются и прямые указания на высокий % «отсутствующих» в группе продававших наделы выделенцев. Учитывая в качестве *общей* тенденции, это постепенное обособление городских рабочих, в ходе промышленного развития, мы все-таки считаем, что *для начала XX века* связь фабричного рабочего с землей была достаточно распространенным и глубоким бытовым явлением. В качестве такового оно должно быть оценено нами с точки зрения социальной и политической психологии трудовых классов и, прежде всего, рассмотрено со стороны своего значения для крестьянского хозяйства [2].

---

[1] См. предыдущее примечание.

[2] Вполне точный количественный учет невозможен. По приблизительным же данным, на рубеже XX в. затронуто промысловой деятельностью 14,2 мил. крестьян земледельцев, что составляет до 32% крестьянского населения рабочего возраста. Из них занято в отхожих промыслах 3,8 мил., т.-е. более одной четверти. К сожалению, наиболее интересный для нас в данную минуту вид приложения крестьянского труда *вне* своего хозяйства—фабрично-заводские промыслы—мог быть выделен лишь для *местных*, промышленников. *отхожие* же регистрировались огульно. Если считать что из последних приблизительно до 3 милл. уходили на сел.-хоз. работы, то на уходящих в города, на фабрики и заводы, останется около 1 милл.

Городские и в частности фабрично-заводские заработки крестьянского населения являются одним из наследий крепостного права. Они — особенно в нечерноземных губерниях — служили экономической базой оброчной системы помещичьего хозяйства. Позже, неземледельческие доходы продолжали оставаться необходимой статьей крестьянского бюджета, для оправдания в нем денежных расходов—земельных платежей, налогов и пр.—и, естественно, должны были возрастать с обострением малоземелья и упадком общей доходности крестьянского хозяйства.

Уход крестьян в города на заработки мог проявляться в различных внешних формах: или это было *сезонное чередование* обоих занятий (зимой—на фабрике, летом—в сельском хозяйстве), или же — в перегруженных рабочей силой крестьянских хозяйствах—*специализация части взрослых работников* на промысловом отходе. Большое распространение имело также, при остром недостатке рабочей силы в семье, не допускавшем разделения труда между городом и деревней, *временное свертывание хозяйства* и уход в город всей семьи—до изменения рабочего состава.

Как видим, в некоторых случаях совмещение обоих видов труда происходило в одном и том же лице, иногда же в той же семье.

Фабричные промыслы накладывали глубокий отпечаток на весь строй экономических отношений в крестьянском хозяйстве. В отдельных местностях промышленной полосы (Костром., Владимирской губ.) по линии промысловости шла хозяйственная диференциация деревни на чисто земледельческое меньшинство дворов — собирателей земли — и на промысловое большинство крестьянства, живущее исключительно промыслами.

Все это с достаточной убедительностью говорит о том, что хроническое перераспределение рабочих сил между городом и деревней было связано крепкими историческими нитями с самыми основами крестьянского хозяйства и накладывало на массовую социальную психологию российского крестьянства вполне реальный отпечаток.

Крестьяне-рабочие сближались фактически и идейно с профессиональным пролетариатом [1].

Крестьянское население непосредственно заинтересовывалось в обстановке и условиях фабричного труда и обратно: нужды

человек. В числе *местных* промышленников — фабрично-заводские промыслы составляют около 2 милл. человек. Таким образом, для 1900 г. до 3 милл. крестьян было связано с фабрично-заводским трудом. См. материалы Комиссии по оскудению центра. Изд. 1903, Деп. Окл. Сборов.

[1] «Смычка, товарищи, — говорила Н. К. Крупская на траурном заседании II Всесоюзного С'езда Советов, — дана самой историей. Русский рабочий одной стороной своей—рабочий, а другой стороной—крестьянин».

Не даром, в настоящее время, лучшим проводником идейной спайки городского пролетариата с трудовым крестьянством признаются рабочие отпускники, имеющие хозяйственные и родственные связи с деревней.

крестьян-земледельцев не могли быть вполне чуждыми фабричным рабочим, в огромном большинстве случаев *вчерашним* крестьянам. При промышленных заминках или стачках запросы и идеалы рабочих, их экономические и политические лозунги могли находить отклик в крестьянской среде.

Яркий пример растущего идейного родства и экономической солидарности городских рабочих с крестьянской массой дали события «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года. Выстрел по рабочим загремел через головы петербургского пролетариата по всей крестьянской России. Отвечая террором на мирную петицию рабочих, царское правительство давало наглядный урок трудовому крестьянству, которое ответило на него взрывом аграрного движения...

Словом—крестьяне-рабочие были одним из связующих звеньев между обоими видами *труда* и, на-ряду с прочими сближающими моментами, о которых мы уже говорили выше, подготовляли почву для союза крестьянства с промышленным пролетариатом.

* * *

Мы подошли к чрезвычайно важному и интересному вопросу: насколько и как, т.-е. в каких именно конкретных формах, проявилась уже в то время связь городских рабочих с крестьянством и их участие в крестьянском революционном движении 1905—07 г.г. Во всем своем об'еме вопрос этот может быть выяснен лишь после детальной разработки всей массы официальных архивов и документов того времени — жандармских управлений, охранных отделений, крестьянских присутствий и т. п.

В самом близком времени несомненно появятся специальные работы на эту тему. Статья т. М. Покровского: «Кто вел деревенскую революцию 1905 г.» [1] — уже несколько приоткрывает завесу истории: автор приводит ряд выписок, которые говорят о связи между крестьянскими революционными выступлениями то «с возвращением крестьян с отхожих промыслов по случаю безработицы и остановки фабрик», то «с приездом из Москвы фабричного мастерового из местных крестьян», то «со слухами и известиями о стачках рабочих на железных дорогах и заводах» и др. Имеются также факты совместных выступлений рабочих и крестьян в тех имениях, в которых имелись и пашня и завод...

Это уже первые шаги будущего рабоче-крестьянского союза.

4.

Что же представляло из себя крестьянство накануне Февральской революции? В какой мере и почему сделалось оно союзником рабочего класса в его освободительном движении? Какие

[1] См. «Известия» № 259, 13/XI—25 г.

нити связали *в жизни, в общей борьбе*, городской пролетариат и крестьянина — эти две различные в отвлеченно-экономическом смысле категории?

Все сказанное нами в первых главах относится к тому затянувшемуся периоду русской истории, когда еще не было ни союза, в теперешнем понимании этого слова, между рабочими и крестьянами, ни *массовой* совместной их организации,—словом, когда действенная их смычка только еще подготовлялась. Для этой мрачной эпохи, которая отошла в прошлое вместе с царизмом, мы можем, опираясь на все предыдущее изложение, подвести главные итоги.

Но раньше нельзя не коснуться, хотя бы бегло, того исключительного и, можно даже сказать, решающего значения, какое в данном вопросе имели *три года империалистической войны*.

Война явилась для всей Европы, а особенно для России, — благодаря переживавшемуся ею историческому моменту, — громадной силой в деле революционно-классового воспитания, сплочения и организации трудовых слоев населения. Вместе с тем, война занимает несколько особое место в ряде других, уже обрисованных нами явлений.

Она не выросла, подобно им, из самых глубоких недр наших российских аграрно-экономических порядков, а привнесена, до известной степени, «извне», из сферы мировой экономики и международной политики.

Но, врезавшись самым решительным образом во все мельчайшие поры хозяйственного уклада деревни, мировая бойня ускорила назревание тех глубоких и длительных процессов, которые уже развивались на протяжении истории или таились в зародыше. В качестве *последнего* решающего толчка, она обострила и обнажила ряд общественных противоречий.

Если хозяйственный упадок деревни—на почве малоземелья, социальной кабалы, непосильных налогов и низкого культурного уровня населения—уже и до войны был общепризнанным явлением, то два с лишним года империалистической войны привели к окончательному обнищанию миллионы крестьянских хозяйств, вплоть до полной их ликвидации.

Не говоря уже о материальных разрушениях и общей хозяйственной разрухе, связанной с военными действиями, война наложила на крестьянство особые тяготы. Она отнимала у земледельческого населения и самую зрелую рабочую силу и лучший рабочий скот, лишала деревню необходимых промысловых заработков и, таким образом, выбивала крестьянство совершенно из хозяйственной колеи. Наглядным показателем всех этих бедствий был рост беспосевных дворов и всякого рода инвалидных хозяйств, а также увеличение числа бесхозяйных, выселявшихся, порывавших навсегда связь с землей.

В то же время процессс капиталистического расслоения деревни, укрепления сельской буржуазии, который начался уже

в довоенное время и был усилен, до известной степени, столыпинским землеустройством, в связи с войной должен был пойти ускоренным и огрубленным путем: в то время, как беднота обрекалась на полное разорение, зажиточные крупнопосевщики из крестьян, подобно помещикам, обогащались за ее счет и, приспособляясь к рынку, наживались на поставках в армию продуктов продовольствия [1].

Однако, на-ряду со многими гибельными для деревни последствиями нужно отметить и несомненно положительные итоги империалистической войны, которые в свое время были учтены и оценены интернационалистическим крылом мирового социализма. Во-первых, война вызвала гигантский рост классово-политического сознания трудящихся масс и сделала в этом отношении то, что едва могли сделать десятилетия мирного времени.

Во-вторых, война внесла и совершенно новую струю в психологию рядового крестьянина, до сих пор замкнутую интересами своей околицы: она дала ему первые наглядные уроки международной солидарности трудящихся, сближая на деле трудовые классы на почве лозунга: «долой войну». Сказалось это в непосредственных соприкосновениях и связях между рабочими и крестьянами воюющих стран—в окопах, в плену, в лазаретах. Самым же ярким, естественным и стихийным проявлением интернационализма, шедшим из глубины самих масс, было так называемое «*братание*» на фронтах с «неприятелем». Не даром буржуазные правительства так боялись этого братания и так сурово его карали. Нужно помнить, что в сферу империалистической войны была втянута в России половина трудоспособного мужского населения деревни, а также и то, что почва была подготовлена уже и раньше. И тогда будет вполне ясно, что встряска, данная за годы войны, ее жестокие уроки не могли пройти бесследно для социально-политического воспитания всей массы сельского населения.

О том, как нарастало революционное миропонимание российского крестьянства, в связи с войной, документальных материалов сохраниться много не могло благодаря свирепому цензурному гнету царизма. Но кое-что все-таки имеется. Так, напр., письма наших российских рабочих и крестьян, находившихся в плену в Австрии и Германии, в редакцию популярного журнала для военнопленных «На чужбине», — издававшегося в 1916—17 г.г. в Женеве, подтверждали это ускоренное прояснение политического и классового сознания в процессе участия в войне и жизни в плену [2]. Кое-какие иллюстрации, правда

[1] *А. Хрящева.* «Крестьянство в войне и революции» (гл. II и III). Изд. Ц. С. У. 1921 г.

[2] Часть этих писем печаталась в журнале «На чужбине», другая служила для редакции ориентировочным материалом.

отрывочные и туманные, социально-политического пробуждения и отрезвления можно найти в работе Софии Федорченко, под названием «Народ на войне», где автор приводит записанные ею речи и «мысли вслух» [1].

Словом, в недрах войны империалистической, назревала схватка гражданская, классовая. Война мировая сделалась для российского крестьянства последней ступенькой к Февральской революции и к союзу с рабочим классом.

Заканчивая первую историческую часть нашей работы, подведем итоги:

1. Бесправие и социальный гнет, тяготевшие над российским крестьянством в течение многих веков, определяли его сословно-классовые интересы и враждебное отношение к правящим классам.

2. Условия ликвидации крепостного права направили развитие крестьянского хозяйства под знаком крайней хозяйственно-экономической пестроты явного малоземелья и нарастающего расслоения деревни.

3. На рубеже XX века подавляющую массу крестьянства составляли маломощные его группы: безземельные батраки, хронически малоземельная, беспосевная и без‘инвентарная беднота и недостаточно обеспеченные землей середняцкие низы. Все они эксплуатировались на почве земельной нужды и продажи своего труда крупной земельной собственностью, а также торговым, ростовщическим и промышленным капиталом.

4. Крестьянское движение начала XX века обнаруживает острое озлобление крестьянства против помещичьего землевладения и пред‘являет ряд экономических требований по линии земли.

5. На почве фабрично-заводских промыслов хозяйственные интересы крестьянства сплетались с интересами труда промышленных рабочих.

6. Мировая война обострила экономические тяготы сельского населения, усилила и ускорила расслоение деревни, подняла социально-политическое самосознание крестьянства, способствовала его сближению с российским и европейским пролетариатом на почве интернациональных лозунгов.

7. Мобилизуя до половины мужского работоспособного населения деревни, война, таким образом, вооружила крестьянскую массу.

Крестьянство—на фронтах и в тылу—слилось с освободительным движением рабочего класса.

---

[1] *Софья Федорченко.* Народ на войне» (гл. восьмая). Изд. «Новая Москва», 1923 г.

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

По пути к диктатуре пролетариата.

(От Февральской революции до конституции РСФСР).

1. Самоопределение, сближение и союз рабочего класса и крестьянства. Идеология крестьянства к моменту февральской революции; лозунги пролетарского авангарда — вся власть советам и немедленный переход земли к крестьянам; эволюция крестьянской идеологии и уступки рабочего класса в земельном вопросе—2. Первые проявления союза: Октябрьская революция, рабоче-крестьянская власть и революционное законодательство.—3. Отличительные черты рабоче-крестьянского блока в этот период.

До сих пор мы говорили об исторических корнях смычки, о ее социально-экономических предпосылках. В наших конкретных российских условиях союз рабочего класса с крестьянством вылился в форму диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Говоря о трудностях диктатуры пролетариата, В. И. Ленин много раз напоминал уроки прошлого, уроки революции. «Мы,—говорил он,—пришли к диктатуре пролетариата. Но надо же знать, *как пришли.* Прошлое нас держит, хватает тысячами рук... Надо знать, *как мы шли,* что нас подвело к самой социальной революции» [1]. Также и для нас, в вопросе о взаимоотношениях рабочего класса с крестьянством решающим является то, как именно мы подошли к союзу, что нас к нему подвело. И особенно поучителен для нашей задачи тот краткий период истории, когда многомиллионная крестьянская масса и авангард рабочего класса путем взаимных соглашений пришли к определенной форме политического союза, а в дальнейшем—к экономической смычке.

1.

Февральская революция хлынула неудержимым и бурным потоком и захватила в свое широкое русло самые разнородные по своей социально-политической физиономии слои населения.

---

[1] *Н. Ленин.* «Речь о партийной программе на VIII с'езде РКП». Курсив наш.

«Самодержавие,—писали мы в марте 1917 года [1],—уже слишком зажилось на белом свете, слишком вооружило всех против себя и ему, подобно тому волку в басне, который „всем в деревне насолил“, не у кого было „укрыться от врагов“. И, разумеется, общими силами его и добили. Но здесь, с этого места, обстановка уже меняется. Единомыслие исчезает, пути временных союзников расходятся».

На другой же день революции, можно даже сказать в процессе ее, началось уже это расхождение которое через 8 месяцев привело к диктатуре пролетариата. Уже в первые дни революции родился тот новый общественный орган—Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, который сделался позже могильщиком буржуазной демократии и ядром нового социального строя—власти Советов.

Но потребовалось время, чтобы рабочие и крестьяне, эти вчерашние рабы, вполне очнулись от векового гнета и сознали свои хозяйские права. Слабым в организационном отношении и скромным по своей тактике был первый Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Пассивна и терпелива была крестьянская масса. С их стороны и со стороны передового их авангарда потребовалась огромная и напряженная работа, чтобы на месте разбушевавшейся народной стихии поставить твердую власть революционной демократии.

Самоопределение трудовых масс и *сплочение* родственных сил заполнило собой весь первый этап революции.

* * *

Начнем с того, что представляло из себя крестьянство того момента, с каким идейным багажом вошло оно в Февральскую революцию, как сложилось его общественное лицо на другой день после победы над царизмом.

Как мы уже говорили в предыдущем изложении, хозяйственные интересы и социально-политическая идеология широких слоев деревни *в общих чертах* развертывались в том же направлении, как и революционное рабочее движение [2]. Они были союзниками в *потенции*. В революцию крестьянство вошло с очень заостренными, простыми и конкретными требованиями, в полном соответствии с примитивным и наглядным миропониманием деревни. *Долой* помещика, который не дает жить крестьянам, *долой* войну, которая окончательно разорила народ, *долой* царя и чиновников, которые ведут гибельную войну и поддерживают ненавистного помещика, *земля—народу*, которому она нужна, как

[1] См. *З. Гриневич* (псевд.). «Революция в России» (Журнал «На чужбине». Изд. Женева. 1917 г.).

[2] См. очерк первый.

воздух, как хлеб. Все это были лозунги очень четкие, но по преимуществу почти исключительно *негативные.*

Что же касается до какой-либо оформленной и *положительной* программы, то дело обстояло совсем иначе. Ясно, что у дореволюционного крестьянства, при полной его темноте и забитости, и не могло сложиться достаточно отчетливого социально-политического мировоззрения и тем более ясной программы социального строительства. Но отдельные элементы таковой, разрозненные кирпичики для ее построения, коренились уже во всех привычных отношениях и навыках всего крестьянского обихода. Привычка решать важные вопросы «сообща», «всем миром», сознание, что «мир—велик человек», вековая тяга к общественной справедливости, к решениям «по-божьи»—все это создавало уклон к расплывчатому демократизму. На социально-политическом языке того времени это соответствовало лозунгу—вся власть Учредительному Собранию,—этому, по крестьянскому представлению, всероссийскому «миру». В другом, особенно жгучем для крестьянства пункте—о земле—решающее значение имела привычка смотреть на землю как на необходимое орудие труда: «земля—общая наша кормилица», «нельзя крестьянину быть без земли»,—и навыки к скрупулезному ее распределению. Создавалось предрасположение к национализации земли, к ее социализации. И очень показательно то, что лозунг—социализация земли с ее трудовым поравнением—об'единил всю широкую массу крестьянства, неоднородную по имущественному обеспечению и с созревшими уже классовыми антагонизмами. Социализация земли—по существу программа крестьянина-середняка, трудовика, без эксплуататорских посягательств, земельно-голодного, но с минимальным хотя бы хозяйственным оборудованием. Крестьянину-пролетарию, без'инвентарному маломощнику, перспектива земельного поравнения сулила лишь «журавля» и мало действительных возможностей. Кулаку же, собирателю земли, мирскому захребетнику, поравнение было даже убыточно. И если, все-таки, огромное большинство деревни в решительный момент стало равняться по середняцкой линии, то программные построения крестьянства были еще очень *смутны.*

Так или иначе, но после победы, когда крестьянство со сказочной быстротой получило право голоса в общественной жизни, оно направилось *к социализации земли через Учредительное Собрание.*

Но по дороге, при свете дня, и в новой обстановке, оно смогло пересмотреть и проверить свои планы. Сначала крестьянская программа заполнила собой все и вся. Однако уже в апреле-мае месяце раздались в общественной атмосфере новые *соображения* и новые *лозунги,* брошенные со стороны пролетарского авангарда.

В конце апреля на всероссийской конференции большевиков была принята резолюция по земельному вопросу; п. 2-ой

этой резолюции гласил: «Партия решительно выступает за *немедленный* переход земель в руки крестьянства, организованного в Советы Крестьянских Депутатов или в другие, действительно демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления». И дальше. в п. 5-ом пояснение: «партия советует крестьянам брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества и заботясь об увеличении производства» [1].

Эта была первая ласточка, за ней последовали и другие. Таким же прорывом в область нового понимания текущей политики и тактики были заключительные слова Ленина в его открытом письме делегатам Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов. «Мы хотим такой республики,—писал он,—чтобы вся власть в государстве, сверху и до низу, принадлежала *всецело и исключительно* Советам Рабочих, Солдатских, Крестьянских и прочих Депутатов... Рабочие и крестьяне—большинство населения. Власть и управление должны быть *у их Советов*, а не у чиновников» [2].

Таким образом, в жизнь бросался, хотя в еще не вполне категорической форме, новый клич, который к осени был написан на знамени Октябрьской революции: *немедленное* создание рабоче-крестьянского советского правительства и *немедленное* отобрание земли у помещиков.

Слово было сказано. Общественное мнение должно было высказаться. Противники захвата земли до Учредительного Собрания приводили немало доводов: тут была и боязнь анархии, и боязнь нарушить общественную справедливость, и опасение, что поля могут остаться незасеянными... Но за всеми этими соображениями крылось еще одно, которое лежало в плоскости классовых отношений и, хотя и высказывалось реже других, но, в сущности, в нем то и была «зарыта собака». Это была боязнь разбить крестьянское классовое единство. «Трудовое крестьянство, как определенная социальная сила,—рассуждали противники захвата,—*готово было разложиться*, распасться на враждующие группы, в классовом единстве которых, казалось, и есть залог нового социального строительства» [3].

Преувеличенная погоня за крестьянским единством и опасения, что «самовольное разрешение земельного вопроса» способно «вызвать междоусобицу и грозит контр-революцией» [4], обнаруживали недостаток классовой перспективы и недооценку именно

[1] См. «Великая Революция и аграрный вопрос». Материалы и документы. М. 1917 г. Изд. «Книга и Жизнь».

[2] *Н. Ленин.* «Материалы по аграрному вопросу». СПБ. 1917 г. Изд. РСДРП, стр. 3.

[3] *П. Н. Першин.* «Очерки земельной политики русской революции». М. 1918 г. Лига Агр. Реф.

[4] Проект резолюции по аграрному вопросу с.-д. меньшевиков на конференции (7—13 мая—1917 г.). «Великая революция и аграрный вопрос», стр. 36.

классовой опоры в деревне. Ибо как раз вопрос о захвате земли до Учредительного Собрания явился пробным камнем для социалистических партий и толкнул к Октябрьской революции наиболее многочисленную и беднейшую часть крестьянства и, что особенно было важно, крестьянства наиболее косного, тылового, от сохи...

Между этими двумя противоположными полюсами—с одной стороны—к поравнению земли через Учредительное Собрание и с другой—вся власть Советам и *немедленный* захват земли—должна была ориентироваться крестьянская масса. По этим двум линиям она организовалась и политически воспитывалась.

* * *

Остановимся детальнее на том пути, по какому шло крестьянство ко власти Советов и на котором оно позже слилось с рабочим классом.

На многолюдном крестьянском с'езде *в марте 1917 г.* из 1.553 делегатов с фронта и тыла только микроскопическая часть—*всего 6 голосов*—высказалась против общепринятой земельрой программы крестьянства—распределение земли на уравнительном начале, и стояла *за немедленный ее захват*. Вся же остальная внушительная масса крестьянских представителей единодушно верна была старинке—поравнению земли,—и склонна была терпеливо ждать Всероссийского Учредительного Собрания. Временному правительству, еще даже не подкрашенному вхождением в него социалистов, высказывалось полное доверие, а по вопросу о войне дело ограничилось постановлением о необходимости воззвания к трудовому народу всего мира [1].

Крестьянская масса зашевелилась: началась организация крестьянских советов на местах, с'езд представителей организаций московской области, подготовка Всероссийского С'езда Советов. Работой заведует Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов. В своем руководящем органе—«Известиях Сов. Кр. Деп.»—он об'являет своей задачей безболезненно «довести страну до Учредительного Собрания, которое явится представителем всего народа, которое установит основные законы нового свободного строя».

«Необходимо,—заявляет он,—*единение всех сил* освобожденного народа. Необходима твердая определенная линия работы, которая об'единила бы эти силы» [2].

В мае собирается 1-ый С'езд Советов Кр. Деп., и на одном из первых же его заседаний вполне проявляется его политический облик. После подогревающих речей Пешехонова, Скобе-

---

[1] См. «Год русской революции» (1917—1918 г.). Сб. статей. М. 1918 г. ст. Г. Покровского.

[2] «Известия Сов. Кр. Деп.».

лева и Керенского, предложено 2 резолюции по вопросу об отношении к Временному правительству. Подавляющее большинство голосов—800 против 16—собирает предложенная президиумом резолюция, где высказывается «полное доверие и поддержка обновленному (вхождением социалистов—*Е. Ф.*) Временному правительству, памятуя, что только таким образом можно закрепить завоеванную свободу и обеспечить дальнейший успех революции». Другая же резолюция, внесенная 14 *беспартийными*, говорит: «Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов считается со вступлением представителей социалистов демократов во Временное правительство, но подчеркивает, что видит в этом лишь *промежуточную ступень* к переходу *всей власти* в руки трудового народа в лице Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов, к созданию которых следует приступить *немедленно*. Передача власти неизбежна в силу того, что данный состав правительства, благодаря преобладанию в нем буржуазных элементов, не в состоянии разрешить в полном согласии с народом основных и жгучих вопросов» [1].

Для понимания крестьянской психологии того момента, характерны также и наказы делегатам на с‘езд, и письма с мест, относящиеся к этой эпохе. В них крестьянская масса ищет, по ее выражению, «кратчайшего пути в землю обетованную», и при этом преобладает еще забота «удержать за собой деревню в целом». Высказывается скорбь о том, что «должного единения нет в крестьянстве». Повидимому, крестьянство начало осознавать себя «хозяином русской земли». Но идеалы и чаяния этого нового хозяина, «строителя новой жизни», удивительно скромны и лойяльны. «Социальные реформы проводить ни Временное правительство, ни Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не правомочны—это дело Учредительного Собрания».

«Совет Рабочих и Солдатских Депутатов временный *контролирующий* орган до образования нового *контролирующего* органа в лице Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов» [2].

Как видим, революционное течение в крестьянстве крайне медленно пробивает себе дорогу. Но все-таки оно растет и зреет и, прежде всего, пускает корни на фронтах, где сосредоточена более молодая, независимая, бывалая и организованная часть крестьянства.

Тогда как на местах, летом, господствует еще выжидание, и к июлю месяцу зарегистрировано лишь 750 случаев земельного захвата, с‘езд представителей крестьянских организаций действующей армии, собравшись в Петрограде *в августе 1917 года*, обрушивается уже резкой критикой на Временное правительство. Всему на свете бывает конец... «Уроки рево-

[1] См. Протоколы с‘езда. Курсив наш.
[2] Наказ Бугурусл. Исп. Ком. Сов. Кр. Деп., Самарск. губ. Курсив наш.

люции» даром не проходят... После июньского выступления, корниловского мятежа, массового привлечения к уголовной ответственности за «захват земли» крестьянство теряет терпение: на местах прорывается аграрное движение с захватом помещичьей земли, а С'езд Губ. Советов Крестьянских Депутатов в Петрограде проходит уже бурно. До половины участников его обвиняют Временное правительство и Исполнительный Комитет Совета Крестьянских Депутатов в том, что они обслуживают буржуазию. С'езд требует однородного социалистического министерства и *немедленного* созыва Учредительного Собрания [1].

А еще позже, в ноябре, собравшиеся на Всероссийский Чрезвычайный Крестьянский С'езд делегаты солидаризируются с Октябрьским переворотом, признают правительство Народных Комиссаров и вливают 108 своих представителей во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 2-го созыва.

Не следует, однако, представлять себе это дело об'единения слишком идиллически. Насколько труден был для передового крестьянства этот момент, в нескольких строках ярко рисует один из активнейших участников этой об'единительной кампании.

«Об'единению, — пишет он, — предшествовала жесточайшая борьба на Чрезвычайном Всероссийском С'езде Советов Крестьянских Депутатов. Там шла борьба между правыми эс-эрами и кулачеством, которое они по преимуществу представляли, с одной стороны, и левыми эс-эрами и трудовым крестьянством, с другой. На этом с'езде было фактически положено основание расслоению деревни по линии труда и эксплуатации, трудовое крестьянство втягивалось в процесс социальной революции, тогда как буржуазные элементы деревни, кулачество в широком значении слова, отметалось в сторону» [2].

Следовательно, за 8 месяцев—от февраля до октября—крестьянская масса самоопределилась и сделала это в том направлении, которое привело его к союзу с пролетариатом. Но в высшей степени характерно, что эволюция крестьянства лежала почти исключительно в области организации власти. К этому, правда, толкал его, в значительной мере, тот же вопрос о земле, о ее захвате. Деревня—как мы сказали выше—раскололась в октябре: более активная и сознательная часть ее была *за* Советскую власть, другая—подчинилась. Совершенно иное видим мы в сфере крестьянской земельной программы. Здесь—в пункте об уравнительном распределении земли — российское крестьянство твердо держалось своей привычной позиции, своих наказов

[1] «Год Русской Революции» (1917—1918 г.). Сборник статей. «Зем. и Воля». 18 г.

[2] *А. Устинов.* «Знаменательная годовщина» (воспоминания). Цитир. по кн. *А. Устинова.* «О земле и крестьянстве». М. 1919 г.

и приговоров, и не отступило, в этот первый этап революции, ни на пядь. И мы едва ли ошибемся, сказав, что союз между трудовым крестьянством и пролетариатом не мог бы осуществиться, если б пролетарский революционный авангард оказался несговорчивым и, в свою очередь, не придвинулся бы к крестьянским воззрениям в земельном вопросе.

Со стороны рабочего класса потребовалась также не малая работа по оценке «уроков революций» и надлежащих выводов.

Уже при царизме можно себе было представить огромную стихийную силу крестьянства еще в спящем, так сказать, состоянии. Но особенно наглядно показала она себя—в армии и в тылу—на другой же день февральской революции: грандиозный Крестьянский с'езд в марте, следующий Всероссийский С'езд Крестьянских Советов из 61-ой губернии, подавляющее большинство крестьян и их идеологов в числе членов 1-го Сов. Раб. и Солд. Депутатов и первых исполнительных комитетов.

Первое полугодие революции крестьянство и его ставленники буквально заполонили органы новой демократии по городам и весям. Еще в августе—сентябре на выборах в Учредительное Собрание проходит голосами крестьян эс-эровское большинство [1]. Ясно было, что взять руль общественного движения можно только, имея действительную опору в этой крестьянской лавине. И союз с крестьянством был условием победы пролетариата. «У него (у пролетариата—*Е. Ф.*) есть 2 союзника»,—писал Ленин непосредственно после Февральской революции. «Это (на-ряду с международным пролетариатом—*Е. Ф.*)—широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса пролетарского, частью мелко-крестьянского населения России» [2]. А в сентябре 1917 года, в своей брошюре «Уроки революции», Ленин ставит вопрос еще более остро и уже более конкретно. «Надо,—пишет он,—начать с немедленного создания устойчивой неколеблющейся власти. Устойчивой во время народной революции, т.-е. такой, которая подняла бы к жизни массы, большинство рабочих и крестьян, может быть только власть, опирающаяся заведомо и безусловно на большинство населения... Только советская власть могла бы быть устойчивой» [3]. Итак, соглашение пролетариата с крестьянством стояло на очереди дня. Но на пути этого соглашения стояли программные их расхождения в вопросе об уравнительном землепользовании, которое в крестьянском представлении мыслилось в форме социализации земель. Свою точку зрения на этот пункт

---

[1] Впрочем, по эс-эровским спискам в Учр. Собр. проходили, хотя и с большой борьбой, и левые эсеры, представители *левого крестьянства*, примкнувшего позже к Октябрьскому перевороту.

[2] *Ленин.* «Письма издалека». Письмо 1-ое «Правда», № 15, март 1917 г.

[3] «Уроки революции».—Изд. 1918 г.

Ленин в августе 1917 г. выразил следующим образом: «Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически его снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой... Переход политической власти к пролетариату—вот в чем суть. И тогда все существенное, основное, коренное в программе 242 наказов *становится осуществимым.* А жизнь покажет, с какими видоизменениями это осуществится... Это дело девятое. Мы не доктринеры» [1]. Позже на 2-ом С'езде Советов, 26 октября 1917 г., обосновывая декрет о земле, Ленин пояснял: «как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы с ним были несогласны... Мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам» [2].

Только взаимные уступки—признание крестьянской массой власти Советов и обязательства пролетарского авангарда по проведению крестьянской земельной программы—сделали возможным союз рабочего класса с крестьянством.

2.

Итак—с февраля по октябрь—трудовые слои населения города и деревни самоопределились. Пролетарская революция собирала силы, созревала, организовывалась...

Красный Октябрь имел уже несравненно более отчетливое и организованное революционное ядро со значительно более определенным социальным составом [3]. В этом, прежде всего, заключалась его сила. Правда, ему довелось иметь дело с противником более мощным и лучше подготовленным: перед ним стояло не дряхлое чудовище самодержавия, с из'еденным нутром, которое рассыпалось, без всякого почти сопротивления, при дружном взрыве народного гнева. К Октябрю—обломки дворянства успели отдышаться от февральской встряски, а жаждущая жизни российская буржуазия всех видов сорганизовалась—вплоть до вооруженного сопротивления.

Поэтому, если *самоопределение, организация* и *союз* трудящихся классов были необходимой подготовкой к октябрьским баррикадам, то их результатом сделалась *организация активной обороны*—гражданская война. Действительным революционным центром делается рабочее и крестьянское правительство. О том, как оно сложилось, скажем сейчас в нескольких словах.

---

[1] *Н. Ленин.* Из дневника публициста—«Крестьяне и рабочие». Газета «Рабочий» 29 августа 1917 года.

[2] Из речи Ленина на 2-ом С'езде Советов. (Собр. соч. т. XV).

[3] Мы говорим не о классовом авангарде Октябрьской революции, а о ее решающем массиве—из всей массы рабочих и трудового крестьянства.

Активной силой Октябрьской революции, как и Февральской, была армия. Следовательно, крестьянство — армейское, фронтовое—участвовало в перевороте. Организационные верхушки крестьянской массы, в лице лево-эсэровской фракции — участвовали во II С'езде Советов Рабочих и Солд. Депутатов и вошли в Исполнительный Комитет 2-го созыва. Но массового и регулярного представительства от крестьянства *от сохи* в этот первый момент жизни нового правительства еще не было. Поэтому одной из первых забот победившей рабоче-крестьянской власти сделалось пополнение своих рядов сильным крестьянским представительством с мест.

На другой же день после переворота, на первом же заседании Исполнительного Комитета 2-го созыва, Комиссар Земледелия т. Милютин, доложил о намеченном в срочном порядке созыве Чрезвычайного Крестьянского С'езда. Выполнение этого дела поручено избранной на заседании комиссии.

Благодаря вмешательству со стороны Исполнительного Комитета Сов. Крестьянских Депутатов, который не признавал нового правительства, назначал Крестьянский с'езд на более поздний срок и в другом месте, — выходила путаница и задерживалось прибытие делегатов.

Однако, к 10 ноября хотя еще и в не совсем полном составе, Чрезвычайный Крестьянский С'езд открывается. Ведутся переговоры между ним и Исполнительным Комитетом Сов. Рабочих и Солд. Деп. и достигается соглашение, в результате которого 108 членов из среды Крестьянского С'езда (по числу членов ВЦИК) делегируются в Исполнительный Комитет Сов. Раб. и Солд. Депутатов.

15 ноября — состоялось торжественное первое об'единенное заседание ВЦИК [1] которое т. *Зиновьев* характеризует как «полномочного представителя революционной демократии». «Состоялось, — говорил он, — та единственная коалиция, то единственное возможное соглашение, которое должно закрепить факт действительной победы революции: соглашение рабочих, солдат и революционного крестьянства. Впервые наш лозунг «Власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов», получает свое действительное осуществление в жизни». Тов. *Свердлов* подчеркивает общее великое радостное чувство по поводу образования «единого революционного фронта». Тов. *Спиридонова* отмечает интернациональный момент смычки: «Пусть знает русский крестьянин, что, не связав себя с русским рабочим,

[1] См. Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва.

Одновременно с представителями Чрезв. Крест. С'езда во ВЦИК вошли 100 делегатов с фронта и флота и 50 представителей профсоюзов, включая 10 — от Викжеля и 5 — от почт.-тел. союза. Все эти группы об'единились между собой на платформе II С'езда Советов. Позже, вместе с расширением ВЦИК крестьянское представительство было увеличено.

не связав себя с рабочим и крестьянином Франции, Англии, Америки и Германии и всех остальных стран мира, он не добьется не только свободы и равенства, но и того клочка земли, который так жизненно ему необходим». Тов. *Троцкий* приветствует новых делегатов как «полномочных хозяев русской жизни». «Только теперь,—говорил он,—здесь сконцентрирована воля таких широких масс русского народа, перед которыми ничто не устоит. Ибо здесь крестьянин, рабочий и солдат подали друг другу руки для защиты завоеваний революции».

«Сегодня,—добавил т. Прошьян,—русское крестьянство сказало, что оно хочет итти вместе с пролетариатом». В конце заседания председатель т. Свердлов огласил предложенную президиумом резолюцию с заключительными словами: «Да здравствует революционный союз рабочих, солдат и крестьян», которая принимается при звуках Интернационала [1].

Союз трудящихся классов, в форме рабочего и крестьянского правительства, был скреплен работой новой власти в области революционного законодательства. Социальным содержанием этого последнего было упрочение своей совместной победы над самодержавно-дворянско-буржуазной коалицией, воплощение в жизнь боевых лозунгов революции и руководство гражданской войной.

При обычном медленном течении общественной жизни, народное остроумие—с известным основанием—определило закон как «дышло», которое «куда повернул, туда и вышло». Отнюдь нельзя перенести этот скептицизм на законы революционного времени и особенно на те из них, которые касаются социально-экономических отношений. Наоборот, революционное законодательство заостряло борьбу. Вырывая последнюю реальную почву из-под ног побежденных б. «имущих» классов, оно давало классу-диктатору необходимую опору в деле выполнения им «революционного почина» [2].

Мир, земля, политическая власть, контроль над производством—таковы были первые договорные пункты союза рабочих и крестьян. Их-то в первую голову и надо было осуществить.

Декрет о мире, заключение перемирия и Брестский мир не только выполняли то требование, которое всколыхнуло и об'единило огромную народную стихию: они, что всего важнее, освобождали наиболее активную и подготовленную часть крестьянства для *продолжения революции* на фронте гражданской войны.

Декрет о земле, подкрепленный крестьянским наказом, и закон о социализации земли не только выполняли массовую земельную

---

[1] См. Протоколы заседаний ВЦИК Сов. Р. С. Кр. и Каз. Депутатов 2-го созыва. Издание ВЦИК. М.—П. 1919.

[2] На Крестьянском С'езде, в ноябре, Ленин назвал крестьянские советы органами *революционного почина*, которым надлежало вести за собой массу.

программу Крестьянских С'ездов и Советов. Они освобождали крестьянскую психологию от сословного порабощения помещику и переводили земельный вопрос в дальнейшую стадию — стадию классовой борьбы в недрах самой крестьянской массы.

Декрет о рабочем и крестьянском правительстве, разгон Учредительного Собрания и Декларация прав трудящегося эксплуатируемого народа, разбивая общества по линии труда, отнимали у прежних хозяев жизни всякое политическое оружие.

Положение о рабочем контроле закрепляло в руках трудового населения «планомерное регулирование народного хозяйства» и было первой брешью в буржуазно-капиталистической организации производства.

Словом—действенный *союз по линии труда* и *захват новых позиций* для продолжения борьбы с социальным врагом—такова была ориентация революционного законодательства по пути к диктатуре пролетариата.

3.

Пора закончить характеристику крестьянства в роли союзника рабочего класса за этот рассмотренный нами период истории, т.-е. на заре советского строя. Для этого нам остается собрать воедино отличительные особенности рабоче-крестьянских отношений в это время и расценить их в исторической перспективе с точки зрения теперешней смычки.

1) Прежде всего надо отметить, что «смычка с деревней» (хотя этого термина тогда еще не было в употреблении) осуществлялась тогда *в самом широком понимании этого слова.* На первых порах революции это был *военно-политический блок*—соглашение с крестьянством *в целом.*

Соглашение—в его начальной стадии—охватило *всю* крестьянскую массу в тех рамках, как это делали Крестьянские С'езды и Советы Крестьянских Депутатов. А последние, согласно Положению о Советах Крест. Деп., «должны были об'единить крестьянство снизу доверху», понимая под крестьянством все «трудовое земледельческое население» и отнюдь не разбивая его какими-либо классовыми или хотя бы имущественными перегородками [1]. Только Октябрь кладет начало [2] некоторому организационному расслоению крестьянской деревни, в виде отпадания кулацкой ее части на Чрезвыч. Крест. С'езде в ноябре и отме-

[1] См. Положение о Советах Крестьянских Депутатов, принятое на Всероссийском С'езде Советов Крест. Депут. в мае 1917 г., разд. I, п. I.

[2] В. И. Ленин в своих мартовских «Письмах издалека», а немного позже резолюция апрельской всероссийской конференции большевиков настаивает на необходимости немедленно и повсеместно проводить самостоятельную организацию Советов пролетарских и отдельно полупролетарских элементов деревни. Но, если не ошибаемся, в сколько-нибудь массовом масштабе, это осуществлено не было.

тания от власти заведомо контр-революционных ее элементов. «Мы считаем необходимым, — говорил т. Володарский на заседании ВЦИК 2-го созыва,—пополнение состава ВЦИК представительством крестьянства. Но это представительство никоим образом не может быть отдано тем господам, которые поддерживают Керенского, Корнилова, юнкеров и обманом ведут казаков на гражданскую войну [1].

Немного выше, говоря об Октябрьской революции, мы отметили в ее активе «более оформленное революционное ее ядро», «более однородный классовый ее состав». Мы хотели этим сказать, что, по сравнению с февралем, революционная лава успела несколько определиться и затвердеть. Но все это лишь *относительно* и по сравнению с тем организационным хаосом, который породила полноводная Февральская революция и который принял некоторые классовые очертания лишь к осени 1917 года. Смычка была в то время *социально политическим договором* передового пролетариата со *всем* российским крестьянством. Условием договора было взаимное обязательство по выполнению основных требований: социализации земли и рабочего контроля над производством.

Декреты рабочего и крестьянского правительства являются ближайшим плодом этого договора: они противопоставляют все трудовое население [2] — рабочих, солдат и крестьян — классам эксплуататорам. При этом понятие «крестьянин» берется как нечто единое, нигде не расчленяется на составляющие его социальные группы. Иногда группа трудовых классов покрывается столь же общим термином «трудящиеся», «трудящийся народ».

Это был тот первый этап социальной революции, когда по выражению Ленина, «все подчинено было основному требованию борьбы за власть». Позже, в марте 1919 г., тов. Ленин так охарактеризовал этот период «смычки»... «В октябре 1917 г. мы брали власть *вместе с крестьянством в целом*. Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась... Только летом 1918 г. началась настоящая пролетарская революция в деревне» [3].

Некоторое, хотя еще достаточно грубое, разграничение крестьян по имущественному состоянию начинается лишь в мае 1918 г. Декрет по продовольственному вопросу (26/IV — 18 г.) призывает к об'единению «крестьянской бедноты», «крестьян трудящихся и неимущих»—против «кулаков и богатеев». Декрет о принудительном наборе в рабоче - крестьянскую Красную армию—(27/V—18 г.)—говорит «о всеобщей мобилизации рабочих

---

[1] Протоколы заседаний ВЦИК 2-го Созыва.

[2] В декрете о «Раб. и Кр. Правительстве» говорится даже о «тесном единении с массовыми организациями служащих».

[3] *Н. Ленин*. «Как коммунисты большевики относятся к среднему крестьянству».

и беднейших крестьян». Декрет от 12 июня приступает к политической организации «деревенской бедноты»—в виде комитетов бедноты. И, наконец, только принятая на V Всеросс. С'езде Советов — (10/VII — 18 г.) — Конституция говорит уже определенно об «установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства» и заканчивает этот первый организационный, по премуществу, этап «смычки» [1].

2) Таким образом, идейному и организационному вождю социальной революции, каким был пролетарский авангард, по соображениям политической целесообразности, приходилось, при первых своих шагах, вступать в соглашение с широкой и пестрой крестьянской массой. Из этой последней только *заведомо трудовые* слои могли быть *по существу* солидарны с революционно - классовой социальной программой рабочих. Основная толща крестьянства того времени только в большей или меньшей степени, лишь до известной черты, была ей родственна. Часть крестьянства примыкала только по тактическим соображениям, а то и по привычной своей пассивности. При всем этом, заведомо близкие рабочему классу пролетарские и бедняцкие низы деревни были как раз и наиболее забитыми, и распыленными. Середняк же, который, благодаря своей подавляющей численности и хозяйственному весу, был основным массивом до-революционного крестьянского движения, написал на своем знамени: земля—народу в уравнительно-трудовое пользование [2].

Эта крестьянская земельная программа только в исходной своей точке—в пункте об отмене частной собственности на землю—вполне сливалась с пролетарской платформой в аграрном вопросе, в остальном же шла с нею вразрез.

3) Благодаря соотношению сословно-классовых сил в российском освободительном движении, «смычка» в первый период революции сделала сильный уклон в сторону выполнения массовых земельных требований крестьянства. Для рабоче-крестьянского социалистического авангарда создается противоречивое положение в земельном вопросе, что целиком отразилось на аграрном законодательстве этого времени. Закон о социализации земли—не за страх, а за совесть—идет навстречу массовому требованию уравнительного распределения земли и со всей возможной конкретностью и с привычной для крестьянства терминологией его развивает [3]. Этим он выполняет желание середняцкой, трудовой части деревни. Что же касается до пролетарских и полупролетарских ее слоев, то закон проявляет бо́льшую сдержанность: как раз те мероприятия, которые одни могли бы суще-

[1] См. систематический сборник важнейших декретов 1917—20 г. М. 19—21 г.
[2] См. очерк первый.
[3] Вплоть до установления такой детали, как возрастно-половые группы трудовой и потребительской нормы.

ственным образом улучшить их положение, едва затрагиваются в новом законе о земле. Относительно образования сельскохозяйственных коллективов, способных дать точку опоры маломощному крестьянству, говорится лишь платонически, в виде первоочередности наделения их землей, и никакой действительной материальной помощью не подкреплено. Устройство государственных хозяйств, которые обеспечили бы приложение труда для без‘инвентарной бедноты и батраков, отмечается лишь в виде скромного пожелания.

Получался определенный *перегиб и уступка стихийно-революционному середняцкому большинству деревни.*

4) Таким образом, из нескольких главных заданий по отношению к деревне, какие стояли перед Советской властью, в то время выполнялось преимущественно одно, именно то из них, которое наиболее остро ощущалось в самой первой разрушительной стадии социальной революции. Это был союз *во что бы то ни стало* с широким крестьянским тылом. Делалось это *в ущерб* прочим коренным задачам социалистического строительства каковы: развитие производительных сил деревни, окрупнение сельского хозяйства и его коллективизация. В самом деле, уравнительным распределением земли сельское хозяйство раздроблялось по всем правилам детально развитого законодательства. Собирание же земли и обобществление хозяйства намечалось лишь в порядке желательной, но более или менее отдаленной перспективы.

Однако сама жизнь, в своем дальнейшем течении стала выравнивать создавшиеся противоречия. Клин, можно сказать, стал вышибаться клином. Новый земельный закон, вызвав при своем приложении на местах жестокую передельную горячку, обострил хозяйственные интересы крестьянства, оживил в деревне классовые противоречия, усыпленные на время общей борьбой с помещиками. Крестьянская революция—борьба бедноты с кулаками с лета 1918 г. создает новую деревню, с новой физиономией и новыми настроениями. Все это имело своим результатом новые формы рабоче-крестьянских отношений, о чем будет речь в следующих очерках.

Конституция РСФСР, принятая V С‘ездом Советов в июле 1918 г., была той формальной гранью, которая закончила *учредительный,* так, сказать, период советского строя и начала новую эру—диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ.

Рабочий класс и крестьянство при «военном коммунизме».

1. Сложная и противоречивая обстановка периода «военного коммунизма»: радикальный и разрушительный характер первых шагов социальной революции, пережитки прошлого и преобладающее значение крестьянства: а) численность крестьянства, б) экономическое значение крестьянства, в) политическая роль крестьяства. — 2. Борьба в крестьянстве за землю, раскол деревни по социально-революционной линии и ближайшие задачи рабоче-крестьянской власти (защита завоеваний Октября и укрепление революции на социалистических рельсах. — 3. Союз рабочего класса и крестьянства в трех направлениях: а) проведение классового принципа советской конституции во всех областях советского строительства; б) выявление и поддержка революционно-классовых сил деревни («раскулачивание») и в) социально-экономическая организация деревенской бедноты и трудового середняка в ходе социалистического строительства.

Первые годы диктатуры пролетариата вошли в историю в виде строго обособленного периода. Этот период так называемого «военного коммунизма» отчетливо выделяется как от предшествующего, краткого, в условиях российской действительности, подготовительного периода—от царизма к диктатуре пролетариата [1], так и от последующей длительной эпохи — новой экономической политики. Мы ограничимся здесь беглой характеристикой *обстановки* периода «военного коммунизма».

1.

Какую бы область экономики того времени мы ни затронули, мы неизменно наталкиваемся на два основных момента.

Это, во-первых, *радикальный и разрушительный характер* первых шагов социальной революции

По чрезвычайно выразительной формулировке т. Бухарина, «никогда еще не было такой грандиозной ломки». «Но без этого, продолжает он,—не могло быть революции пролетариата, который

[1] См. очерк второй нашей работы.

из распавшихся элементов, в *новой* связи, в *новых* сочетаниях, по *новым* принципам, строить фундамент будущего общества»[1].

И действительно, Октябрьская революция начала совершенно новый этап истории, который тогда еще только развертывался, только еще проектировался перед нами. Ясно, что в подобных условиях полной перегруппировки всех общественных сил и элементов отпадали какие бы то ни было трафареты, *прокладывались новые пути* и во сто крат повышалась сила велений самой жизни, в горниле которой находила проверку ценность всех наших прежних теоретических построений и прогнозов. С особой силой это должно было сказаться на классовых отношениях пролетариата.

Во-вторых, не надо забывать и другого, обратного казалось бы, положения—*упорной власти прошлого.* «Мертвец хватает живого»,—учит французская поговорка. Это-то прошлое,—по выражению Ленина, — и нас «держит, хватает тысячами рук». И — мы добавим от себя — оно нас связывало и обязывало, поскольку строить приходилось «из распавшихся элементов». Правда, они в той или иной степени обтачивались в потоке революции, но, в глубокой сущности своей, не перерождались и, в своей массе, способны были создавать настойчивое «сопротивление материала».

Отсюда быстрый темп жизни, причудливые ее изгибы, неожиданные противоречия, досадные неудачи, промахи, ошибки...

Все это наглядно сказывалось и сказывается в постановке крестьянского вопроса и особенно в вопросе о смычке с деревней и ведет к той *вечной новизне* его, которую отметил т. Зиновьев в своем докладе на XII с'езде РКП. «Когда мы ставим,— говорил он,—вопрос об отношении рабочего класса к крестьянству, то каждый раз это звучит по-новому. Казалось бы, вопрос довольно старый, но всегда мы видим новый аспект, всегда он выявляется под новым углом зрения»[2]. Это весьма существенное и верное замечание. Но об'ясняется отмеченное явление—эти наши поиски и пересмотры—не тем или, во всяком случае, далеко *не только* тем, что—как продолжает т. Зиновьев—«мы партия городская, родившаяся в рабочих кварталах... мы только еще начали продвигаться в деревню»... Отсутствие опыта, власть старого шаблона, недостаток активного внимания к деревне, упрощенный подход к ней—все это, безусловно, имелось, в особенности на «местах». Но это лишь частности. Не всегда—наша вина, но часто—наша беда. Сложность и противоречия лежали в самой социально-экономической обстановке.

Во-первых, теоретическое обоснование вопроса о смычке с деревней нельзя признать вполне законченным. При всегдашней расплывчатости и запутанности самой жизни в области кре-

[1] *Н. Бухарин.* «Экономика переходного периода». Предисловие. Курсив наш (Гос. изд. 1920 г.).

[2] XII с'езд РКП. Стенограф. отчет.

стьянской [1], сама по себе проблема аграрной эволюции, применительно к создавшимся условиям переходного времени, теоретически не была, да и не могла быть, *наперед* разработана. Ни путь капиталистической концентрации сельского хозяйства— в форме американской или прусской, ни путь социализации земли — с обобществлением хозяйства в перспективе—не были рассчитаны ни на такую полную победу пролетарской диктатуры, ни на такой глубокий крах устоев капитализма.

Во-вторых, практически смычка с деревней — явление новое. Правда, она имелась, так сказать, в потенции. Назревали уже давно ее ростки, и первый же напор Октябрьской революции их выявил, будучи, в сущности говоря, уже верным залогом будущего союза. Но эта первая революционная спайка была еше в сильной степени стихийной, на почве завоевания политической власти, при лозунгах преимущественно негативного характера: «долой войну», «долой помещика», «долой буржуя» и др.

Если даже допустить, что некоторый *уклон* к социализму— безвозмездная конфискация земли и помещичьего инвентаря, организация государственных хозяйств—окрашивал крестьянскую соц.-политическую программу к моменту Октябрьской революции [2], то от этого еще слишком далеко до согласования ее с социалистической платформой рабочего класса. Совершенно иное дело — социалистическое строительство рабоче - крестьянской власти. Оно сразу же потребовало достаточной полной конкретизации ближайших хотя бы шагов и планомерного сочетания экономических интересов города и деревни при социалистических перспективах.

В-третьих, в ходе длительной общественной ломки и переустройства, жизнь *действительно* переворачивает старую проблему все на новый да на новый лад, преподносит ее все в новых видах. По мере достижения отдельных заданий пролетарской революции и в связи с изменением социально-экономической обстановки, должна была соответственно видоизменяться и постановка вопроса о смычке с деревней и ее об'ект, ее содержание и формы.

В-четвертых, революционное творчество рабоче-крестьянского авангарда, которое, по выражению т. Троцкого,—«законодательным пунктиром» намечало «новые пути для нового мира человеческих отношений», не вполне свободно. Оно встречало и встречает на своем пути *власть прошлого.* Оно, как мы уже сказали, творит «из распавшихся элементов». При этом отдельные кирпичики для построения нового общества—в данном случае, индивидуалистический тип крестьянского хозяйства, хозяй-

[1] См. наш 1 очерк, гл. II.

[2] См. «примерный наказ», напечатанный в № 88 Изв. Всеросс. Сов. Кр. Депутатов» и ст. Ленина «Крестьяне и рабочие», № 6 газ. «Рабочий», 1917 год.

ственная психология и навыки крестьян — являются обломками старого и в целом уже отжившего бытового уклада, но продолжают оставаться реальной силой. Нужно еще помнить, что нигде, может-быть, психо-хозяйственные пережитки так сильно не давят на производственный процесс, как в распыленном мелком земледелии. И поскольку с ними надо считаться, приходится поневоле вливать, *пока-что*, «новое вино» в заведомо «старые мехи».

Отсюда исключительная трудность положения, задержки и отклонения в работе.

И, наконец, диктатура пролетариата встретилась в России с одним специфическим условием, которое особенно остро выступило при первых ее шагах и сделалось определяющим на ее дальнейшем пути. Это—преобладающее значение крестьянства: его численность, его экономическая и политическая роль. В виду того, что и теперь еще, на девятом году советского строя, это обстоятельство не потеряло своей силы, его приходится упорно подчеркивать и напоминать о его реальных исторических корнях.

а) Численность крестьянства.

Со стороны общей численности крестьянского населения, «окрестьянивание» СССР по сравнению с дореволюционной Россией произошло уже, прежде всего, благодаря отпадению от б. империи самых промышленных из окраинных областей— Польши, прибалтийских губерний. Но и в пределах сохранившейся территории произошло некоторое перераспределение социального состава населения в сторону абсолютного, а еще сильнее—относительного нарастания крестьянства.

Проявилось это в нескольких направлениях, сказавшись, главным образом, в расширении общей сельско-хозяйственной площади под крестьянскими хозяйствами и в возрастании общего числа отдельных крестьянских дворов.

Как известно, согласно основному закону о земле, все земли бывш. нетрудового владения, а также сверхтрудовые излишки составили земельный фонд для распределения в пользование в трудовом размере. В огромной своей части (в РСФСР—до 86%, на Украине — еще больше) земли этого фонда поступили непосредственно в пользование местного трудового населения. Это дало прирост площади крестьянского землепользования, крайне неравномерно распределенный по губерниям и *в среднем* небольшой, но который в отдельных местностях—б. центрах помещичьего землевладения—составил уже весьма ощутимую величину [1].

---

[1] Напр., в Никольской волости. Курской губ., крестьянское землепользование возросло к 1922 году по сравнению с 1917 на 65%. См. *Я. Яковлев*. «Деревня, как она есть». «Красная Новь» 1923 г.

А так как попутно пошли в передел и купчие крестьянские земли, нередко мелко-помещичьего типа, то за их счет, при одновременном сокращении беспосевных, тоже возросло типичное средне-крестьянское хозяйство. Рост площади крестьянского землепользования сопровождался умножением числа хозяйствующих единиц.

Стали возвращаться к земледелию б. «отсутствующие», городские рабочие, выходцы из крестьян, которые прежде, по мере развития городской промышленности, отрывались от земли. Возвращению б. «промышленников» способствовала общая промышленная заминка и, в частности, ликвидация промышленности, работавшей на военные нужды.

Процесс этот, как показывает произведенная Центр. Стат. Упр. в 1922 г. анкета современного землепользования, при понятных колебаниях по районам, давал в среднем до 5,9 семейств на 1 селение, т.-е. до 40 душ обоего пола. В огромном большинстве селений (84%) возвратившиеся наделены землею, и $^{2}/_{3}$ из них обзавелись хозяйством.

Созданные Октябрьской революцией условия землепользования и продовольственный кризис в городах толкнули в деревню и совершенно новые элементы, претензия которых на землю хотя и не всегда удовлетворялась, но которые дали в среднем по 7,1 новых членов на одно селение [1].

Тяга на землю городских рабочих подтверждается и материалом особой комиссии, при ЦК РКП, по обследованию 9 типичных волостей в различных с.-х. районах Союза Прирост крестьянских дворов за счет б. «отсутствующих» исчисляется в 3,3% [2].

Отмеченное разбухание деревни сопровождалось как общими переделами, так и семейными разделами. Повышенная волна и тех и других являлась следствием их временной задержки в связи с войной, а также вызывалась желанием всей массы крестьянства приспособиться к новым земельным порядкам [3].

б) Экономическое значение крестьянства.

В общем строе народно-хозяйственной жизни Советской России значение крестьянского хозяйства, обусловленное уже его численностью, еще более поднялось в связи с характером аграрной реформы. Эта последняя, ликвидируя частновладельческие экономии и отдавая в руки крестьянства до 98% всей сельско-хозяй-

---

[1] *Я. Бляхер.* «Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ» 1922 г. («Вестн. Стат.», кн. XIII). Материал, даваемый анкетой, автор считает ориентировочным.

[2] *С. Струмилин.* «Динамика крестьянского хозяйства» (Крестьянское хозяйство за время революции. «Кр. Новь 1923 г.)

[3] *А. Хрящева.* «Крестьянство в войне и революции». Изд. ЦСУ. 1921 г.

ственной площади, сделало крестьянское хозяйство синонимом сел.-хоз. производства, фактическим хозяином всей почти сельскохозяйственной продукции. Правда, частновладельческие запашки составляли и в прошлом не столь уж большую величину к общей массе крестьянских посевов.—всего от 10%до15%. Но если сопоставить рыночную часть продукции, так называемый «товарный хлеб», то соотношение уже значительно меняется в сторону помещичьего хозяйства, которое давало до 20,9% товарного хлеба [1]. При исключительном трудовом крестьянском землепользовании на плечи последнего перешло обязательство по удовлетворению запросов внутреннего рынка—армии, промышленности, городов—и пополнение экспортных ресурсов государства. Пока и поскольку советские хозяйства не сделаются «фабриками зерна и мяса», крестьянское хозяйство будет единственным источником сырья и продовольствия, что придает ему исключительный экономический вес. Это с особенной силой сказалось в первые годы советского строя, благодаря полному перерыву внешних торговых сношений и повышенному нуждами гражданской войны спросу на продовольствие. Еще позже — неурожай и голод обострили положение до крайности и создали в народном хозяйстве своего рода «диктатуру хлеба».

«Значение сельского хозяйства, — писал П. И. Попов, — как источника продовольственных средств, как поставщика сырья для промышленности, транспортных средств (гужевая тяга) и рабочих рук с каждым днем возрастает и возрастает с той же напряженностью, с какой возрастает наше стремление организовать разрушенное промышленное хозяйство» [2].

в) Политическая роль крестьянства.

На-ряду с другими ходячими предрассудками имеется один, чреватый самыми опасными последствиями, это—о якобы полной политической незрелости крестьянства, его равнодушии к политике... Крестьянину-де была бы земля, а там...

На практике такое умонастроение приводит к однобокому — исключительно с точки зрения интересов города — подходу к деревне, к недооценке ее внутренней жизни во всем ее об'еме [3].

Насколько все это ошибочно, показывает самый уже факт Октября и подтверждает вся история гражданской войны с самыми острыми порой проявлениями симпатий крестьянства в ту или

---

[1] *Н. Д. Кондратьев*. «Рынок хлебов». М. 1922 г. Ср. также *П. Попов*.— «Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с нею республик». П. Попов считает помещичьи посевы равными 9—10% всей посевной площади.

[2] *П. Попов*. «Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с нею республиках» (Хлебная продукция). Гос. Изд. 1921 г.

[3] В настоящее время борьба с пережитками этого узко-цехового уклона в крестьянском вопросе ведется под лозунгом «лицом к деревне».

другую сторону и—в конечном счете—победа Советской власти. Мы бы не решились сказать вместе с А. Хрящевой, специально обследовавшей вопрос о влиянии войны и революции на крестьянство [1], что оно «блестяще» выдержало экзамен «на политическую зрелость», ибо, как нам кажется, экзамен еще продолжается. Но и пережитый опыт уже о многом говорит. «Мы можем утвердить перед лицом всего мира, — писал т. Красин в1921 г.,—что не избирательными бюллетенями в урнах, а своей плотью и кровью, своею лошадью и кулем муки русский крестьянин помог нам выиграть эту войну» [2].

А если это так, то следует говорить не об аполитизме крестьянства, а только об отсутствии у него *единой* и *твердой* политической линии, что вполне понятно при неустойчивых и противоречивых социально-экономических интересах в его среде.

Вся обстановка «военного коммунизма»—радикальная и разрушительная работа социальной революции при упорном сопротивлении обломков прошлого и огромной социально-экономической роли крестьянства — наложила свою печать на классовые отношения пролетариата в первые годы его диктатуры и, в частности, на его взаимоотношения с крестьянством [3].

2.

Но во всей его конкретности союз рабочего класса с крестьянством определился двумя факторами: социально-политическими переживаниями деревни того времени и ближайшими задачами диктатуры пролетариата.

Какова же была социально-экономическая физиономия деревни в этот момент? Какова была ее классовая структура?

Об отсутствии полного единения в крестьянской среде уже летом 1917 г. не мало скорбели соглашательские партии и *правые* элементы самого крестьянства, все те, кто мечтал провести крестьянскую массу терпеливой и нетронутой в своем сословном единстве до Учредительного Собрания. Но уже красный Октябрь провел глубокую борозду в массовой психологии деревни по признаку *труда* и *капитала,* по линии революционой борьбы и контр-революции. С этих пор деревня, правда с обычной своей медлительностью, стала продвигаться по пути расслоения,

---

[1] *А. Хрящева.* «Крестьянство в войне и революции». Изд. ЦСУ. 1921 г.

[2] *Л. Красин.* «Экономические сношения с заграницей» (Сборн. статей «Нов. курс экон. полит.». Харьков 1921 г.)

[3] Основываясь на том громадном давлении, какое могло производить крестьянство благодаря своей численности и экономическому удельному весу, т. Ларин находил возможным говорить о «фактической диктатуре крестьянства в формальной оболочке диктатуры пролетариата». См. *Ю. Ларин.* «Крестьяне и рабочие в русской революции». Изд. Петр. Сов. Раб. и Кр. Деп., 1919 г.

которое к лету 1918 года сгустилось в крестьянскую революцию, борьбу деревенской бедноты с кулаками.

Чем же определялось назревание этой крестьянской революции?

Первые зимние месяцы после Октября несколько притупили земельные расчеты в деревне, а поскольку они все-таки имели место, крестьянство в целом было отвлечено дележкой нетрудового фонда, сведением счетов с помещиками, их имуществом и т. п. К тому же в деревне преобладала еще наиболее консервативная и наименее решительная часть крестьянства. Но по мере ликвидации своих отношений с помещиками, по мере приближения срока весенних работ и вместе с возвращением в деревню мобилизованных сельчан, а также наплыва туда б. «промышленников» с претензией на надел,—взаимные земельные споры в крестьянской среде приобретали все большую остроту и реальный облик. К тому же фигура помещика, в свое время толкавшая крестьян к об'единению, исчезала с горизонта. Помещичьи же земли дали весьма слабые прирезки, принимая во внимание наделение массы совсем беспосевных... Всякие иллюзии относительно возможности каких-либо еще прибавок—отпадали... Тем внимательнее устремлялись взоры бедноты на то земельное неравенство в среде самих же крестьян, которое сопровождалось всеми спутниками капитала в деревне: излишками скота, инвентаря, денег, хлеба. Приходившие же красноармейцы и городские рабочие приносили вести о радикальной экспроприации буржуазии в городах, лишении ее всяких политических и имущественных прав, а затем и о декретах, направленных к борьбе с деревенским кулачеством...

При таких условиях расслоение по трудовой линии и классовое самоопределение крестьянства пошло ускоренным темпом и послужило фундаментом для сплочения трудовых масс города и деревни.

Тогда же, в июле 1918 года, на V Всеросс. С'езде Советов оформились новые взаимоотношения рабочего класса с крестьянством.

Принятием основного закона* были даны впервые твердые очертания советскому строю как *диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.*

В раз'яснение и дополнение недостаточно отчетливой терминологии Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, говорившей суммарно о «трудящихся массах», новый основной закон подчеркивает «установление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной советской власти» (ст. 9). В тех случаях, где речь идет о «трудящихся», о «рабочем населении страны», дается пояснение, что речь идет о «рабочем классе» и «крестьянской бедноте». Относительно земледельческого населения в основном законе уже ясно указывается, что «правом избирать и быть избранными пользуются... крестьяне и казаки-

земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли» (ст. 64, п. «а»).

Рабоче-крестьянскому правительству предстояло построить весь государственный — административный и хозяйственный— аппарат в рамках Конституции, соответственно ее классовым директивам.

На-ряду с этой задачей по завершению *советского строительства республики,* названный Всеросс. С'езд Советов наметил основную линию работы в области социальной экономики и политики: во-первых, самая энергичная *защита завоеваний Октябрьской революции*, борьба с буржуазной контр-революцией в мировом масштабе, и во-вторых — *первые зачатки социалистического производства и потребления.*

Все эти революционные задачи, с которыми советская власть вошла в период *военного коммунизма,* самым тесным образом соприкасались, перекрещивались и, как мы убедимся ниже, даже были тождественны в своих конкретных проявлениях.

В сущности перед диктатурой пролетариата стояла все та же одна грандиозная задача: продолжать социальную революцию и для этого собирать и сплачивать все заинтересованные в ней силы. Под таким углом зрения, пролетарский революционный авангард только и мог подойти к вопросу о своих взаимоотношениях с крестьянством.

По руслу отмеченных выше задач пролетарской диктатуры и в связи с отношением реальных классовых сил в крестьянстве определились и ближайшие цели и содержание смычки с деревней при военном коммунизме.

Это было создание прочной—на этот раз классовой—идейной и организационной опоры в деревне, привлечение крестьянства в сферу своего влияния с низов, через пролетарские его слои.

«Только в том случае, — говорил председатель ВЦИК Свердлов в своем докладе «о задаче советов в деревне», — если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, только в том случае мы можем сказать, что мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для городов» [1].

Таковы были те социально-экономические и психологические предпосылки, которые определили собой отношения между городским пролетариатом и деревней.

Конкретные их проявления пошли по трем линиям.

а) Проведение классового принципа советской Конституции во всех областях народной жизни.

---

[1] Из доклада Свердлова «О задаче советов в деревне» на 13 заседании ВЦИК 4 созыва (См. «Протоколы заседаний ВЦИК»).

б) Заострение, углубление и осмысливание происходившего в деревне процесса расслоения.

в) Сплачивание и организация отслоившихся низов деревни в ходе социалистического строительства.

3.

В области советского строительства надо было, прежде всего, реорганизовать, а чаще вновь сконструировать советы на местах. К тому времени, благодаря отчетам губерн. и уездн. С'ездов Советов уже не подлежало никакому сомнению, что «Советы не являлись органами борьбы с деревенской буржуазией, более того, в ряде мест, даже включали ее в свою среду» и что даже «в волостных советах руководящая роль принадлежит кулацко-буржуазному элементу». Таким образом, состав местных органов власти не соответствовал ни общим основам Конституции, ни действительному соотношению классовых сил в деревне к осени 1918 года, а был пережитком «общедемократического» и «общетрудового» изжитого уже первого этапа революции. Поэтому 6-й Всероссийский С'езд Советов в ноябре 1918 г. постановил, что волостные и сельские советы должны быть переизбраны под руководством комитетов бедноты, «об'единявших на деле бедняцкое крестьянство» [1].

Затем в течение последующих двух лет декретами о рабоче-крестьянской армии, о рабоче-крестьянской милиции, о раб.-кр. инспекции, о народном суде, о социальном обеспечении трудящихся, о рабочих факультетах, о потребительских коммунах и др. — закреплена была руководящая роль и преимущества рабочих и крестьянской бедноты, которым и по Конституции принадлежало активное и пассивное избирательное право.

Из проявлений смычки по линии классового расслоения деревни надо, прежде всего, назвать *комитеты деревенской бедноты*. Эта организация бедняцкого крестьянства получила официальное утверждение непосредственно после 5-го Всеросс. С'езда Советов, 11/VII—1918 г.

Подобно всем мерам резко-революционного характера, комбеды, эти своего рода военно-революционные комитеты деревни, просуществовали недолго: через каких-нибудь полгода, по решению 6-го Всеросс. С'езда Советов, они были замещены сельскими и волостными советами, регулярно избираемыми по строго классовому принципу [2].

[1] См. Резолюцию 6-го Всеросс. С'езда Совет., протоколы ВЦИК 5-го созыва (20/V—1918 г.) речь Ленина на об'единенном заседании ВЦИК 4-го созыва с Моск. Сов. Раб. Кр. и Солд. Деп. (4/VI—1918 г.) и др.

[2] Ликвидацию комбедов 6-й Вс. С'езд Советов аргументировал так: «В деревне таким образом создалось двоевластие, приводившее к бесплодной растрате сил и путанице в отношениях». «Укрепление власти раб. и кр. в России невозможно без единообразной организации Советов всей территории РСФСР. Диктатура раб. и кр. должна быть проведена последовательно от высших органов советской власти донизу».

Но историческая роль названных организаций была огромна, ибо они направили по классовому руслу все дальнейшее самоопределение деревни. Революционно-классовая организация бедняцких масс крестьянства с острой необходимостью вытекала в тот момент как из коренных задач пролетарской диктатуры, так и из об'ективного хода развития внутри-крестьянских отношений. Создать классовую опору пролетарскому авангарду, сплотить вокруг себя все маломощные—до сих пор распыленные и забитые — слои сельского населения, дать им необходимую административную и моральную поддержку, захватить в сферу их влияния все родственные элементы крестьянства, наконец, отобрать для нужд революции накопленные за годы войны продовольственные запасы,—все это было вопросом жизни для революции. Но все это могли сделать только местные организации, облеченные диктаторскими полномочиями.

«Мы должны создать в деревне прочный кадр сознательных коммунистов и только таким путем мы можем провести то слияние, которое начато было в октябрьские дни»[1].

«Нашей первейшей задачей должна быть организация деревенской бедноты... выяснение этой бедноте, что ей не по пути с кулацкими элементами, что только в создании своей особенной враждебной этим элементам организации, созданной специально для борьбы с ними только в этом заключается спасение и деревни, и нашей революции» [2].

«Только опираясь на деревенскую бедноту, только организуя эту бедноту для борьбы с деревенской буржуазией в особые комитеты, раб.-кр. сов. власть победит яростное сопротивление внутренних и внешних врагов социалистической революции, упрочит ее завоевания [3].

Другой мерой тоже революционной и тоже временной направленной к «раскулачиванию» деревни, была *продразверстка*— отобрание у сельского населения излишков хлеба сверх потребительской нормы. Эта мера, в еще большей степени, чем комбеды, была продиктована продовольственными соображениями революции. «Мучительный голод,—говорил Ленин,—нас силой подвел к задаче чисто коммунистической» [4].

В эти годы, когда в связи с текучим характером земельных и хозяйственных отношений деревни невозможен был точный арифметический налоговой расчет, когда к тому же дело заключалось не только в отобрании хлебных излишков последнего урожая, но в конфискации каких бы то ни было ранее накопленных запасов продовольствия, предотвращение спекуляции

[1] Из докл. Свердлова «О задаче Советов в деревне» на 13-м засед. ВЦИК 4-го созыва.

[2] Из постановления 6-го Всеросс. С'езда Сов.

[3] Там же.

[4] См. речь Ленина на об'единенном заседании ВЦИК 4-го Созыва и Моск. Сов. Раб., Кр. и Солд. Деп. (4/VI—1918 г.).

хлебом, и, главное, когда революция находилась в смертельной опасности, а рабочие и неимущие слои городского населения при свободной торговле хлебом помирали бы с голоду—никакая другая мера не дала бы в руки рабоче-крестьянской власти необходимых продовольственных ресурсов.

Осуществляемая таким образом, *по существу*, в интересах широких трудовых масс, но врываясь слишком непривычным образом в хозяйственную самостоятельность крестьянского хозяйства, продразверстка раздражала широкие слои мелких производителей хлеба. «Здесь пред нами,—отмечал Ленин, — мелкие и глубокие, по всей стране разбросанные корни и корешки этой буржуазной эксплуатации в лице мелких собственников, в лице всего этого уклада жизни, привычек и настроений, мелкособственнических, мелкохозяйских» [1].

Будучи к тому же связана поневоле с самым энергичным принуждением вне-экономического характера, продразверстка взяла на себя неблагодарную роль в истории взаимных отношений города и деревни: она была исторически *необходимой, но преходящей* формой сочетания революционно-социалистических задач пролетарской диктатуры с мелко-крестьянским укладом сельского хозяйства.

Из мероприятий рабоче-крестьянской власти, характеризующих классовый подход военного коммунизма к деревне, остановимся еще на декрете о «*Чрезвычайном налоге*», принятом ВЦИК 5-го созыва 30 октября 1918 г. Как в его обосновании, так и в самом тексте находим полное слияние городских и сельских классовых группировок. Сельская буржуазия берется за одну скобку с городской. Постановление ВЦИК исходит из необходимости колоссальных средств для организации, снаряжения и «содержания Красной армии» и «на неотложные нужды революционного строительства и борьбы», говорит о наличии накопленных богатств у городской буржуазии и деревенских кулаков, у паразитических элементов населения и облагает имущие группы городского и сельского населения повсеместным единовременным налогом в сумме 10 миллиардов рублей [2].

Как уже сказано выше, смычка пролетарских масс города и деревни шла не только в направлении классового расслоения крестьянства. Одновременно же происходили *сплочение и организация отслоившихся низов деревни*—с пролетариатом во главе—в процессе социалистического сельско-хозяйственного строительства. Коллективизация сельского хозяйства была и основной движущей силой и руководящей перспективой смычки с деревней при военном коммунизме.

[1] См. речь Ленина (предыд. примечание).
[2] См. Протоколы ВЦИК 5-го созыва, засед. 30 октября 1918 г.

Реальные основания для этого имелись в самих условиях сельско-хозяйственной действительности. Империалистическая война, разоряя все крестьянское хозяйство в целом, привела отдельные, более неудачливые из крестьянских хозяйств в состояние полной инвалидности: в виде убыли рабочей силы, обезлошадения, изнашивания необходимого мертвого инвертаря и т. п. Кроме того, по новому закону о земле надел получили и бывшие беспосевные. В то же время в деревню вернулось не мало рабочих, б. земледельцев, без какого бы то ни было хозяйственного оборудования. Для всех этих категорий, к тому же без какого бы то ни было капитала на обзаведение, выход к действительному освоению земли давался всякими видами кооперирования, от общественной запашки до полного слияния в общее коммунальное хозяйство и общежитие. Другим выходом была организация крупных государственных (советских) хозяйств.

Закон о социализации земли отметил это в виде первоочередности наделения при коллективном использовании земли (разд. III, ст. 20, ст. 35) и предоставления земли из запасного фонда, для ведения на них образцовых, показательных хозяйств (разд. I, ст. 13). После полной победы рабоче-крестьянская власть взяла коллективные крестьянские хозяйства и советские сельско-хозяйственные начинания (совхозы) под свое особое покровительство, обеспечивая за ними ряд материальных преимуществ. В этом направлении издано несколько особо важных декретов.

Первым по времени мероприятием во всеросийском масштабе был опубликованный 6 ноября 1918 г. декрет об образовании миллиардного фонда [1] для поощрения отдельных сельских хозяйств к обобществлению. По этому декрету «в целях скорейшего переустройства» сельско-хозяйственного производства «на социалистических началах» стали выдаваться ссуды на мероприятия по улучшению сельского хозяйства (ст. 1) «при условии перехода к общественной обработке и уборке полей» и определенной системе хозяйства (ст. 2), при непременном подчинении известному руководству органов Наркомзема и погашения ссуд натурой.

Следующим, более решительным шагом по вовлечению крестьянских бедняцких хозяйств в социалистическую организацию сельско-хозяйственного производства было издание *Положения о социалистическом землеустройстве* (в феврале 1918 г.). Последнее об'являло всю землю государственным фондом (ст. 1), который используется в первую очередь для нужд советских хозяйств и коммун, затем трудовых артелей и товариществ по обработке земли (ст. 8). Целая категория земель, оговоренная в Положении, а также все земли, еще не распределенные к моменту его опубликования, распределению в единоличное пользование не подлежат (ст. 9, п. «д.»). Переход к общественной

[1] «Декрет об образовании специального фонда на мероприятия по сельскому хозяйству».

обработке происходит по решению, принятому простым большинством членов общества присутствующих на собрании (ст. 96). Перечисленные статьи в соединении с целым рядом преимуществ для крестьянских коллективов и советских хозяйств—в области госснабжения (живым и мертвым инвентарем, семенами и др.), кредитования и налоговых льгот—ставили их в привилегированное положение.

В соответствии с этим на них накладывались известные обязательства. Советские хозяйства—в перспективе фабрики зерна и мяса—в данный момент должны были сделаться «образцовыми хозяйствами», «показательными пунктами» и оказывать возможную материальную помощь окружающим крестьянским хозяйствам. Коллективы рассматривались как живые ячейки будущего. В них Ленин видел «хотя и слабый, маленький еще росток, но все же не искусственный, не парниковый, а настоящий росток нового социалистического строя» [1]. И те и другие—и совхозы, и сельско хозяйственные коллективы—должны были убеждать крестьянскую массу в преимуществах крупного и обобществленного сельского хозяйства.

Характерное для периода военного коммунизма устремление итти кратчайшим путем к социалистическому строительству в деревне нашло себе наиболее полное выражение в работах I Всероссийского с'езда земотделов, комитетов бедноты и коммун, в декабре 1918 г. Задачей этого с'езда, по словам его председателя т. Середы, было «наметить пути аграрной революции, указать дальнейший путь строительства сельского хозяйства на коммунистических началах». «Наша тактическая задача,—говорил он,—должна заключаться в организации ряда мероприятий по вовлечению отдельных сельских хозяйств в социалистический режим». «Миллиардный фонд должен был быть использован в целях вовлечения среднего крестьянства, остающегося в своем замкнутом хозяйстве» [2].

«Мы должны провести этот переход к общественному хозяйству, — дополнял Ленин, — постепенно. Крестьяне сразу не пойдут на это. Средний крестьянин пойдет с нами только тогда, когда он действительно убедится на деле в пользе общественного хозяйства» [3].

Тов. Кураев подводил политические итоги последнего периода. «Произошло,—говорил он, — расслоение крестьянской среды в деревне. Только часть ее осталась преданной революции. Остальные слои колеблются или идут против социальной революции... Революция утратила свой размах, свою поступательную силу. Задача революции вновь возбудить крестьянскую массу,

[1] Из речи Ленина на 1-м с'езде земельных коммун и сель.-хоз. артелей. 3 декабря 1919 г.

[2] См. «Труды I Всероссийского с'езда земотделов, комитетов бедноты и коммун».

[3] Там же.

вновь двинуть крестьянский локомотив по пути революционного наступления, вновь возродить союз рабочих и крестьян и об'единить эту массу в одном направлении. Обобществление сельского хозяйства было, по его словам, необходимым, вторым этапом для сплочения крестьянского авангарда революции» [1]. Это был уже поворот от ультра-классовой постановки смычки с деревней в первый, самый острый период военного коммунизма, к постепенному и необходимому расширению ее базы за счет середняцких низов.

Как видим, взаимоотношения рабочего класса с крестьянством в период военного коммунизма шло и развивалось под знаком защиты социальной революции и ее продолжения.

Это был революционно-классовый союз с пролетарской и полупролетарской частью деревни, которая по своей экономической сущности целиком была заинтересована в продвижении революции по ее социалистическому пути.

Это был революционный договор с трудовыми середняцкими низами, которые, по своему хозяйственному положению, являлись промежуточными, колеблющимися, но не эксплуататорскими и могущими даже выиграть при социалистическом строе [2].

На-ряду с этим—непримиримая борьба с нетрудовыми кулацкими и спекулянтскими элементами деревни, как носителями капитала, особенно обостренная моментом продовольственной разрухи.

Классическую формулу тактического подхода пролетарского авангарда к крестьянской массе дал Ленин на собрании партийных работников в ноябре 1918 г.: «Уменье достигать соглашения со средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту,—это задача момента, ибо именно теперь поворот в среднем крестьянстве в нашу сторону неизбежен» [3].

Если взглянуть на смычку с деревней в этот период истории в ее эволюции, то она обнаруживает весьма определенную тенденцию. Начало было положено самой прямолинейной классовой позицией, когда в лице комитетов бедноты образованы были военно-революционные органы, вершившие судьбы деревни: вся остальная крестьянская масса играла тогда подчиненную роль. Но по мере того, как местные советы перестраивались по классовому принципу, а вся деревня после повторных переделов хозяйственно нивелировалась, острота внутрикрестьянских

---

[1] См. «Труды I Всеросс. с'езда земотделов, комитетов бедноты и коммун».

[2] См. программу РКП (б), принятую на 8-ом с'езде РКП, в 1919 г. (раздел «в области экономической»).

[3] См. *Н. Ленин.* Собр. сочинений, т. XV, ст. «О мелкобуржуазных партиях».

отношений естественно смягчалась, напряженная политическая атмосфера разряжалась. Между тем кризис сельского хозяйства, медленный темп его обобществления, нарастание опасного несоответствия между национализированным и социализированным государственным производством, с одной стороны, и массовым крестьянским хозяйством, с другой—все это говорило о необходимости втянуть в сферу смычки еще более широкие массы, еще более расширить ее основание. Уклон в сторону кратчайшего ускоренного и прямого перехода к социалистическому строю стал выравниваться в смысле большего согласования социалистического строительства с экономикой крестьянского хозяйства. На этой почве выросла новая экономическая политика, которую Ленин охарактеризовал как «новый подход к социалистической экономике», «переход от штурма к осаде».

Отдельные проявления этого «нового подхода» к крестьянской экономике начались с весны 1920 г., когда декретом от 27 мая 1920 г. был увеличен размер землепользования в трудовых хозяйствах интенсивного типа, а декретом от 30 мая 1920 г.— земельные переделы ограничены 9-летним сроком и поставлены под контроль зоморганов. Позже, постановление 8-го Всероссийского С'езда Советов «о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства» делает первоочередной задачей дня поддержку и регулирование всей массы индивидуальных сельских хозяйств. Наконец, весной 1921 г., декретом о замене продразверстки продналогом и допущением свободной торговли начиналась новая фаза экономической жизни. С этого момента интересы всего крестьянского хозяйства—во всем его массиве—смыкались с социализированной частью сельского хозяйства и с национализированной городской промышленностью.

— —

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ.

Смычка с деревней при новой экономической политике.

1. Общая характеристика переходного момента. — 2. Основные задачи рабоче-крестьянской власти: под'ем производительных сил, согласование промышленного развития с крестьянским хозяйством, политическое успокоение деревни.— 3. Проявление смычки в земельном, налоговом и кооперативном законодательстве.—4. Отличительные черты смычки с деревней в первые годы новой экономической политики.

Строго говоря, подразделение исторического процесса на хронологические периоды можно принять лишь *условно*, в качестве общей руководящей схемы. Особенно это верно при изложении вопроса о смычке с деревней. Классовые отношения пролетариата и крестьянства настолько подвижны, что даже в пределах одного исторического периода могут быть изображены только в виде эволюции смычки, в виде ее тенденции.

И все-таки, бывают такие переломные моменты, которые издали кажутся даже *крутым поворотом истории* и только при ближайшем рассмотрении обнаруживают свою органическую связь с прошлым. Таким «поворотным пунктом» в истории «смычки с деревней» была весна 1921 г., именно начало *новой экономической политики.*

1.

Чаще всего *новая экономическая политика* характеризуется как переход от гражданской войны к мирному хозяйственному строительству. Это не совсем правильно, во всяком случае не достаточно определенно: признаки, разграничивающие эти две смежные исторические эпохи, лежат гораздо глубже. В общих чертах верно, конечно, что раньше, в годы «военного коммунизма», 1918—1920 г.г. включительно, в работе высших законодательных органов *преобладали* вопросы так или иначе, прямо или косвенно связанные с задачами военными. Верно и то, что в первой половине 1921 года, когда заканчивались военные операции, вопросы организации обороны составляли еще больше половины (до 58%) всех дел и что только, наконец, за 1921 год в целом, в порядке дел ВЦИК мы видим уже подавляющее

большинство вопросов чисто хозяйственных [1]. Но не говоря уже о первой же мимолетной «передышке» весной 1918 года, которая была использована рабоче-крестьянской властью целиком для созидательной работы, не говоря уже о деревне, где активное земельное строительство по социалистическому руслу неоспоримо, огромная молекулярная работа по хозяйственному строительству шла уже и тогда повсеместно и во всех отраслях жизни. Экономический строй, ею созданный, являет резко своеобразные черты. Может-быть благодаря ей только, этой подготовительной работе, возможны были те огромные достижения, которые *новая* экономическая политика в свое время только выявила, проработала соответственно своим основам и облекла в твердые законодательные рамки кодексов.

Мы в настоящий момент совершенно оставляем в стороне вопрос о *внутренней сущности* военного коммунизма. Была ли это «красная оборона» республики в острый период гражданской войны, «рациональное распределение имевшихся запасов» [2], или «первый грандиозный опыт пролетарско-натурального хозяйства, опыт первых шагов к коммунизму», «хотя и не в чистом виде, а с известными извращениями *предвосхищение будущего*» [3], словом, возник ли военный коммунизм из каких-нибудь заранее обдуманных программных установлений в РКП или «исключительно из необходимости революционной стратегии» [4]? Вернее всего, что мероприятия, характеризующие период военного коммунизма, были результатом целого комплекса перекрещивающихся обстоятельств и соображений. Для нас важно лишь подчеркнуть наличность в 1918—1920 годах ярко выраженного и своеобразного экономического строя, находящегося в резком контрасте и с предыдущим строем (в 1917 г.) и с последовавшим с 1921 года экономическим курсом.

И, наоборот, и теперь еще, через много лет после того, как лозунг «все для войны», «все для победы», постепенно теряя свою остроту, уступил, наконец, место лозунгу «все на борьбу с разрухой»—голодом, холодом, тифом,—можно ли говорить о вполне *мирных* условиях работы?

Уже на 7-ом Всероссийском с‘езде советов, Ленин, говоря о том, что «дорога мирного строительства перед нами открывается», спешил добавить: «нужно, конечно, помнить, что враг нас подкарауливает на каждом шагу» [5].

---

[1] См. «5 лет власти Советов». Изд. ВЦИК, М. 1922 г. стр. 140.

[2] См. статью т. Бухарина в сборн. «Новый курс экономической политики» (изд. Харьков, 1921 г.) и его же доклад на V Всем. Конгрессе Коминтерна. («Пр.» № 146—1924 г.).

[3] *Л. Крицман.* «Героический период Великой Русской Революции» (Вестн. Ком. Акад.» кн. 9, 1924 г.).

[4] Доклад т. Тальгеймера по программному вопросу на V Всем. Конгр. Коминтерна («Пр.» № 147, 1924 г.).

[5] См. «Стенографич. отчет 7 Всеросс. с‘езде Советов. 5—9 декабря 1919 года.

Много, много позже, после 7-летия советского строя, жизнь еще напоминает нам, что «борьба у нас приняла совершенно иные формы. Мы переживаем период мирного строительства, нет непосредственной угрозы, но вместе тем борьба идет» [1]. Можно, правда, сказать, что фокус борьбы перекинулся на фронт экономический, в виде борьбы за прорыв блокады, торговые договоры и т. п. и борьба на внутреннем рынке с частным капиталом. «Такая прозаическая штука, как рыночная конкуренция,—говорил т. Бухарин,—есть не что иное, как совершенно специфическая и новая форма классовой борьбы» [2].

Последние же тяжелые разоблачения,—в частности в связи с селькоровскими процессами,—обнаруживают эту классовую борьбу на местах, в гуще деревенской жизни, в такой дикой и безобразной форме, которая отметает всякие иллюзии о мирном хозяйственном строительстве.

А если все это так, значит для переживаемого периода новой экономической политики существенна не столько возможность перехода к хозяйственному строительству, как российская и мировая обстановка этого строительства, его содержание, то новое направление, какое приняла творческая работа советской власти и новые методы этой работы, все то, что Ленин определил, как «новый подход к социалистической экономике».

Чем же был вызван, какими реальными основаниями определился и в чем новизна этого нового курса в социалистической экономике?

Диктатура пролетариата в Советской России после 3-х лет героической борьбы на внешнем и внутреннем фронтах завоевала себе право на существование. Хотя мировой пролетариат и оказал громадную косвенную поддержку пролетарской российской революции, однако надежды на скорую победу социальной революции в мировом масштабе не оправдались [3]. С другой

[1] Тов. *Каганович.*—Заключительное слово на совещании секр. ячеек при ЦК РКП. («Пр.» № 214, 1924 г.).

[2] *Н. Бухарин.*—Закл. слово на V Всем. Конгр. Коминтерна.

[3] В настоящее время, после целого ряда лет напряженной экономической и политической жизни и после пяти конгрессов Коминтерна, общее соотношение мировых сил капитала и пролетариата достаточно определилось. Но и тогда уж к 1921 году Ленин так формулировал данный вопрос: «Рабочие передовых стран,—говорил он,—настолько определяют ход войны, что против их желания нельзя вести войны, и в конечном счете они сорвали войну против нас пассивным и полуактивным сопротивлением». (Речь Ленина на Всеросс. с'езде транспортных рабочих 27 марта 1921 г.).

«Наша, если можно так выразиться, ставка на международную революцию подтвердилась всемерным образом, если смотреть в общем и целом. Но с точки зрения быстроты развития мы пережили время особенно тяжелое, мы испытали на себе, что развитие революции в более передовых странах оказалось гораздо более медленным, гораздо более трудным, гораздо более сложным... Но во всяком случае,—это более медленное, более сложное, более зигзагоообразное развитие социальной революции в Западной Европе возложило на нас невероятные трудности». (В. И Ленин. Доклад ВЦИК и СНК на 7-ом Всеросс. С'езде Советов).

стороны, трехлетний опыт социалистического строительства, в частности переустройства социально-экономических отношений в деревне, обнаружил свой медленный темп, силу сопротивления старого экономического быта, недостаток материальных ресурсов у государства. Таким образом, выяснилась необходимость изжить более или менее длительный переходный период для подведения экономического фундамента под диктатуру пролетариата, создания действительной базы для крупной промышленности и прежде всего *поднятия производительных сил города и деревни.*

Из этой-то новой ориентации диктатуры пролетариата вытекала ее новая экономическая политика.

Это было прежде всего *выдвижение* на первый план вопросов *сельского хозяйства* и новая их постановка.

«Основной и главнейшей причиной этого изменения,— говорил по этому поводу Ленин,— является необыкновенно обострившийся кризис крестьянского хозяйства... Рабочий класс, если он хочет правильно вести хозяйство как господствующий класс, как класс, который осуществляет свою диктатуру,—должен сказать: вот где оказалось самое слабое место — в кризисе крестьянского хозяйства; это нужно исправить, чтобы еще раз взяться за восстановление промышленности» [1]. «Начать надо с крестьянства,—говорил он в другом месте, — решить в первую голову самую неотложную, самую „больную" задачу... Нужны немедленные и серьезные меры для поднятия производительных сил крестьянства» [2]. А через полгода, на Всероссийском 9-ом с'езде Советов, зам. НКЗ т. Осинский, в своем докладе, ставит проблему о сельско-хозяйственном кризисе во всей ее остроте: «Мы должны,—говорит он,— усвоить основную азбучную истину, что сельское хозяйство находится накануне краха, который можно предотвратить лишь самыми героическими мерами»... И с'езд по докладу НКЗ постановляет: «Обязать все органы советской власти всемерно содействовать исполнению постановлений IX с'езда по сельско-хозяйственному вопросу, как *первоочередных* и боевых заданий» [3].

Таким обрзом, и как самое слабое место и как основа всего народного хозяйства сельское хозяйство становится краеугольным камнем новой экономической политики.

Вместе с тем для нового экономического курса характерно и то, что центром внимания в области сельского хозяйства делается *все массовое крестьянское хозяйство в целом,* т.-е. единоличное, к тому моменту середняцкое по преимуществу, крестьянское хозяйство... «Преобладающим элементом в деревне явились

---

[1] *В. И. Ленин.* «Доклад о продналоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек г. Москвы и Московск. губ. 13/IV». 1921 г.

[2] Его же. «Доклад о продналоге» (Значение новой политики и ее условия) 21/IV 1921 г.

[3] См. «Стенографич. отчет 9-го Всерос. С'езда Советов».

середняки. Если нам нужно поднять производительность труда нашего крестьянского хозяйства, то мы должны считаться прежде всего с середняком» [1]. Проявлением этого уклона и был декрет 8-го Всеросс. С'езда Советов „О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства. Постановление Всероссийского 9-го С'езда о мерах восстановления и развития сел.-хозяйства и все последующие постановления и мероприятия НКЗ.

Наконец, совершенно новым был и тот рычаг, с которым советская власть подошла в своей экономич. политике к крестьянскому хозяйству. «Если мы два года тому назад,—говорилось на 8-ом С'езде Советов в докладе НКЗ,—пытались влиять на сельское хозяйство путем мер государственного регулирования, путем не только убеждения, но и принуждения, то ныне основным нашим методом должно быть *всемерное развитие самодеятельности* самого земледельческого населения" (курсив наш) [2]. Постановлением 8-го Всероссийского С'езда Советов организованы при сельсоветах, в каждом селении, специальные с.-хоз. комитеты—селькомы, в которые должны были по совершенно свободному выбору войти наиболее опытные и старательные в хозяйственном отношении крестьяне [3].

Итак, *выдвижение вопроса о сельском хозяйстве,* как основы промышленного развития, воздействие *на всю массу крестьянского хозяйства в целом, в целях стимулирования его самодеятельности,*—такова та почва, на которой стали складываться новые взаимоотношения пролетарской диктатуры с крестьянством, цели смычки и ее содержание. Более конкретно подойти к этому вопросу можно, лишь познакомившись с социально-экономической обстановкой деревни к началу новой экономической политики.

2.

Главным фоном жизни деревни к весне 1921 года, как мы уже говорили, был жесточайший хозяйственный кризис. В последней своей стадии этот кризис назревал в условиях полной натурализации крестьянского хозяйства, его измельчания и все сгущавшейся атмосферы недовольства деревни, использованной контр-революционными элементами крестьянства в виде спорадических вспышек бандитизма (Антонова, Махно, Петлюры и проч.).

Об экономических показателях с.-х. кризиса—падении с.-хоз. продукции с 4,7 до 2,9 миллиард. пудов, сокращении посевной площади, общего числа лошадей, крупного рогатого скота и мелкого скота—обо всем этом так много и обстоятельно писалось и говорилось, что повторяться нет необходимости. Но нам гораздо важнее напомнить *причины* кризиса и его ближайшие психологические эффекты. Несомненно, что ненормальные условия кре-

[1] *В. И. Ленин.* «Доклад о продналоге на собрании секретарей 13/IV—1921 года».
[2] См. доклад т. Месяцева на 10-ом Всеросс. С'езде Советов (дек. 1922 г.).
[3] См. Постановление ВЦИК и СНК от 10/I 1921 г.

стьянского землепользования, помещичья кабала и налоговая система царизма подготовляли нарастание краха еще и до войны, при самодержавно-дворянском строе. Затем империалистическая бойня и прямым путем — своими мобилизациями работников и лошадей, и косвенным—прекращение городских заработков, и расстройством снабжения — разорила окончательно массовое крестьянское хозяйство. И не удивительно, что война гражданская и связанные с нею события революционных лет, плюс еще неурожай 1920 года, были *только последними* добивающими ударами, под которыми социально-политический кризис принял катастрофические размеры.

Революционное аграрное законодательство, с его повторными переделами, нивелируя крестьянскую массу, подняло земельный надел бедноты, но сделало это за счет ликвидации некоторых культурных частновладельческих имений и уничтожения наиболее сильных крестьянских хозяйств. Распыление нетрудового фонда—измельчание хозяйств—вело к их ослаблению. Давая землю и не давая нужного оборудования, революция создала массу хозяйств, экономически несостоятельных, из которых только незначительная часть находила выход в коллективах. К тому же постоянные передвижки земли, делая непрочным землепользование, отнюдь не располагали к рационализации хозяйства. В свою очередь система продразверстки, отбирая «излишки», лишала крестьянское хозяйство необходимых запасов и толкала всю массу крестьянства к сжатию хозяйства до уровня семейного потребления. Неурожай 1920 г. окончательно выбил массу крестьянских дворов из равновесия. Добавим еще хронические конфликты между властью и деревней на почве отобрания продовольственных излишков, запрещения хлебной торговли, отсутствия у деревни необходимых городских товаров и т. д. и т. д.

«Если мы просмотрим хронику эпохи военного коммунизма,— говорил тов. Рыков на V Всем. Конгр. Коминтерна,—то вы найдете там указания на массовые протесты крестьян против тех или других мероприятий военного коммунизма. Мы имели тогда даже частичные восстания в целом ряде губерний. Громадным ударом послужил для крестьян, конечно, голод 1921 г.» [1].

Подводя в ноябре 1922 г. на IV Всем. Конфер. Коминтерна итоги первым полутора годам новой эконом. политики, Ленин подчеркивал решающее значение весны 1921 года. «*Это было,*—говорил он,—первый и, надеюсь, последний раз в истории Сов. России, когда большие массы крестьянства не сознательно, а интуитивно были против нас... Причина была та, что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, не обеспечив себе достаточной базы... Если мы окажемся не

---

[1] См. доклад А. Рыкова на заседании V Всем. Конгр. Коминтерна 27/VI 1924 года.

в состоянии произвести отступление и ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель» [1].

Как видим, сама действительность достаточно красноречиво указывала рабоче-крестьянской власти на необходимость самых срочных мер по восстановлению *смычки с деревней*, а также и ее общее направление, ее ближайшие непосредственные задачи. В качестве таковых вырисовывались три главные задания: а) *политическое успокоение* крестьянства, б) *восстановление крестьянского хозяйства*, поднятие его производительных сил и в) *расширение опорной базы смычки* путем вовлечения широких крестьянских масс в советское и социалистическое строительство.

Первые две из названных задач—политическое успокоение и восстановление крестьянского хозяйства—на деле были неразделимы. Какой-либо самостоятельной политической линии в настоящем смысле этого слова, которая шла бы в разрез с советской властью, подрывала бы ее основы, у огромной массы крестьянства РСФСР не было [2]. Во всяком случае не эта кулацкая антисоветская позиция определяла социально-политический кризис весны 1921 года, она лишь стремилась его использовать в своих целях. Если же говорить о массах, то недоволен был *середняк* и недоволен был не самыми основами советского земельного законодательства вообще, которое давало ему землю, а фактом отбирания излишков — продразверсткой — тяжелой и своими размерами и по форме взимания. «Мы,—говорил Ленин на X с‘езде партии,—не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямиком, что крестьянство *формой отношений*, которая у нас установилась, недовольно, что оно этой формы соотношений не хочет и дальше так существовать не будет. Эта воля его выражена определенно. Это—воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте пересматривать». И несколько дальше Ленин пояснял: «Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян, которые недовольны— и законно недовольны—и не могут быть довольны... Мы эти тре-

---

[1] Из доклада Ленина на IV Всем. Конгр. Коминтерна, засед. 13 ноября.

[2] Несколько иное положение наблюдалось на Украине, где кулацкие слои крестьянства имели большой удельный вес и где они делали попытку напирать против самых основ нового аграрного строя. «Украинское кулачество, — писал Д. Мануильский, — стремится уничтожить все завоевания Октябрьской революции. Оно хотело бы чтобы, рабоче-крестьянская государственная власть вернулась в области земельной к старым принципам и сделала бы из земли об‘ект купли-продажи.

«Мы присутствуем сейчас при втором этапе напора мелкобуржуазной стихии, борющейся за признание права собственности на землю, за денационализацию земли... Нас ждет в деревне в ближайший период упорная борьба за Советы». (*Д. Мануильский*. «О новой политике в деревне и работе на селе». Статья в сборн. по вопр. сел. хозяйства, изд. ЦК КП(б)У. Харьков 1922 г.).

бования знаем. Но мы должны проверить их, свести в экономическую науку все то, что мы знаем об экономических требованиях земледельца» [1].

Поворот к широким массам деревни, или, иными словами, расширение базы смычки, поставленное на очередь дня новой экономической политикой, вытекало также из реального соотношения сил в деревне: кризис крестьянского хозяйства привел к тому, что это хозяйство — единоличное, распыленное, натуральное — перестало выполнять свои функции продовольственной сырьевой и экспортной базы: излишков сверх собственного потребления не получалось. Вместе с тем об‘ективный цифровой учет показывал, что 45% излишков, поскольку и пока таковые имелись, падали на дворы с посевом *до 6 десятин*, т.-е. они шли из явно массового источника. «Особенность земледелия Сов. Республики—это господство мелких хозяйств. Излишки хлебов, измеряемые сотнями миллионов пудов, находятся в распыленном состоянии в малых дозах у миллионов крестьянских хозяйств». [2]

Следовательно, поднятие производительных сил во всем массиве крестьянского хозяйства, его стимулирование как к производству, так и к сдаче своей продукции на общегосударственные нужды — сделались содержанием смычки с деревней при новом экономическом курсе. Рассмотрим теперь ее проявления.

3.

Говорить исчерпывающим образом о смычке с деревней при новом курсе экономической политики—это значит, в сущности, рассмотреть всю экономическую политику последних лет, так как соображения о деревне в той или иной степени в нее, в эту политику, приводят. Мы ограничимся только теми моментами рабоче-крестьянских отношений, которые, *во-первых*, имеют определяющее, так сказать фокусное, значение, показывают общую направляющую тенденцию экономической политики, а *во-вторых*, непосредственно затрагивают интересы всей крестьянской массы. Сюда надо отнести: 1) замену разверстки *продналогом* и разрешение свободной торговли продуктами сел. хозяйства, 2) *земельный кодекс* и 3) *кооперацию*.

Эти выделенные нами вехи новой экономической политики мы располагаем в вышеприведенном порядке, ибо каждая из них, как увидим, вносила существенные изменения в условия жизни деревни и в значительной мере служила ступенью для последующей.

Уничтожение *разверстки* и замена ее продовольственным налогом, точно и наперед установленным для каждого отдельного хозяйства, а в связи с этим и право свободного распоряжения излишками своей продукции, было провозглашено декретами от 21 марта и 24 мая 1921 г.

---

[1] См. Стенографический отчет X С‘езда РКП, заседание 15/III 1921 г.

[2] *П. Попов*. «Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с нею республиках». Гос. Изд. 1921 г.

Эти революционные меры по отношению к экономической тактике военного коммунизма были первым поворотом руля по новому курсу. Являясь ответом на острый социально-политический кризис, новые декреты имели ближайшей своей целью разрешить назревший конфликт между городом и деревней. «Нужна, — говорил Ленин на X с‘езде РКП при обсуждении вопроса, — известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина. С‘езд, вступая на этот путь, исправлет систему отношений между пролетариатом и крестьянством» [1]. Начать с того, что размер продовольственного налога должен был быть меньше разверстки. Но указанными политическими соображениями, разумеется, не исчерпывалось значение продналога. Он не только облегчал налоговое обложение крестьянства, но, что не менее важно, он обеспечивал «правильное и спокойное ведение хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами» (п. 1).

Эти черты облегчения, раскрепощения хозяйственной свободы и поощрения старательных хозяев были продолжены в дальнейшем налоговом советском законодательстве. Декретом ВЦИК о едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства на 1922 — 1923 г. [2] весь пестрый список сельско-хозяйственных продуктов обложения заменялся несколькими основными продуктами и выражался в единой весовой мере—ржаной единице (пуда ржи или пшеницы). При этом размер налога исчислялся с более точным учетом платежных сил двора. Для следующего 1923—1924 сел.-хоз. года налог делался смешанным — натурально-денежным, а с 1924 года исключительно денежным, что давало еще больший простор для хозяйственной инициативы земледельца, приспособления хозяйства к требованиям рынка и т. п.

Положительные хозяйственные результаты этих первых актов новой экономической политики сказались очень скоро в виде пробуждения в крестьянстве массовой тяги к земле, стремления к ее закреплению за собой и лучшему ее использованию.

Навстречу этому первому сдвигу крестьянского хозяйства пошло новое аграрное законодательство. На 3-ей сессии ВЦИК IX созыва, 22/V 1922 г. принят основной *закон о трудовом землепользовании*, а на следующей, 4-ой, сессии принято постановление о введении в действие *земельного кодекса* [3]. Последний сводит воедино все земельное законодательство Республики, переработав его согласно с новыми условиями жизни и с исходными принципами новой экономической политики. Действительно, закон о социализации земли с дополнившим его положением о социалистическом землеустройстве не мог уже соответство-

---

[1] Из речи Ленина на Всер. X с‘езде РКП, заседание 15/III—1921 г.

[2] Опубликов. 18/III 1921 г. в «Известиях ВЦИК», № 63.

[3] См. Земельный Кодекс РСФСР, официальное издание. М. «Новая Деревня», 1923 г.

вать ни новым общим экономическим отношениям, ни запросам крестьянства: он устарел. Если даже не забираться глубже, к самым источникам социализации земли в недрах старых, дореволюционных исканий крестьянства, а вести его начало от крестьянских наказов на Крестьянском С'езде в мае 1917 г.,— социализация земли насчитывала уже пять лет—революционных, творческих, достаточно изменивших лицо деревни. Это обстоятельство должно было быть учтено при создании Кодекса. Уже в своих основных положениях кодекс подчеркивает классовый момент: он говорит о «ясно выраженной революционной воле рабочих и крестьян» (ст. 1) и о «собственности рабоче-крестьянского государства» на все земли в пределах РСФСР, в чьем бы ведении они ни находились» (ст. 2). Этими пунктами—земельное законодательство—национализация земли приводится в соответствие с общей конструкцией рабоче-крестьянской советской власти, которая, в лице своего НКЗ, получала право распоряжения всей землей или непосредственно, или передачей в соответствующее использование.

В другой своей части — о трудовом землепользовании — земельный кодекс сводит в систему экономические требования крестьянства, идущие в направлении развития производительных сил, выявленных поступательным ходом революции. В качестве одного из отрицальных условий для правильного ведения хозяйства, а следовательно одного из источников, питавших сельскохозяйственный кризис, мы уже указывали на непрестанные общие переделы земли. Самостийные общие переделы в 1918—1919 г.г., в целях освоения земель нетрудового фонда, а затем в связи с социалистическим землеустройством, вполне отвечали тем поравнительным устремлениям, с которыми крестьянская масса ринулась в революцию и социально-экономической политике рабоче-крестьянской власти при военном коммунизме. Однако, по мере того, как цели поравнения—в пределах волостных границ—достигались, уравненная в посевном отношении середняцкая масса стала все настоятельнее чувствовать потребность в организации хозяйства. Сначала это парализовалось условиями военного времени и связанными с ним общей разрухой и стеснениями хозяйственной инициативы. Но после того, как первые декреты новой экономической политики стали на путь поощрения свободного хозяйственного почина, эти стремления *закрепить за собою* результаты поравнения встают во весь рост и имеют за собой именно наиболее старательные хозяйственные дворы. Земельное законодательство идет ему навстречу.

Во-первых, право на землю, предоставляемое в трудовое пользование, согласно Кодексу, может быть прекращаемо лишь в строго установленных законом случаях, при чем «из'ятия» для государственных либо общественных надобностей сопровождаются отводом земли в другом месте с возмещением убытков землепользователям (ст. 18—23 зем. кодекса).

Во-вторых, в обществах с общинным порядком землепользования переделы пахотных угодий ограничиваются сроком, потребным для трехкратного проведения принятого в обществе севооборота, т.-е. самое малое—9-летним сроком [1] (ст. 121 з. к.). На-ряду с этим земельный кодекс становится на почву *свободного выбора форм землепользования* (ст. 9). Он разрешает противоречивое положение между законом о социализации земли, допускавшим свободный выбор форм землепользования (с установлением, правда, первоочередности наделения для коллективных землепользователей и обещания им «всяческого содействия») и положением о социалистическом землеустройстве, которое смотрело на индивидуальное хозяйство как на преходящее и в основу землеустройства клало «стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Сов. Республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда» [2].

«Нам нужно, — говорил Ленин на X С'езде РКП, — строить нашу государственную экономическую политику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать... Основное—чтоб был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу».

Однако и устойчивость землепользования и свободный выбор его формы были бы недостижимы, если б земельное законодательство одновременно не выдвинуло и не разрешило в подкрепление им еще двух вопросов: *о трудовой аренде* земли и о *вспомогательном труде* в трудовых земледельческих хозяйствах. Первое — всякая аренда, как частичная передача прав на пользование своим участком земли, самым категорическим образом запрещалась основным законом о земле (см. раздел XI). Относительно *найма* имелось такое же запрещение. Благодаря этому хозяйства, начинающие или временно испытывающие несоответствие между рабочей силой и наделом, попадали в безвыходное положение [3].

Временная невозможность вести хозяйство совершенно могла выбить такие хозяйства из рядов. Для таких временно-ослабленных хозяйств, а также в случае временной отлучки для общественной службы по выборам и других переходящих условий, установленных в законе, земельный кодекс допускает сдачу в аренду на срок, не превышающий одного севооборота (ст. 29).

---

[1] Зем. кодекс подтверждает этим декрет СНК от 30/IV 1920 г., постановление ВЦИК VIII созыва от 28/III 1921 г. и еще позднее постановление Всеросс. IX С'езда Советов.

[2] См. положение о социалистич. землеустройстве, ст. 4, и декрет об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства.

[3] Если не считать туманно сформулированных в основном законе о земле ст. 47—49 «о перерыве в правах лиц, пользующихся землей». В названных статьях говорится об организации общественной помощи этим хозяйствам или «помощь труда, оплачиваемого государством»..

в исключительных и также предусмотренных законом случаях и в качестве временной меры новое земельное законодательство разрешает пользование и наемным трудом, при том непременном условии, что «все наличные трудоспособные члены хозяйства наравне с наемными рабочими принимают участие в хозяйстве». (Ст. 39—46 зем. код.).

Перечисленные выше мероприятия новой экономической политики, направленные на пробуждение хозяйственного почина — отмена разверстки и разрешение обмена, свободный выбор формы землепользования, его устойчивость, возможность путем аренды или найма восстанавливать соответствие между размером надела и рабочим составом семьи — все это благоприятно отразилось на крестьянском хозяйстве уже в 1921—22 хозяйственном году. Сокращение посевных площадей делается не столь стремительным, местами же посевы даже увеличиваются; промышленные культуры проявляют тенденцию к возрастанию. На-ряду с этим растет и стремление к единоличному хозяйству, сопровождаемое ростом товарности и социально-экономической диференциацией деревни [1]. Но, поскольку новая экономическая политика является экономикой временной, переходной от капитализма к социалистическому строю общества, постольку преодоление кризиса, восстановление крестьянского хозяйства, его рационализация не были самоцелью, а лишь необходимой предпосылкой будущего.

Новый экономический курс ориентируется на исчезновение классов, на подчинение мелкого производителя общественному плановому хозяйству и в своих методах не отказывался от классового подхода к крестьянской массе.

Все это разрешается *кооперацией*, которая поэтому в новых условиях делается основным методом социалистического строительства [2] и классовой смычки города с деревней.

В период военного коммунизма кооперация в прежнем до-советском понимании этого слова, как об'единение мелких товаропроизводителей в целях борьбы с эксплуатацией крупного капитала, перестала существовать. В экономическом строе централизованного натурального пролетарского хозяйства кооперации силою вещей была отведена большая, но подчиненная роль главного распределительного органа, тесно связанного с системой

---

[1] См. Отчеты Губ. и Обл. Экономич. Совещаний за 1921—22—23 г.г. См. также доклад И. Теодоровича на IV Всем. Конгрессе Коминтерна (ноябрь 1922 г.).

[2] Мы считаем поэтому не вполне правильной постановку вопроса т. Качинского, когда он говорит: «Таким образом, начиная с 1921 года советская аграрная политика перестала ставить перед собой две трудно разрешимых одновременно в современных условиях задачи: обобществления сел.-хозяйства и поднятия его производительности. Первая из этих задач была *оставлена*, и все внимание сосредоточено на второй, которая стала основной и *единственной* задачей строительства в сел. хозяйстве». (См. *В. Качинский.* Очерки аграрной революции на Украине. Вып. II. Харьков. 1923 г. (Курс. наш).

снабжения Наркомпрода [1]. Что касается до сел.-хозяйственной кооперации, то в начале 1920 года она была сведена до степени с.-х. секций при Центр. Союзе потребительской кооперации [2]. Поэтому, когда в связи с переходом к новому курсу экономической политики, на кооперацию целым рядом декретов [3] были возложены новые *самостоятельные* задачи и когда, в частности, перед кооперацией сельско-хозяйственной встали грандиозные перспективы кооперативного строительства деревни, кооперация оказалась неподготовленной. С ее стороны потребовалась серьезная подготовительная работа по самоорганизации, собиранию денежных и товарных ресурсов, опытного персонала,—короче говоря, по приспособлению к новой обстановке. Не удивительно, если кооперации только постепенно удавалось и, можно, сказать, удается преодолевать все технические и организационные трудности. Последним штрихом, которым определялась роль кооперации, был короткий, но решительный декрет от 28 декабря 1923 года, которым были заложены основы добровольного членства в потребительской кооперации [4]. И наконец только к 1924 году рельефно стало выступать грандиозное и решающее значение кооперативного строительства в рамках новой экономической политики, то, о чем писал Ленин в одной из своих последних статей. «Кооперация, — писал он, — в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом» [5].

В самых общих чертах отметим роль кооперативного строительства, как проявления смычки с деревней в настоящее время:

а) Сельско-хозяйственная кооперация — необходимое условие для прочного развития производительных сил деревни, рационализации и технического оборудования крестьянского хозяйства, ибо при настоящих условиях, только при *само*помощи и *взаимо*помощи и при неустанной *само*деятельности может наше разоренное крестьянское хозяйство получить необходимые материальные средства для своего развития.

б) Об'единяя всю массу распыленных мелких производителей, кооперация дает в руки рабоче-крестьянской власти сильный рычаг для экономического и организационного воздействия на сельское хозяйство: в смысле его вовлечения в общий народнохозяйственный план, поддержки маломощных и пролетарских его слоев против кабальных форм кулацкой эксплуатации, а также укрепления кооперативной сети, как посредника, как

---

[1] Декрет от 20 марта 1919 г. о «Единой Потребительской Коммуне».

[2] Декрет от 27 января 1920 года об об'единении всех видов кооперации—ЕПО.

[3] От мая 1921 г. по февраль 1922 г. См. *Л. И. Павлоцкий*. «Русское кооперативное законодательство». Изд. Центросоюза. М. 1924.

[4] В сел.-хозяйственной кооперации принцип добровольчества был заложен при ее зарождении.

[5] *Ленин*. «О кооперации» (23 янв. 1923 г.).

необходимого звена между госпромышленностью и массовым крестьянским хозяйством и рынком.

в) Наконец, сел.-хозяйственная кооперация является единственным массовым фактором социалистического строительства в деревне, переработки мелкособственнической организации и навыков крестьянского хозяйства, медленного, на почве экономических интересов, перевоспитания крестьянства. «При условии полного кооперирования, — писал Ленин в уже цитированной нами статье,—мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве».

Исходя из всех указанных соображений, III и IV Всем. Конгрессы Коминтерна рекомендуют коммунистическим партиям капиталистических стран обеспечить свое идейное и организационное влияние на кооперацию теперь же, еще до завоевания власти, чтобы затем, после победы, иметь уже подготовленные кадры работников и готовую организацию для выполнения хозяйственных задач революции, а еще позже—для построения коммунистического общества [1].

К вопросу о кооперации, а именно к ее связующей и социализирующей роли в условиях переходного времени, мы еще вернемся ниже, когда будем говорить о рабоче-крестьянском союзе *в настоящее время* и ее перспективах.

4.

Каковы же особенности смычки с деревней за первые 3 года новой экономической политики?

1. Смычка—в этот период истории—есть длительный, *экономический* по преимуществу, союз между пролетариатом и крестьянством, в отличие от революционного, военного и политического договора, каким она была при свержении царизма и первых четырех последующих лет. Именно постановка вопроса о смычке с деревней во всей ее экономической сущности и является характерной особенностью нового экономического переходного к социализму строя.

«Нет иного выхода из положения,—говорит Ленин в 1921 г.,— как прочный союз крестьянства и рабочего класса... Этот союз политический и военный мы испытали в самые тяжелые годы нашей республики. Первый раз в 1921 году переживаем мы этот союз, как экономический.

---

[1] См. тезисы «о задачах революционной кооперации», принятые III Конгрессом Комм. Интернационала 10/VII 1921 г. и доклад т. Мещерякова «по кооперативному вопросу на IV Конгрессе Комм. Интернационала 25/XI 1922 г., а также прения по докладу.

В прениях некоторые их участники перегибали палку, говоря, что современное овладение кооперацией даст возможность после завоевания власти избежать период нэп'а.

Та задача, которую мы решаем в этом году и которую мы так плохо до сих пор решали, — соединение рабочих и крестьян *в прочный* экономический союз даже в обстановке наибольшей нищеты и разорения,—поставлена нами теперь правильно... и это задача не только русская, но и мировая“ [1]. (Курсив наш).

Согласование революционно-классовой позиции пролетариата с хозяйственно-экономическими интересами деревни, которое лежит в основе советского строя, и которое затемнялось в период острой гражданской войны другими, попутными соображениями, теперь, при новой экономической политике, выступает во весь свой рост.

Советский строй—переходный строй, направленный к полному уничтожению классов, к социалистическому строю общества, является, однако, сам классовой диктатурой трудящихся, с пролетариатом в авангарде и с массивом из трудового крестьянства. И поскольку это так, постольку сила сцепления между трудовыми классами есть первое условие прочности пролетарской диктатуры.

Поэтому-то, уже в ноябре 1917 года, в острый критический момент, когда классовые отношения пролетариата только еще складывались, на Чрезвычайном Крестьянском С'езде В. И. Ленин четко поставил этот вопрос. Он подчеркивал тот факт, что «коренного расхождения наемных рабочих с интересами трудового эксплуатируемого крестьянства *нет*, что социализм и только социализм может удовлетворить тех и других [2] и т. п. А через 6 слишком лет в одной из своих последних статей в январе 1923 г. Ленин снова возвращается к тому же вопросу и формулирует его еще более отчетливо: «В нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов — рабочих и крестьян»... «Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, раскол неизбежен, но в нашем социальном строе *не заложены с необходимостью основания такого* раскола» [3]. (Курс. наш).

---

[1] Из речи Ленина на 9-м Всер. С'езде Советов (дек. 1921 г.).

[2] Речь Ленина на Чрезв. Крестьянском С'езде 18 ноября 1917 г.

[3] Ст. Ленина от 23 янв. 1923 г. («Как нам реорганизовать Рабкрин»).

Каким-то анахронизмом звучат рассуждения С. М. Дубровского по данному вопросу, когда он говорит о борьбе двух начал: «предсоциалистического города и предкапиталистической деревни», которые, по его словам, «составляют подпочву всей истории революции» (т.-е. первого пятилетия советского строя. *Е. Ф.*) «Ясно,—говорит он,—что эта победа (октябрьская революция—*Е. Ф.*) неизбежно должна была явиться поражением одного из победивших классов. Лишь только пролетариат, по ходячему выражению, от борьбы за свободу пойдет к борьбе за социализм, как он *вступит в конфликт с крестьянством,* как классом мелких товарных производителей». (См. *С. М. Дубровский.* «Очерки русской революции». Вып. I. Изд. «Нов. Деревни» 1923 г. (Курс. наш).

И в другом месте: «С победой над помещиками и захватом их земель многие из деревенских пролетариев окрестьянились и тем самым *умерли для пролетарской революции и социализма*». Русские сел.-хоз. рабочие нахо-

И если за время завоевания власти и ее отстаивания с оружием в руках возможны и обязательны были временные уступки в экономической области — в виде принятия пролетариатом чуждой ему земельной программы, в виде подчинения крестьянства чуждой ему экономике «военного коммунизма,—то с 1921 г., с момента переустройства взаимных отношений «всерьез и надолго», установление действительного экономического равновесия между классами - союзниками сделалось условием жизни республики.

Экономический союз, каким являются взаимоотношения рабочего класса и крестьянства в переживаемый нами фазис диктатуры пролетариата, имеет своей перспективой построение основ социалистического общества, а ближайшей целью — подведение прочного экономического фундамента под советский строй.

«Как только отпал факт войны,—писал т. Бухарин в 1921 г.— чисто экономические противоречия должны были обостриться до крайности... На очередь стали проблемы хозяйства, развития производительных сил... Правильное соотношение между пролетариатом и крестьянством в экономике, такое соотношение, которое давало бы простор развитию производительных сил, стало в порядке дня со всей остротой» [1].

Смычка с деревней—все ее конкретные проявления—и должна была *всколыхнуть* все производственные силы трудящихся и, *об'единяя* их в рамках свободного кооперирования, *подчинять* их постепенно плановому началу социалистического государства.

«Нэп, — говорил т. Богданов на X Всер. С'езде Советов, — это не случайный эпизод в нашей революционной борьбе... Это есть определенный процесс — процесс, который будет длиться в течение большого периода, процесс, неизбежный и нужный для укрепления нашего хозяйства и промышленности, чтобы потом безболезненно перейти к социализму» [2].

Отсюда, из этих громоздких хозяйственных задач с необходимостью вытекает, прежде всего, *длительность* союза, его осуществление в глубине производственных отношений «*через хозяйство*», его *широкая база*, его *осторожные методы*.

«Тут-то,—по словам Ленина,—работа целых десятилетий... Ее нельзя вести тем темпом, с той быстротой и в тех условиях,

---

дились во власти мелкобуржуазной стихии и значительная часть их, добившись осуществления цитированного требования (социализации земли *Е. Ф.*), превратились в *мелких хозяйчиков*. (См. «Сельское и Лесное Хоз-во» №№ 11—12 и 13—14 за 1923 г., ст. С. М. Дубровского).

Это — поистине мрачные перспективы, в особенности если принять их в мировом масштабе.

[1] См. ст. *Бухарина* в Сборн. «Новый курс эконом. политики. Изд. ЦК КП (б) У. Харьков, 1922 г.

[2] Доклад т. *Богданова* о промышленности на X Всер. С'езде Советов в декабре, 1922 г.

в которых мы вели военную работу» [1]. «Мы были и остались страной мелкокрестьянской, и переход к коммунизму нам неизмеримо труднее, чем при всяких других условиях... Нужно участие самих крестьян в 10 раз больше, чем в войне... Наша страна, крестьянская, истощенная войной, должна мобилизовать поголовно все мужское и женское население рабочих и крестьян» [2]. Смычка с деревней, направленная на развитие производительных сил, на поднятие товарности и покупательной силы крестьянского хозяйства, на его кооперирование, предполагает и новый подход к деревне. По постановлению XI с'езда партии, весной 1922 г. работа в деревне «должна быть направлена преимущественно в сторону хозяйственно-организационную и культурно-просветительную взамен предлагаемого ранее административно-принудительного и политически-агитационного подхода» [3]. В свою очередь резолюция пленума Центр. Ком. Ком. Партии (б) Украины (в мае 1922 г.) предписывает «перенесение, в области работы в деревне, внимания партии с чисто-агитационно-пропагандистских методов в плоскость организационно-целевого подхода к крестьянству в целях закрепления на практическом деле союза пролетариата и его партии с широкими крестьянскими массами» [4].

И, действительно, все выше нами рассмотренные проявления смычки с деревней диктовались именно этим желанием подойти к крестьянству на почве его ближайших потребностей, через его хозяйство, а на это последнее воздействовать преимущественно, — можно даже сказать исключительно, — путем чисто-экономических двигателей—как земельное, налоговое и кооперативное законодательство.

Ниже мы еще вернемся к вопросу о смычке с деревней при несколько измененной общеэкономической и политической кон'юнктуре, а пока заканчиваем ее общим определением.

Смычка с деревней в рассмотренном нами первом фазисе новой экономической политики—есть экономический длительный союз пролетариата с широкими трудовыми крестьянскими массами, союз «на практическом деле», который в перспективе имеет социалистическое бесклассовое общество, а в ближайший переходный период устанавливает равновесие между господпромышленностью и сельским хозяйством, ведет к укреплению хозяйственных связей между городом и деревней и идейной солидарности пролетариата и крестьянства.

— — —

[1] Из речи *Ленина* на IX Всер. С'езде Советов (дек. 1921 г.).

[2] Из речи *Ленина* на VIII Всер. С'езде Советов (дек. 1919 г).

[3] См. п. 7. Постановления о работе в деревне, принятого XI с'ездом РКП (март—апрель 1922 г.).

[4] См. п. 4. Резолюции пленума ЦК КП(б) Украины 15 мая 1922 г.

ОЧЕРК ПЯТЫЙ.

Первые итоги новой экономической политики и лозунг «лицом к деревне».

1. Хозяйственно-политический под'ем деревни: увязка промышленного развития с крестьянским рынком, социально-экономическое расслоение деревни, рост политической активности крестьянства. — 2. Лозунг «лицом к деревне». Его содержание: знать нужды и запросы деревни и итти к ним навстречу; втягивать крестьянство в советское строительство; организовывать трудовые слои деревни. Перестраивать крестьянское хозяйство по пути к социалистическому строю.

Взаимные отношения рабочего класса и крестьянства определились в основе своей на длительный период вместе с переходом к новой экономической политике. В области хозяйственно-экономической—это смычка между национализированной промышленностью к крестьянским хозяйством, а по линии социально-политической—рабоче-крестьянское правительство.

Но меняется обстановка в результате трех лет мирного экономического строительства, и тот и другой из союзников входят в общественную жизнь несколько «видоизмененными», с новым опытом и новыми взаимными запросами. В этом смысле и возможно говорить о классовых отношениях пролетариата и крестьянства *в настоящее время,* о «новых» задачах смычки и ее проявлениях. Исходной точкой для этого второго фазиса новой экономической политики мы берем 2-ой Всесоюзный С'езд Советов и XIII с'езд партии, т.-е. начало 1924 года.

«Трезво учесть создавшееся положение, использовать все наши достижения и на основе этого уверенно продвигаться к своей цели, все более и более укрепляя союз между рабочим классом и крестьянством» [1], — так на XIII партийном с'езде определял т. Калинин очередные задачи советской власти в области работы в деревне. В этой новой формулировке старой проблемы смычки с деревней, легшей в основу принятой с'ездом резолюции, нам хочется подчеркнуть прежде всего самую реальную возможность «использовать все наши достижения» и самое наличие этих «достижений». Действительно, новая экономическая

[1] Стенографический отчет XIII с'езда РКП (б), доклад т. Калинина.

политика впервые, так сказать, прощупала направление хозяйственной эволюции деревни в условиях диктатуры пролетариата и уложила эту эволюцию в определенное народно-хозяйственное русло при помощи своего земельного, налогового и кооперативного законодательства. Поэтому-то и достижения этого первого, истекшего уже фазиса новой экономической политики дают первые и уже твердые основания для проверки и закрепления классовых отношений рабочего класса и крестьянства в переходный к социализму период.

Каковы же эти первые итоги новой экономической политики?

Напомним, что последняя зародилась в условиях хозяйственного и социально-политического кризиса деревни, нивелированной и приведенной к натуральному хозяйству, к голодному самообслуживанию.

Деревня встала на путь хозяйственного под‘ема и направилась к восстановлению крестьянского хозяйства [1]. Об этом говорит и учет основных элементов сельского хозяйства и характеристика этого последнего по существу.

Посевная площадь СССР, достигшая к 1922 году своего минимума (67,8 милл. дес.), за два последующие года поднимается и доходит в 1924 году до $^4/_5$ своего довоенного уровня (87,0 милл. дес.). При этом коэффициент прироста заметно колеблется и по районам и по годам, в связи с местными условиями—природными и экономическими. В районе потребляющем, не столь глубоко пораженным за годы войны, прирост посевов имеется уже с 1921 года; наоборот, в Кирреспублике увеличение посевной площади обнаруживается лишь в 1924 году.

Количество скота также растет начиная с 1924 года, что особенно сказалось на мелком скоте, в частности на восстановлении скотоводства. Что же касается до коневодства, то его восстановление шло едва заметным темпом (за 2 года прирост достиг только 2 милл. голов), особенно в группе рабочих лошадей [2].

Насколько можно судить об этом из последних сельско-хозяйственных переписей и бюджетных обследований, несколько возрастает обеспеченность деревни плугами, наблюдается и некото-

---

[1] Точная количественная оценка этого восстановительного процесса в крестьянском хозяйстве, благодаря техническим трудностям учета и косвенным методам исчисления, показывает упорный разнобой (между Центр. Стат. Управлением, Наркомземом, Госпланом и работами отдельных исследователей); но по оценке общих тенденций развития сколько-нибудь серьезных разногласий нет.

[2] Неизжитый еще недостаток тяговой силы хорошо иллюстрируется средней нагрузкой на единицу рабочей силы по годам: в 1916 году 3,3 дес., в 1922 г. — 3,2 дес.. в 1923 г., — 3,9 дес., в 1924 г. — 4,3 дес.

рое накопление капитала в постройках и инвентаре. Этот количественный рост главных элементов хозяйства—посевов, скота, а в некоторых хозяйственных группах и инвентаря и общего капитала, сопровождался внутренним хозяйственно-экономическим переустройством крестьянского хозяйства, что видно при рассмотрении строения дохода от сельского хозяйства и пропорции культур по отдельным районам Союза. Уже самый факт растущей специализации районов — на экстенсивно-зерновой, животноводственный, технических культур—свидетельствует об оздоровлении крестьянского хозяйства, его гибкости, приспособляемости к природным, рыночным и другим условиям. Но особенно обнадеживающим является анализ сельско-хозяйственной продукции со стороны относительной роли в ней тех или других культур. Рост трудоемких культур, как например лен и картофель, за счет зерновых хлебов, быстрое восстановление технических и промышленных растений—хлопка, табака, сахарной свеклы,—говорит наглядно об успехах многополья, об интенсификации земледелия, о денатурализации хозяйства, о растущем воздействии рынка. Все это подтверждается и изменениями в составе сельско-хозяйственного дохода за последние годы: абсолютным ростом доходов от животноводства, интенсивных культур и специальных отраслей крестьянского хозяйства при повышении их удельного веса в общей сумме сельско-хозяйственного дохода [1].

Однако выдвинутое новым экономическим курсом на первый план развитие производительных сил сельского хозяйства не было самодовлеющей целью. Успехи на сельско-хозяйственном фронте должны были постоянно проверяться под углом зрения общих экономических перспектив и общей социально-политической тактики пролетарской диктатуры. Проблемы продовольственная, сырьевая, экспортная и др., осуществляемые в ходе хозяйственного развития, являются только отдельными предпосылками одной основной проблемы—базирования госпромышленности и равновесия между нею и сельским хозяйством. В конечном счете все они упираются в вопрос о крестьянском рынке на продукты городской промышленности, его емкости, о платежеспособности деревни, короче говоря—на вопрос об увязке промышленного развития с крестьянским хозяйством, о смычке города и деревни.

---

[1] Фактические данные для характеристики первых успехов крестьянского хозяйства при новой экономической политике мы заимствуем из следующих источников: *П. П. Попов.* «Экономический под'ем деревни». (Пр. 7 ноября 1924 г.). *В. А. Ревякин.* «Сельское хозяйство в 1923—1924 г.г.». («Соц. Хозяйство», кн. V, за 1924 г.), *А. Л. Вайнштейн.* «Итоги, основные тенденции и кон'юнктура народного хозяйства в СССР в 1923—1924 г.г.». («Соц. Хоз.», кн. V, 1924 г.). *М. Градов.* Обзор мероприятий по сельскому хозяйству в СССР в 1924 году». (На аграрном фронте, № 1, 1925 г. и друг.).

В этом отношении критическим пунктом и была осень 1923 года, когда и начавшийся уже сдвиг сельского хозяйства и быстрое развертывание промышленности, т. е. два несомненных плюса, дали в результате один серьезный и опасный минус в лице столь нашумевших «ножниц». Ближайшей причиной этого исключительного по своей силе кризиса сбыта было резкое несоответствие между стремительным восстановлением промышленности за счет преувеличенных прибылей и приподнятых продажных цен и острым, наоборот, падением хлебных цен и полным ослаблением покупательной способности крестьянства в связи с падающей валютой и отсутствием экспорта [1]. Только принятие решительных мер дало возможность в течение одного хозяйственного года радикально изменить положение. Денежная реформа, экспорт хлеба, повышение хлебных цен, с одной стороны, и с другой—снижение норм прибыли, понижение цен на продукцию промышленности и дальнейшее их регулирование—позволили значительно сомкнуть лезвия «ножниц» уже к осени 1924 года. Правда, соотношение цен, будучи очень пестрым, тогда еще не достигло довоенного уровня, а для некоторых продуктов (напр. соли, продолжало быть угрожающим), но в общем и целом кризис сбыта был изжит, ибо платежеспособный спрос деревни (благодаря избавлению крестьянства от потери на падающей валюте, более высоким хлебным ценам и более низкой расценке промышленных товаров) стал превышать предложение промышленных изделий, несмотря на одновременное возрастание промышленной продукции [2]. Появились даже признаки под'ема общего благосостояния крестьянства, хотя и в очень скромных размерах.

Чтобы закончить общую экономическую характеристику деревни после первых трех лет нового экономического курса, надо коснуться еще двух тесно связанных между собой вопросов: общих *размеров* годовой *сельско-хозяйственной* продукции и *урожайности.*

Дело в том, что на фоне положительных хозяйственных результатов первого фазиса новой экономической политики особенно бросаются в глаза низкие урожаи хлебов и в связи с тем незначительный (всего в несколько $^0/_0{}^0/_0$) прирост сельско-хозяйственной продукции, а для последних—1924 и 1925 годов—даже ее снижение. До известной степени колебания урожаев, периодические неурожаи, особенно в засушливых районах, явление для России обычное, «бытовое». Вполне естественно также, что

[1] См. революцию ЦК партии «Об очередных задачах экономической политики, принятую Политбюро 25 декабря 1923 г. (Пр. 28 декабря 1923 г.).

[2] См. *М. Бронский.* «Вопросы экономической политики». (Гос. Изд. 1924 г.). *Г. Крумин.* «Под знаком роста и укрепления» (Моск. «Эк. Ж». 1925 г., доклад т. *Каменева*: «Итоги годовой работы ЦК» на XIII Моск. Губ. Парт. конференции, доклад т. *Куйбышева* на пленуме ЦКК (Пр. 4 октября 1924 г.) и др.

общий под‘ем сельского хозяйства *не успел* еще сказаться во всем своем об‘еме. Но этим еще не все об‘ясняется. Перед нашими глазами стоит факт чрезвычайной пестроты урожаев за последние годы.

Урожаи на опытных станциях в пострадавших от засухи районах в несколько раз, а иногда *в 10 раз* выше, чем на соседних крестьянских землях. Да и на этих последних колебания очень значительны. Многочисленные фактические подтверждения этому приводит т. Рыков в своем докладе на пленуме ЦК РКП (б), ссылаясь на справку Народного Комиссариата Земледелия. «На-ряду с выгоревшими совершенно крестьянскими хозяйствами,—говорит он,—есть хозяйства, которые кое-что дали, во всяком случае дали достаточно, чтобы пережить год без голода». «Эти данные,—заключает он,—чрезвычайно важны. Они означают, что, кроме мелиорации, в условиях настоящего года оказались и другие пути для обеспечения урожая. Они состоят в *лучшей организации крестьянского хозяйства, в другой организации землеустройства»* [1]. В то же время доклады с мест на всесоюзном совещании колхозов—в марте 1925 года свидетельствуют о том, что в коллективных хозяйствах в 1923—1924 сельско-хозяйственном году урожайность была много выше, а в отдельных случаях на 95% выше, чем у окрестного единоличного крестьянского хозяйства. При этом в некоторых охваченных засухой районах (Донецкий округ), где у крестьян погибло до 75% посевов, у колхозов погибло лишь до 25% [2]. Отмеченное противоречие между несомненными восстановительными тенденциями сельского хозяйства в целом, вернее *в среднем,* и задерживающим и парализующим эффектом фактора урожайности может быть выяснено только при более детальном рассмотрении крестьянского хозяйства по социальным его группам, т.-е. при классовом его анализе. Это приводит нас к вопросу о расслоении деревни в связи с нэпом.

Новая экономическая политика, давая крестьянству стимул к расширению производства и к рыночному обмену, вызвала, как мы видим, хозяйственный под‘ем деревни; вместе с тем, поскольку, на основе товарности, сделалось возможным частнокапиталистическое накопление, постольку деревня стала расслаиваться на хозяйственные группы, с противоположными экономическими интересами и неоднородной общественно-политической идеологией. Уже в самом исходном пункте этого процесса расслоения были в значительной мере предопределены и его общие рамки и его характерные черты.

---

[1] Из докл. т. *Рыкова* «О неурожае и хлебоэкспорте» на пленуме ЦК РКП (б) (см. Междунар. и внутр. положение СССР—материалы из докладов, изд. ЦК, 1924 г.).

[2] *В. Милютин.* «Как пробивают себе дорогу колхозы». («Пр.» 15 марта 1925 г., № 61).

При аграрном законодательстве революции, с его уничтожением частной собственности на землю, трудовыми ограничениями в вопросах аренды и найма, при всей сельско-хозяйственной политике советской власти (землеустроительной, налоговой, кредитной, кооперативной) и при значительной нивелировке деревни и ее общем упадке—при всех этих условиях деревенский нэп не мог пойти по линии быстрой и откровенной концентрации земель предпринимательского хозяйства, найма рабочей силы. Диференциация крестьянства могла развертываться только очень сдержанным темпом, преодолевая общее хозяйственное разорение, проходя все стадии первоначального накопления, принимая, чаще всего, скрытые формы и идя не по линии земли и капиталистического крестьянского хозяйства.

Правда, уже к 1924 году эти скрытые формы делаются явными. «Земля,—по выражению т. Я. Яковлева,—выступает как серьезный фактор процесса расслоения деревни», «ибо учащаются случаи, когда, в обход закона, земля из года в год исполу сдается одними и теми же крестьянами» [1]. Но, *во-первых*, все-таки расслоение по земле, вернее, по посеву еще тонет на общем фоне других видов эксплуатации, и *во-вторых*, если расслоение идет *по посеву*, то последний играет совершенно не ту роль, как в дореволюционной диференциации: нет ни превращения крестьянской буржуазии в маленького помещика, ни использования *своей* земли для кабальной аренды, ни посреднических спекулянтских сделок по посреднической аренде. Можно сказать, что наоборот, в положение эксплуатируемого попадает сдатчик земли.

Вопросу о расслоении крестьянства посвящено не мало исследований за эти годы. Количественные размеры процесса, благодаря его медленности, пестроте, скрытым формам и запутанности, оцениваются различно, но общий тон его достаточно выяснился. «Углубление классовых противоречий в деревне,—заключает А. И. Хрящева на основании солидного статистического материала,—идет теперь преимущественно через ростовщическое использование скота, инвентаря, кредита, замаскированного батрачества и т. д.» [2]. Данные детального монографического описания нескольких типичных волостей, использованные Я. Яковлевым, также подтверждают, что ближайшей экономической основой расслоения деревни служит наличие огромной массы крестьян, которые получили землю, которым некуда уйти от земли и которые при этом не имеют соответствующих прочих средств производства [3]. Уже в 1920 году, по данным переписи по РСФСР, до 20% крестьянских хозяйств с посевом не имели

[1] *Я. Яковлев.* «Наша деревня». Изд. «Красная Новь», 1924 г.

[2] *А. И. Хрящева.* «Группы и классы в крестьянстве» (к XIII с'езду РКП (б). Изд. ЦСУ. 1924 г.

[3] *Я. Яковлев.* «Наша деревня». Изд. «Кр. Новь», 1924 г.

скота. В дальнейшем эта потеря тяговой силы должна была возрастать, так как маломощники в судорожной борьбе за существование все-таки теряли и тот живой и мертвый инвентарь, какой имели.

В 1923 году из областных хозяйств по СССР Наркомфин насчитывает 17,14% вполне бесскотных, обеспеченных посевом в среднем по 4 десятины на одно хозяйство [1]. Сюда следует добавить малопосевщиков, не внесенных в списки облагаемых, а также хозяйства, имеющие только коров или только мелкий скот. Ясно, что такие без'инвентарные посевщики способны использовать свой надел только ценой крайнего закабаления, если их не выручит кооперация, товарищеское об'единение, своевременный кредит или какая-либо случайная комбинация.

«Конечно, — пишет т. Яковлев, — эти безлошадные, без'инвентарные и наполовину бескоровные хозяйства, имеющие одну землю, даже при той нечеловеческой энергии, которую они проявляют для того, чтобы сохранить себя, являются обреченными» [2].

Другими словами, они служат питательной средой для растущего кулачества, для той части крестьянства, которая, по словам т. Яковлева, «обрастает скотом и инвентарем» «за счет использования своего скота и инвентаря, путем сдачи их маломощным и середнякам», восстанавливает или заводит торговые предприятия, мельницы, торгует лошадьми или специализируется на кредите [3].

Такова оборотная сторона медали. Если даже не считать слабых середняков, которые, при недостаточном развитии кооперации, являются кандидатами в бедноту, то «беднота», в ее чистом виде, охватывает больше половины населения и имеет в своих руках до 40% посевов. Условия ее хозяйствования должны играть значительно «понижающую» и «парализующую» роль в общем ходе развития производительных сил деревни. Поэтому XIII с'езд РКП при обосновании своей резолюции о работе в деревне подчеркивает, что «начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные слои крестьянства. На-ряду с ними растет беднота»... [4].

В намечаемых резолюцией практических мероприятиях с'езд выпрямляет хозяйственную и социально-политическую линию развития деревни по руслу советского и социалистического строительства.

* * *

В таких условиях хозяйственного под'ема, денатурализации и классового расслоения стала складываться *новая деревня,*— ее социально-политические запросы, вся ее идеология.

---

[1] «Сельское хозяйство СССР в 1923—1924 году». Изд. НКФ.
[2] *Я. Яковлев.* «Наша деревня».
[3] Там же.
[4] Стенотчет XIII с'езда РКП (б).

Состояние острого брожения и вечных земельных передвижек, с одной стороны, и хозяйственной замкнутости—с другой, характерное для первых лет советского строя, закончилось. Вместе с окончанием гражданской войны и трудовым земельным кодексом крестьянская масса стала приходить в равновесие, отстаиваться в хозяйственно-экономическом смысле, переходить к заботам о налаживании хозяйства. На почве товарного уклада каждая отдельная хозяйствующая ячейка стала все теснее соприкасаться со всей экономикой Советского Союза, а затем и с мировым рынком. Деревня получила толчок к осмысливанию своей *новой жизни*.

Обследование культурного состояния деревни, произведенное Наркомпросом в начале 1924 года и давшее материал для монографического описания семи типичных волостей, обнаруживает в крестьянстве определенные признаки общественного пробуждения. «Жажда знать,—пишет один из обследователей,—подняться над своим двором, над деревенской околицей, расширить горизонты своих личных интересов до интересов общегражданских—эта жажда у крестьян... несомненна и она понятна. Ведь факт отсутствия помещиков, факт перехода всей земли в пользование крестьян теперь, по мере развертывания экономического под'ема, не может не заставлять крестьянина, быть-может даже помимо его воли и желания, связывать свое бытие с советским режимом. Это бытие медленно, но настойчиво, вызывает в нем интерес к советскому режиму, превращая его таким образом *в гражданина* советской страны, судьба которой для него уже не безразлична» [1]. Отсюда интерес к газете и книге, пробуждение политической активности—участие в выборах, в местной общественной жизни. Все это еще очень незначительно, но важно, как первый сдвиг с мертвой точки.

Куда же, в каком направлении двинулась деревня?

Разумеется, что в условиях классовых группировок в крестьянстве и при противоположных в его среде интересах не могла складываться и какая-либо единая общественно-политическая физиономия деревни. Зажиточная, кулацкая, верхушка деревни, для которой советское земельное законодательство и вся сельско-хозяйственная политика закрывали возможность развернуть эксплуатацию односельчан во всю ширь, проявляла максимальную политическую «активность». Она делала это где можно—в форме открытой борьбы и контр-революционной организации, где можно—в виде попыток подкопаться под рабоче-крестьянскую власть изнутри: овладеть командными высотами деревни—сельсоветом, кооперацией и др., получить все выгоды от участия в органах власти (по землеустройству, кредиту, налогам и проч.) и в то же время опорочить эту власть в кре-

---

[1] *В. Енютин.* «Тамбовская деревня». см. «Народное Просвещение» № 4—5, 1924 г.

стьянских массах. На другом же, бедняцком, полюсе деревни, если он не окончательно был запуган кулацким засильем [1], пробивала себе дорогу молодая советская общественность в лице маломощного крестьянина и трудового середняка, которые могут удержать свое хозяйство и поднять его *только* при организованной самодеятельности и помощи советской власти. Доказательством тому являются крестьянские организации—кооперация, кресткомы, рост комсомола в деревне, его активность, развивающееся селькорство, женское делегатское движение и массовая тяга в Коммунистическую партию.

«Тяга в партию в деревне,—пишет т. Хатаевич [2],—сейчас чрезвычайно сильна. В каждой ячейке, даже и в тех, кто не проводит никакой работы в этом направлении, заявления о приеме в партию за последние полгода поступали десятками, а во многих волостях их насчитывается по несколько сот. Эта тяга в партию крестьян является отражением повышающегося стремления все более широких слоев крестьянства к активному участию в общественно - политической жизни и строительстве».

Итак, экономический сдвиг крестьянского хозяйства на основе его товаризации, классовое расслоение деревни и рост политической активности крестьянства, идущие, с одной стороны, в направлении *антисоветском, кулацком, капиталистическом,* а с другой—по руслу *советскому, трудовому, социалистическому*—таковы итоги первых трех лет новой экономической политики.

2.

Как видим, деревня к 1924—1925 годам оказалась на перепутьи. Стихия экономических отношений толкает ее по двум притовоположным руслам. «В хозяйственном развитии деревни,— отмечает XIII с'езд РКП (б),—намечаются две линии развития. Одна линия развития—капиталистическая... Другая линия развития... к социализму. Наличие советской власти, отмена частной собственности на землю, сосредоточение кредита в руках рабоче-крестьянского государства, государственное содействие развитию сельского хозяйства—облегчают развитие сельского хозяйства именно по второму пути» [3]. Этими двумя тенденциями развития деревни в значительной мере определяются и очередные задачи диктатуры пролетариата в области сельского хозяйства на весь ближайший период, и социально-политическая

---

[1] Яркие образчики кулацкого экономического и политического засилья, доходящего до отдачи под суд, кулачной расправы и убийства из-за угла, дают корреспонденции с мест, разоблачения и процессы селькоров, а также материалы по смотру сельских ячеек (См. «Правда», ноябрь—январь 1924—1925 г.г.).

[2] *М. Хатаевич.* «Партия в деревне». («На аграрном фронте», № 2, за 1925 г.).

[3] Стеногр. отчет XIII с'езда РКП (б.), резолюция «О работе в деревне».

обстановка для союза пролетариата и крестьянства. «Главное, к чему теперь в деревне нужно стремиться,—говорил т. Рыков в январе 1925 года,—заключается в том, чтобы стихийный процесс восстановления хозяйства деревни и связанный с этим рост крестьянской активности не пошли мимо нас и против нас... Вся партия и все политпросветработники в деревне должны использовать этот под'ем для того, чтобы направить его по советскому, социалистическому руслу [1].

О том, как осуществляется союз рабочего класса и крестьянства в настоящее время, в новой социально-экономической обстановке, лучше всего скажут конкретные проявления смычки с деревней, в области хозяйственно-организационной, советской, партийной и политико-просветительной: они будут нами рассмотрены ниже. В общем же и целом, новый подход пролетарской власти к крестьянству и общие основания союза характеризуются лозунгом «лицом к деревне». Что же означает этот лозунг?—Он, прежде всего, предполагает *самое бдительное внимание к экономическому развитию деревни*, к ее запросам. Об этом говорит резолюция октябрьского (1924 года) пленума ЦК партии.— «В постановке всей нашей агитации и пропаганды в крестьянских районах, а также в проведении основных общеполитических кампаний, как местные, так и центральные органы (а также и в печати, и в публичных выступлениях) должны стремиться к тому, чтобы соблюдалось действительно бережное и внимательное отношение к запросам, нуждам и настроениям широкой массы крестьянства. [2]. Но для того, чтобы осуществить все это, нужно, в первую очередь, *знать деревню* такою, как она есть. Уже при первом подходе к новой экономической политике Ленин говорил о необходимости «свести в экономическую науку все то, что мы знаем об экономических требованиях земледельца». Особенно остро встает эта потребность сейчас при растущей политической активности крестьянства и при всесторонних и глубоких изменениях, какие испытала деревня в своей хозяйственной и бытовой жизни за годы войны и революции. Новый экономический курс дал деревне сильный толчок и новое направление экономическому ее развитию. Между тем, данные сельско-хозяйственных переписей (с 1916 по 1920 год) или устарели или были ненадежны благодаря обостренному отношению деревени к городу при военном коммунизме. Поэтому особую ценность приобретают позднейшие исследования деревни. Некоторые отчеты губернских и областных экономических совещаний (в 1921—1922 и 1923 годах) давали весьма обстоятельные обзоры жизни своего района за революционные годы: они облекали

[1] Из речи т. Рыкова на всесоюзной конференции по деревенской работе, созв. агитпропом ЦК РКП (б) и Главполитпросветом («Пр.» № 43, 1925 г.).

[2] Раздел IV резолюции». См. № 5—6 «Известий ЦК РКП» от 10/XI—1924 г.

в плоть и кровь и контролировали цифры центральной статистики, отвечая при этом на ряд вопросов злободневного и преходящего характера, которые неуловимы для общей статистики. Ведомственные органы Наркомзема и учет главных элементов крестьянского хозяйства при составлении налоговых списков дополняли картину. Желая, однако, еще более полных сведений о крестьянстве, Комиссия по работе в деревне при ЦК РКП (б) произвела в 1922—23 году при участии местных статистических и партийных сил обследование 9 волостей в типичных сельскохозяйственных районах, плодом которого был ряд социально-экономических монографий [1].

В начале 1924 года Наркомпрос обследовал культурное состояние деревни в 8 типичных волостях, а в начале 1925 года им же произведены обследования в нескольких национальных областях (Сев. Кавказ, Урал и др.). Большое значение для освещения темных уголков деревенской жизни дают развившиеся, особенно за последний год, сообщения сельских корреспондентов—селькоров [2]. Косвенную характеристику современной деревни с самых разнообразных точек зрения дают материалы по смотру сельских ячеек и многочисленные совещания, конференции и с'езды местных деревенских работников. По постановлению XIII партийного с'езда, подтвержденному и развитому октябрьским пленумом ЦК партии, при местных партийных комитетах должны быть организованы специальные комиссии—совещания по работе в деревне [3]. Главной задачей этих совещаний является «усиление внимания к процессам экономического развития деревни», «предварительное рассмотрение ряда вопросов», производство выборочных местных обследований по типичным волостям для постановки работы на строго конкретных данных или учета того, что в настоящий момент особенно важно для того или другого района и т. п. [4]. Наконец, временные переброски городских работников на работу в деревню и, в частности, командирование рабочих-комсомольцев в целях пополнения комсомольского актива деревни [5],—могут осведомлять руководящие организации о том, как в настоящее время живет деревня, как в ней преломляются мероприятия рабоче-крестьянской власти.

[1] *Я. Яковлев*. «Деревня, как она есть». И его же «Наша деревня». *С. Струмилин*. «Динамика крестьянского хозяйства» и др.

[2] Наглядную картину роста числа сельских корреспонденций дает краевая крестьянская газета «Советская Деревня». — В 1923—1924 году,— сообщает она в своей отчетной статье,—получалось ею от 160 до 200 корреспонденций в месяц при резком росте по месяцам. В 1924—1925 году: в мае — 500, январе — 1.137, марте — 2083 — Содержание корреспонденций в высшей степени разнообразное.

[3] См. письмо т. *Молотова* «О комиссиях по работе в деревне при местных комитетах» в № 8 «Извест. ЦК» от 17/XI—1924 г.

[4] *Е. Торова*. «По вопросам о работе в деревне» в № 10 «Изв. ЦК» за 1924 год.

[5] См. раздел I резолюции октябр. пленума ЦК по работе в деревне «Изв. Ц. К.» № 5—6, 1924 г.

Все это вместе взятое, будучи явным показателем особого внимания и интереса советской власти к жизни деревни, может дать всестороннее освещение ее запросов, настроений и ближайших нужд.

Итти навстречу живым запросам и насущным нуждам крестьянства и должны низовые партийные и советские организации.

«Необходимо,—постановляет ЦК, — чтобы ячейки и волкомы в деревне уделяли должное внимание вопросам хозяйственной и культурной жизни в деревне и работе соответствующих советских и хозяйственных органов, кооперации, месткомов и т. п. Повседневные вопросы жизни деревни и должны, в связи с работой советов, применительно к условиям данного момента, занять первое место в работе парт'ячеек и парткомитетов (волости, района)...» [1]. В то же время приближение низового советского аппарата к культурным интересам крестьянства красной нитью проходит во всех директивах центра за последний год.

И, однако, знать нужды деревни и итти к ним навстречу — это еще только начало работы, поскольку в настоящий период только живая инициатива и самодеятельность самих широких масс способна обеспечить успешный ход социалистического строительства.

Поэтому *вторым моментом* лозунга «лицом к деревне» и опорным пунктом союза является именно *втягивание в советскую и социалистическую работу всех трудовых слоев крестьянства и их организация.*

В организационном смысле, как и в хозяйственном, деревня за годы гражданской войны значительно распылилась. Прежние организационные формы или разрушены революцией, или умерли, за ненадобностью, собственной смертью. Советы часто отрывались от коренной части населения. Слабые ростки коллективных хозяйств тонули в крестьянской индивидуалистической стихии. На этом фоне, вместе с укреплением нэпа в городе, хозяйственным под'емом в деревне и частно-капиталистическим в ней накоплением нарастала ее буржуазная верхушка. Парализовать ее влияние может лишь массовая хозяйственная и общественная организация низовых слоев деревни под советско-партийным руководством и выдвижением отдельных крестьян-передовиков на ответственную советскую и партийную работу.—«Прочное установление советского строя,—говорит об этом резолюция октябрьского пленума ЦК, — и общие политические условия в стране, в целом, настоятельно выдвигают в настоящее время задачу развертывания в советах непосредственной инициативы

---

[1] Совещание по работе в деревне при ЦК РКП (б). выделило особую Комиссию по вопросам изучения и обследования деревни.

Постановление Орг. Бюро ЦК от I/XII—1924 г. предлагает ЦК РЛКСМ «усилить живую связь и работу по изучению деревни».

самого крестьянства, большего втягивания крестьян во всю работу советов.—«Необходимо особенно усилить внимание к подготовке и выдвижению новых работников из самой крестьянской среды. Перед партийными организациями стоит громадная задача воспитания новых слоев коммунистов из крестьянства, а также задача политического руководства растущими силами беспартийных крестьян-передовиков» [1]. Выдвижение селькоров «для руководящей работы в деревне», «выдвижение большего количества крестьян и крестьянок на выборах в советы и исполкомы», «усилить представительство беспартийных крестьян в составе ЦИК, не менее как по одному от каждой губернии», «в кратчайший срок провести пополнение рядов Наркоматов 1—2 членами коллегии из крестьян (в том числе беспартийных), связанных с широкими слоями деревни» [2] и т. д.—все это должно было дать выход культурно-политическому пробуждению деревни и укрепить в ней зачатки советской общественности.

Итак, *знать деревню и ее нужды, итти навстречу ее запросам, пользоваться ее доверием, будить и организовывать ее инициативу — вот что имеет в виду советская власть, становясь «лицом к деревне»*. Но все это лишь подготовительные приемы, лишь расчищение почвы для главной, наиболее сложной и длительной, проблемы—обеспечить пролетарское руководство деревней и новыми методами, путем постепенного охвата ее хозяйственного развития, вовлекать ее в социалистическое плановое хозяйство.

«После прочного овладения политической властью, — пишет т. Зиновьев, — пролетарский авангард имеет перед собой длительную историческую задачу перевоспитания того человеческого материала, который мы получаем в наследство от капитализма. Дело в том, чтобы правильной политикой по отношению к деревне *теперь* окончательно закрепить политическую власть пролетариата и *подготовить действительную возможность на хозяйственных путях переделать деревню*—разумеется, путем длительной работы в течение ряда лет» [3].

Сейчас, на повороте, или, во всяком случае, в самом начале «нового периода» бесполезно было бы «гадать» о деталях. Необходимы, однако, твердая общая перспектива и действительно реальные опорные пункты в настоящем. «Проект тезисов по крестьянскому вопросу» т. Бухарина, внесенный, с одобрения делегации РКП (б), в Комиссию последнего (апрельского) пленума ИККИ, в некоторых своих параграфах ставит интересующий нас сейчас вопрос в международном масштабе. Мы позволим себе поэтому пространную выписку.

---

[1] См. постановление октябрьского пленума ЦК РКП (б) по работе в деревне. Раздел II и III.

[2] Там же. Раздел III.

[3] *Г. Зиновьев.* «Пролетариат и крестьянство». Что означает лозунг «лицом к деревне». «Пр.» 13/I—1925 г. (курсив наш).

«Главной директивой для господствующей пролетарской партии должна быть директива: *ужиться* с крестьянством. Нужно отчетливо понимать, что обойти эту проблему нельзя, ибо крестьянство есть большинство населения земли и удельный производственный вес крестьянства еще громаден. Ужиться с крестьянством можно лишь тогда, когда экономическая политика крестьянского государства считается с частно-хозяйственными стимулами мелкого производства, и когда, исходя именно из них, она постепенно ведет его к об‘единению и ко все более совершенным формам коллективного хозяйствования» (§ 27).— «Сотрудничество с крестьянством отнюдь не означает раздела власти. Однако в той мере, в какой крестьянство вовлекается реально в процесс социалистического строительства и подвергается в нем социальной переработке, необходимо будет происходить и процесс вовлечения его передовых элементов в государственный аппарат. *Крестьянство все более будет социально сближаться с пролетариатом* и классовые различия все более и более будут стираться. Советская форма пролетарской диктатуры, как показал опыт революции, именно и явится такой формой государственной организации, которая, с одной стороны, обеспечивает ее пролетарско-классовый характер, а с другой — делает возможным все более растущее вовлечение крестьянства в процесс социалистического строительства» (§ 30) [1].

Таково, в самых общих чертах, направление всего пути в целом. Что же касается до необходимых «зацепок» в нашей, именно советской, действительности, то, во-первых—опыт последних лет уже кое-что выявил в этом смысле, во-вторых—теоретическая мысль уже успела его несколько проработать с принципиальной стороны и наметить некоторые ближайшие вехи и, в-третьих—апрельский пленум ЦК, XIV партийная конференция и III Всесоюзный С‘езд Советов дали еще более полное обоснование новым методам пролетарского руководства в деревне и и систему мероприятий в этой области на ближайший период.

Таким образом, лозунг «лицом к деревне», который является в данный период выражением новой формы союза пролетариата и крестьянства, связывает в одну целостную систему и все принципиальные директивы и все очередные практические мероприятия рабоче-крестьянской власти [2]. Ориентируясь на постепенное социалистическое переустройство всего общества, он в ближайших своих шагах исходит из восстановления и поднятия всего крестьянского хозяйства в целом, рост товарооборота, согласования сельско-хозяйственного развития с промышленным и всемерной защиты прав и интересов беднейших слоев деревни, на основе революционной законности.

---

[1] См. «Правда» 1/IV—1925 г. № 74 (курсив наш).

[2] См. следующие очерки.

ОЧЕРК ШЕСТОЙ.

Рабоче-крестьянский союз к 8-ой годовщине Октября.

1. После 4-х лет новой экономической политики (достижения и задачи). — 2. Политика рабоче-крестьянской власти в деревне: а) ликвидация пережитков военного коммунизма и области экономической, б) новый метод пролетарского руководства деревней и в) всемерная помощь основной массе крестьянства. — 3. Отличительные черты рабоче-крестьянского союза в новых условиях: а) прочный союз с середняком и б) поддержка и организация деревенской бедноты. — 4. Крестьянский вопрос на XIV партийном с'езде: уклоны, дискуссия, решения с'езда.

Лозунгом «лицом к деревне», с которым партия вышла из XIII с'езда, получил самую общую принципиально-политическую формулировку осенью 1924 года на октябрьском пленуме ЦК в резолюции о деревне. Рабоче-крестьянская власть, как мы видели [1], пошла навстречу деревне в ее хозяйственном восстановлении и все растущей общественной активности. В лице переизбранных и оживленных *советов* крестьянство получало широкий выход и к общественной самодеятельности и к массовому хозяйственному строительству. Это было поворотным пунктом, действительным началом нового пути, как по линии социалистического строительства, так и в области рабоче-крестьянского союза. В дальнейшем оставалось, после проверки нового курса на местах, укрепить его на экономическом фундаменте, заполняя его целой системой конкретных мероприятий, согласованных с общей социально-экономической обстановкой.

«Политические задачи партии в деревне, подчеркивал апрельский пленум ЦК РКП (б),—должны быть неразрывно связаны с нашей экономической политикой. Только при этом условии, т.-е. при правильной экономической политике по отношению к деревне и притом при правильном проведении этой политики в жизнь, действительно возможно развертывание и оживление советов, вовлечение в их работу более широких масс крестьянства, выдвижение новых и новых тысяч работников из крестьян для всех областей советской, кооперативной и другой работы [2].

---

[1] См. гл. V.

[2] См. Постановление пленума ЦК от 30/V—1925 г. по докладу т. *Молотова* «Известия ЦК», № 17—18—1925 г.

Это экономическое обоснование нового политического курса, его законодательное оформление и укрепление рабоче-крестьянского союза в жизни целой сетью новых корней—все это было выполнено рабоче-крестьянской властью на протяжении последнего хозяйственного года. Важнейшим в этом смысле моментом является апрель — май 1925 года, когда высшие советские и партийные органы — апрельский пленум ЦК, Всесоюзная XIV партконференция и III Всероссийский С'езд Советов—поставили крестьянский вопрос в центре своего внимания и когда *с точки зрения нового подхода к деревне* были пересмотрены не только вопросы, непосредственно затрагивающие крестьянскую массу, но и все вообще основные проблемы хозяйственной жизни. «В данный момент,—говорил т. Молотов на XIV Всероссийской Партконференции,—перед нами уже стоит не просто вопрос о путях дальнейшего развития сельского хозяйства и о той помощи со стороны советского государства крестьянству, которая небходима для его развития,—перед нами в настоящее время встал, и притом в новых условиях, *крестьянский вопрос в целом. Именно этот вопрос в настоящее время определяет наши основные задачи»* [1].

1.

На протяжении последнего хозяйственного года отчетливо определились, а в некоторых пунктах заострились, отдельные процессы, которые порождены новой экономической политикой и которые еще какой-нибудь год-полтора назад выступали лишь в виде общих тенденций развития [2]. *Хозяйственный рост* во всех главнейших отраслях народного хозяйства — общее увеличение продукции, рост товарооборота, размер государственного бюджета и т. п. — подводит нас уже почти вплотную к довоенному уровню.

Успехи социалистических элементов в экономическом строительстве наглядно проявляются в повышении удельного веса социалистической госпромышленности и госторговли, в росте госкредита, в увеличении числа промышленных рабочих, в относительных размерах государственно-кооперативных фондов, в определенных, хотя и более слабых, достижениях кооперации. Все эти завоевания на социалистическом фронте дают уже положительный ответ на основной вопрос пролетарской диктатуры: по какому руслу—капиталистическому или социалистическому—направляется равнодействующая нашего общественного развития

В связи с экономическим созреванием поднимается и общий *культурный уровень* населения и его *политическая актив-*

---

[1] *В. Молотов.* «О партстроительстве». Доклад на XIV Всер. Парт. Конф.

[2] *А. Рыков.* «О внешнем и внутреннем положении». Доклад на III Всер. С'езде Советов. *И. Сталин.* «О внутреннем положении Совет. Союза». Полит. отчет ЦК на XIV Партс'езде РКП (б) и др.

ность. На почве растущего товарооборота усиливается *расслоение* деревни...

Всем этим старым процессам последний хозяйственный год подвел лишь более четкие итоги.

Но, на-ряду с этим, минувший год является во многих смыслах *переломным*, как на это уже много раз указывалось в отдельных отчетах и докладах.

Во-первых, стремительное восстановление промышленности привело к исчерпыванию довоенного фабрично-заводского оборудования. Для сохранения темпа промышленного развития необходимыми делаются уже крупные капитальные затраты. На это обстоятельство указывает т. Дзержинский в своих отчетах. Отмечая, по его выражению, «бурный рост нашей промышленности», он, однако, категорически оговаривается, что «по целому ряду отраслей... у нас уже нет никаких технических возможностей расширять производство дальше без постройки новых фабрик и заводов».

«Если,—говорит он,—нашей партией, нашим правительством не будут приняты меры для изыскания и увеличения средств по реконструкции и переоборудованию наших построек и наших новых фабрик, то мы можем быть обречены в следующие годы на неслыханно тяжелый товарный голод, который нас мучит уже теперь»... [1]. Значит, необходимо усиленное накопление и особенно в тех отраслях хозяйства, где это накопление возможно еще при более слабых, относительно, затратах, на старом, пока что, техническом фундаменте, т.-е. прежде всего в сельском хозяйстве.

Во-вторых, последний год подчеркнул еще другое характерное явление — известное замедление в темпе сельско-хозяйственного развития, отставание в росте сел.-хоз. продукции сравнительно с развертыванием промышленности, что заставляет, в свою очередь, обратить особое внимание на условия развития крестьянского хозяйства.

В-третьих, нарушенное равновесие между обеими важнейшими отраслями народного хозяйства повлекло за собой и третий своеобразный признак истекшего хозяйственного года — *товарный голод*, а в связи с ним и некоторое противоречие интересов пролетариата и крестьянства в вопросе о ценах. Отличительной чертой товарного голода на этот раз является его двусторонность—недостаток проявился и в хлебных продуктах (заминка в хлебозаготовках, нарушение экспортного плана, повышение цен и др.), и в продуктах городской промышленности: отсутствие

---

[1] *Ф. Э. Дзержинский*. «Положение и перспективы промышленности». Доклад на Моск. Губ. Парт. Конференции. «Пр.» 10/XII—1925 г. № 287.

См. его же доклад на III Всер. Съезде Советов «О состоянии промышленности и промышленной политике правительства СССР». Стен. отчет, изд. ЦИК.

некоторых товаров в кооперативах, вздутие цен на частном рынке и т. п. Факт товарного голода, являясь показателем опасной неувязки между промышленным и сел.-хоз. развитием [1] и обостряясь вопросом о ценах, подтачивает союз рабочего класса и крестьянства. Поэтому устранение создавшегося противоречия выдвигается на первый план текущей экономической политики. «Эти противоречия,—постановляет XIV всероссийская партконференция,—не являются, однако, непримиримыми в пролетарском государстве при правильном проведении государственных мер экономического регулирования цен и при всемерной поддержке государством дела восстановления сельского хозяйства всей основной массы крестьянства [2].

В-четвертых, частичная стабилизация капитализма в Западной Европе, всеобщие почти «признания», завязывание торговых сношений, при отказе в то же время в займах,—еще больше подчеркивают необходимость перенести центр тяжести на внутреннее накопление и на поднятие экспортных возможностей, а следовательно и на поднятие рыночной доли продукции сельского хозяйства.

И, наконец, *в-пятых*—политическая и экономическая обстановка в самой деревне и, в частности, некоторые трения в ходе рабоче-крестьянского союза, которые обнаружились и на последних перевыборах советов и в повседневной работе кооперации, и при обследовании партийных низовых ячеек—все это вместе взятое показывает, что взаимные отношения города и деревни не во всех своих частях и не вполне еще наладились и что требуется их пересмотр в некоторых существенных областях.

---

[1] Неправильно было бы, впрочем, слишком заострять вопрос о товарном голоде. До известной степени, как нехватка в промышленных товарах, так и недостаточное поступление на рынок сел.-хоз. продуктов, находит свое об'яснение в общей исторической перспективе. Промышленная продукция возросла за последний год на 62%, и все-таки товаров не хватает, а в некоторых ее отраслях вся она запродана уже за год вперед. Но об'яснением тут служит крайнее сокращение продукции за все последнее десятилетие, полное использование запасов в крестьянском хозяйстве «до последнего гвоздя», накопившиеся потребности у населения, которые не могли быть удовлетворены нормально: то не было товаров, то они были слишком дороги, то не было покупательной возможности у населения. Отсюда *повышенный спрос* в переживаемый период.

Что касается до сельского хозяйства, то если его продукция так резко не падала, как в городской промышленности, то и темп восстановления его идет другим, более медленным путем. Надо также учесть истощение хлебных и других запасов у самого крестьянского населения и повышение собственного потребления. И поскольку небольшие излишки распылены по 22 миллионам крестьянских хозяйств и поскольку каждое из них хочет *обеспечить себя и на сегодня и на завтра*, и поскольку момент *внешнего принуждения отпадает*, постольку сельско-хозяйственная продукция задерживается в крестьянстве.

[2] Резолюция «О партстроительстве». Стеногр. отчет XIV всероссийской партконференции.

И вот, в результате всего этого, весной 1925 года, как и 4 года тому назад, крестьянский вопрос встает перед рабоче-крестьянской властью и перед партией во весь свой рост, в несколько новом общем переплете и в освещении новых текущих задач внутренней и международной политики.

Какие же именно задачи ставила себе рабоче-крестьянская власть, подходя к новой деревне и сообразуясь с новым внутренним и международным положением.

Задачи эти будут вполне ясно видны ниже, при ознакомлении с декретами, резолюциями и постановлениями высших советских и партийных органов; здесь же мы ограничимся их суммарной формулировкой.

С одной стороны—*в области хозяйственно-экономической*—на очереди дня было поставлено поднятие производительных сил деревни или, конкретнее говоря, возможно быстрое накопление в крестьянском хозяйстве на условиях развертывания рыночного оборота. И с другой стороны—в *социально политической области*—в сфере рабоче-крестьянских взаимоотношений центральной задачей сделалось усиление пролетарского руководства деревней, при осуществлении этого руководства новыми методами.

2.

Практические мероприятия, в которые вылилась новая аграрно-экономическая политика и пошло укрепление рабоче-крестьянского союза на новом фундаменте, разбились по нескольким руслам: устранение пережитков военного коммунизма в хозяйственно-экономической жизни деревни, изменение общих методов пролетарского руководства в деревне, хозяйственная помощь основной массе крестьянства, прочный союз с середняком, как с центральной фигурой деревни, и всяческая (хозяйственная, политическая, культурная) помощь деревенской бедноте и организация батрацко-бедняцких слоев крестьянства, как главной политической опоры пролетарской диктатуры в деревне.

а) Ликвидация пережитков «военного коммунизма».

Минувший хозяйственный (1924/25) год выявил одно основное противоречие: острая необходимость в повышенном внутреннем накоплении столкнулась с некоторой заминкой в главном резервуаре этого накопления — в крестьянском хозяйстве. Наиболее наглядным симптомом этого противоречия сделался *рост избыточных рабочих рук в деревне*—так называемое аграрное перенаселение; несоответствие между наличной рабочей силой и возможностью ее использования доходит в отдельных хозяйствах до полной неспособности вести самостоятельное хозяйство.

В основе своей это явление органически связано с частной собственностью на средства производства и со всем индивидуалистическим строем крестьянского хозяйства. Будучи отчасти наследием прошлой дореволюционной экономики, отчасти результатом общей разрухи военного времени, оно еще более усилилось экономической политикой военного коммунизма — уравнительным распределением земли безотносительно к обеспеченности инвентарем, сокращением городских заработков, стеснением местных кустарных промыслов и т. п. Новая экономическая политика, давая ход развитию сел.-хоз. производства, *в общем* способствовала поглощению избыточного населения деревни. Но восстановление крестьянского хозяйства и начавшееся в верхушечных группах частно-капиталистическое накопление стало встречать на своем пути препятствия в остатках старого экономического уклада — в ограничении аренды, запрещении найма рабочей силы, повышенном обложении кустаря, стеснении крестьянской базарной торговли и др. От этого страдал и общий размер накопления, поскольку тормозился хозяйственный рост зажиточных дворов и, в частности, рост социалистических элементов хозяйства, поскольку накопление все-таки шло, но шло в скрытых формах и мимо кооперации, по руслу частно-капиталистическому. От этого страдали и бедняцкие низы, поскольку они обрекались на безработицу, или шли все-таки на скрытые бесконтрольные сделки по найму и аренде, носившие определенно кабальный характер.

До тех пор, пока социалистические элементы государственного хозяйства—госпромышленность, госторг, госбанк и др. были еще слабы и пока от них еще не было надлежащих проводов к крестьянскому хозяйству в виде кооперации, госкредита и т. п., до тех пор развитие товарно-денежного нэпа в деревне полным ходом могло бы пойти исключительно по руслу капиталистическому.

Наоборот, в 1925 году, после всех достижений госпромышленности и кооперации, сохранение пережитков из экономики военного коммунизма только задерживало бы процесс восстановления хозяйства и накопления и приводило бы к обходным видам капиталистической эксплуатации, нерациональным с точки зрения производительных сил и особенно болезненным для крестьянской бедноты. Из этих соображений исходила рабоче-крестьянская власть в своей новой аграрно-экономической политике последнего года, практические пути которой были выработаны апрельским пленумом ЦК и окончательно сформулированы III С‘ездом Советов СССР [1].

---

[1] См. постан. апрельского пленума ЦК по докл. т. Молотова «Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни», а также постановление III Всес. С‘езда Советов «О мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства».

Ставя одной из своих задач «быстрейшее укрепление и под'ем всей массы крестьянских хозяйств С'езд считает необходимым отменить ряд ограничений, задерживающих развитие сельского хозяйства».

III С'езд Советов постановляет: «Одобрить „временные правила" от 18 апреля 1925 года об условиях найма и применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах, облегчающие применение рабочей силы в сельском хозяйстве в соответствии с современными хозяйственными условиями деревни, распространить этот закон и на применение рабочей силы на арендованной земле» [1]. Легализируя сделки по найму в крестьянском хозяйстве, закон брал их под свой контроль, обеспечивал нанимаемому известный минимум прав и распространял на него все преимущества, даваемые профсоюзным об'единением.

Вопрос об аренде затрагивает самые широкие и в том числе наиболее слабо обеспеченные инвентарем круги крестьянства. С'езд нашел нужным «устранить препятствия к более широкому использованию права крестьян сдавать землю в аренду до двух севооборотов», а также «разрешить сдачу в аренду отдельным землепользователям участков госфондовых земель на срок свыше 12 лет в соответствии с условиями договора» [2]. В целях более широкого использования избыточных рабочих рук деревни в неземледельческих занятиях, С'езд решает облегчить условия применения рабочих сил крестьянства в области кустарных промыслов и ремесла. В этих целях одобрить закон от 10 апреля 1925 года о льготах для кустарей и ремесленников. В качестве ближайших конкретных мер С'езд указывает, на-ряду с соблюдением налогового обложения, льготный кредит кустарям, снабжение их сырьем, поощрительные меры в области ученичества и др. [3]. Наконец, при новом экономическом курсе, вредным анахронизмом были бы какие-либо ограничения крестьянства в сбыте своей продукции. Поэтому С'езд решает «устранить административные препятствия к мелкокрестьянской торговле на базарах, рынках, пристанях, станциях железных дорог и т. п.» [4]. Все вышеперечисленные директивы III Всероссийского С'езда направлены к устранению законодательных и административных стеснений, которые в новых условиях были бы ненужной помехой для развития огромной части крестьянских хозяйств. В близком соседстве с ними должны быть поставлены и некоторые изменения в области кооперативного строительства. При общем курсе на советскую демократию, деревенская кооперация также должна была освободиться от вредных для нее пережитков. Во-первых, она должна быть укреплена на основе общественной самодея-

---

[1] См. п. 10 Постановления.
[2] Там же, п. 9.
[3] Там же, п. 17.
[4] Там же, п. 18.

тельности, добровольного членства, полной выборности, отмены всякого административного вмешательства в ее хозяйственные права и т. д. Во-вторых, материальная база кооперации в деревне должна быть расширена включением в ее состав всего сельскохозяйственного населения. «Мероприятия в отношении кооперации — согласно резолюции XIV всероссийской партконференции — должны развиваться в полном соответствии со всей экономической политикой Союза»... «Кооперативное строительство получает в настоящее время исключительно важное значение. В целях наибольшего охвата со стороны конференции всех процессов хозяйственной жизни деревни, необходимо предоставить всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством, право участия в кооперации. Для обеспечения же руководящего влияния в кооперации за большинством крестьянства, кооперативные организации всех видов должны внести в свои уставы ограничения, гарантирующие недопущение в правления обществ явно кулацких элементов» [1].

б) О новом методе пролетарского руководства в деревне.

Вопрос об изменении метода пролетарского руководства в деревне был поднят впервые вместе с переходом к новой экономической политике. *Старые* методы партийного руководства, приемы военного коммунизма, сложившиеся в условиях революционной необходимости (преувеличенная опека и администрирование, подмена советских органов органами партийными, сведение до минимума инициативы самого населения, словом— административно-принудительный подход к деревне), были осуждены уже XI с'ездом компартии—весной 1922 года. «Работа в деревне,—говорилось в постановлении с'езда,—должна быть направлена преимущественно в сторону хозяйственно-организационную и культурно - просветительную взамен предлагаемого ранее административно-принудительного и политически-агитационного подхода» [2]. В дальнейшем, в обстановке хозяйственного под'ема и роста политической активности крестьянства, вопрос о непригодности старых методов—командования и приказа—в новой деревне и в новых условиях сделался еще нагляднее. XIII с'езд РКП (б) дал общую директиву в смысле поворота лицом к деревне, к ее нуждам, к ее общественной самодеятельности. Следующие и уже более конкретные шаги в том же направлении сделаны октябрьским (1924 года) пленумом ЦК партии в виде перевыборов советов в целях их оживления и приближения их к широким массам и по составу и по

[1] Стеногр. отчет XIV всер. парт. конф. Резолюция «О кооперации».
[2] См.—очерк четвертый.

содержанию работы [1]. Наконец, в течение последнего года новая линия партии и рабоче-крестьянской власти в деревне уже определилась во многих своих деталях.

«Необходимо,—постановляет XIV всероссийская партконференция, — укреплять союз между рабочими и крестьянами и диктатуру пролетариата, немыслимую без этого союза, на основе новых отношений и новыми методами, вытекающими из этих новых складывающихся отношений». В своей резолюции «о партстроительстве» конференция, используя опыт по перевыборам советов и по проверке партийной работы на местах, ставит вопрос об укреплении советской демократии уже в самом развернутом понимании этого слова. На-ряду с действительным оживлением советов, кооперации, крестпомов и других общественных организаций деревни, мы находим в резолюции XIV конференции целую систему практических мероприятий в самых разнообразных областях общественной жизни, а именно: плановое государственно-экономическое регулирование, законодательные и налоговые меры к охране интересов сельско-хозяйственного пролетариата и деревенской бедноты, развертывание культстроительства, массовое воспитание как общее, так и партийно-политическое (путем печатной и устной пропаганды, работы в комсомоле и делегатских женских собраниях, приема крестьян в партию и т. п.).

В освеженной таким образом общей деревенской атмосфере и должна проводиться работа по пролетарскому руководству, ближайшим проводником которой служат низовые партийные ячейки. От их качества, от их умения, от тех отношений, какие у них сложатся с окружающей средой—от всего этого зависит успех пролетарского руководства. О том, что представляют из себя эти деревенские ячейки, много раз выяснялось и в организационных отчетах центра и в отдельных сообщениях с мест: было уже не раз установлено, насколько они малочисленны, слабы и не подготовлены для своей ответственной роли, в особенности теперь—вместе с осложнением общей обстановки и текущих задач. Принимались те или иные меры—организовывались совпартшколы, перебрасывались в подкрепление работники из центра, проверялся личный состав, производилась частичная чистка... Но для последнего года характерна та энергия, которая направлена руководящим центром в эту именно сторону и в целях проверки состава местных ячеек и для их укрепленяя и переподготовки. XIV конференция выработала целый ряд разнообразных мер для улучшения партийных организаций в деревне. В этом пункте рабоче-крестьянская власть и партия уже имели солидный ориентировочный материал в виде нескольких проведенных кампаний по перевыборам сельских и волостных советов уже на основе нового, после-октябрьского курса.

---

[1] См.—очерк пятый.

Совещание по работе в деревне при ЦК партии произвело после октябрьского пленума специальное обследование деревенского партийного аппарата, а ЦКК, в свою очередь, сделало проверку органов, связанных с деревней—советов, кооперации и партийных ячеек—с точки зрения их работоспособности и взаимных отношений. Обобщая отдельные черты, отразившиеся во всех этих материалах, приходится подчеркнуть прежде всего поразительную *неосведомленность* на местах—массовое незнакомство даже с постановлением октябрьского пленума ЦК о работе в деревне. Если же низовые работники информированы о новом направлении центра по вопросу о работе в деревне, то наиболее часты указания на растерянность и даже на «некоторое *чувство обиды*» за недооценку якобы своей прошлой деятельности в тяжелых деревенских условиях, забвение своих былых заслуг в рамках старых приемов работы. В отдельных же случаях, даже при знакомстве с новым курсом, правильном понимании его духа и даже при самом добром желании,—обнаруживается со всей ясностью *трудность перевоспитания* укоренившихся навыков к опеке и командованию. Иногда же дело сводится к чисто внешнему повороту якобы на новые рельсы, с сохранением однако по существу прежнего начальнического подхода к деревне [1].

В виду всех этих затруднений конференция уделяет особое внимание вопросу о партстроительстве вообще и в частности—конкретным мерам по укреплению деревенских партийных организаций в смысле их политической и деловой подготовки и руководству ими.

В числе этих необходимейших мер резолюция указывает частичную проверку наиболее слабых местных парторганизаций (вплоть до уездных), обновление личного состава ячеек за счет привлечения в них революционно-передовых элементов маломощного крестьянства, соответствующую подготовку деревенского комсомола, реорганизацию совпаршкол, посылку в деревню подготовленных и проверенных пропагандистов и инструкторов, помощь рабочим шефским организациям и специальную работу среди возвращающихся в деревню красноармейцев [2].

Конференция указывает также и те практические пути, какими в подготовленной общей атмосфере деревни, через обновленные парт'ячейки, может наилучшим образом осуществляться повседневное пролетарское руководство. Это—путь восстановле-

---

[1] См. *М. Хатаевич.* «Партийные ячейки в деревне». Ленгиз, 1925 г. «Ячейки и советы в деревне». (Сборник ст. и материалов под ред. Я. Яковлева и М. Хатаевича). ГИЗ, 1925 г. «О работе сельских ячеек РКП (б.). [Матер. Совещания по работе в деревне при ЦК РКП (б.)].» «Моск. Раб.», 1925 г. Резолюция, принятая VI пленум. ЦКК РКП (б.) по докл. т. Яковлева. «О проверке работы органов, связанных с деревней». «Пр.» 15 декабря 1925 г., № 286.

[2] См. разд. II—резолюции о партстроительстве XIV конференции.

ния и укрепления *коммунистических фракций среди крестьянских общественных организаций*, которые «должны проводить партруководство по отношению к этим организациям, но вместе с тем ни в каком случае не подменять собой соответствующих органов советов» (кооперации и т. д.). Для придания же руководству возможно более гибкости и систематичности, признается также необходимым «усиление *персональной связи* руководящих партийных и советских работников: например, вхождение секретаря и некоторых членов бюро губкома в президиум ГИК и т. п.».

Такова в общих чертах партийная линия в деревне, которая согласно постановлению XIV всероссийской партконференции должна соединяться «со смелым и решительным переходом на линию *революционной законности* и искоренения остатков военного коммунизма в административно-политической работе» [1]. По вопросу о революционной законности конференция принимает специальную резолюцию [2].

Таким образом, планово-экономическое регулирование, укрепление парторганизаций в деревне, руководство *изнутри* вместо нажима извне, твердый курс на советскую демократию и революционную законность—таковы исходные точки нового метода пролетарского руководства в деревне.

в) Хозяйстенно-экономическая помощь основной массе крестьянства.

Расчищая путь сельско-хозяйственного развития от всяческих пережитков военного коммунизма и в области экономической, и в области административной, новая аграрно-экономическая политика одновременно намечала и положительную программу хозяйственной помощи основной массе крестьянства. Сначала апрельский пленум ЦК РКП (б), а затем и III Всесоюзный С'езд Советов, «в целях быстрейшего укрепления и под'ема всей массы крестьянских хозяйств с целью поднятия их доходности», установили целую сеть практических мероприятий в области

---

[1] П. 10 общей части резолюции о партстроительстве.

[2] См. Стеногр. отчет XIV всес. партконференции.

Позже, в декабре 1925 г., на основании нового опыта по проверке работы органов, связанных с деревней, VI пленум ЦКК РКП (б.) намечает ряд ближайших мер по укреплению революционной законности, каковы: первоочередность судебных дел по должностным преступлениям, избавление коммунистов от всяких поблажек в этом вопросе, усиление и приближение судебного аппарата к населению, выездные сессии судов и пом. прокурора для принятия жалоб, всяческое ознакомление рабочих и крестьян с действующими законами и др.

См. резолюцию VI пленума ЦКК РКП (б.). «Пр.», 15 декабря 1925 г.

налоговой, сельско-хозяйственной и торговой политики [1]. В виду их полной принципиальной неоспоримости, ограничимся их кратким изложением, сохраняя по возможности формулировку III С'езда Советов СССР.

С'езд постановил одобрить принятое ЦКК и СНК *новое «Положение о едином сельско-хозяйственном налоге»*, сущность которого сводится к снижению налога до 280 миллионов рублей, с отчислением 100 милл. рублей в волостной бюджет, к установлению более правильного пересчета скота в пашню и к сообщению крестьянству заранее твердой ставки налога (пункт 1).

С'езд одобрил отпуск *6 миллиардов рублей для кредита* крестьянству *на землеустроительные работы* с увеличением и удешевлением кредита в дальнейшем, при удлинении его срока (пункт 4).

С'езд признал необходимым *передачу* крестьянам в малоземельных районах *части земель госфонда* (в том числе арендуемых госорганами) и за счет некоторых подлежащих ликвидации совхозов (пункт 5).

С'езд признал необходимым к 1 августа 1925 г. закончить *передачу крестьянам лесов местного значения*, а в тех районах, где это возможно,—дополнительный отпуск лесной площади, в безлесных же районах—организацию госскладов для снабжения крестьян лесным материалом по доступным ценам (пункт 6).

С'езд постановил принять решительные меры: а) к *восстановлению* в пятилетний срок *конского состава* и развитию коневодства, б) к обновлению и пополнению *мертвого инвентаря* (расширение и улучшение госпроизводства, кустарной выделки и снабжение крестьянства по доступным ценам), в) к усиленному введению в крестьянское хозяйство *сложных машин*, в том числе тракторов и др. и г) к усиленному производству и размножению *улучшенных семян* (пункты 11 и 12).

С'езд постановил продолжать политику *снижения цен на промышленные товары*, в то же время *обеспечивая крестьянству сбыт своей продукции* (по таким ценам, которые оставляли бы в руках крестьянства средства на развитие и усиление хозяйства), поставив задачей соответствующих госорганов обеспечение сбыта крестьянской продукции на внешнем рынке и оказывая всемерное содействие государству в деле восстановления и организации заводов по переработке крестьянского сырья (пункты 13, 14 и 15).

---

[1] См. Постановление апрел. пленума ЦК «об очередных задачах политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни» и постановление III с'езда Советов СССР «о мероприятиях к поднятию и укреплению крестьянского хозяйства». «Пр.» №№ 104 и 118 за 1925 г.

С‘езд считает настоятельно необходимым восстановление и *развитие сельского хозяйства в засушливых районах,* усиление работ по *подготовке земель,* годных для переселения, всемерную *поддержку* делу массового *кооперативного об‘единения* крестьянства, а также всяческие льготы и *помощь*—кредитную, сырьевую и проч.—*деревенским кустарям* (пункты 16, 19 и 20). В целях организации широкого, дешевого и долгосрочного кредита для крестьян, с‘езд считает необходимым *увеличение средств Центрального Сельско - хозяйственного Банка* из госсредств не менее чем *на 100 миллионов рублей* и привлечение сбережений населения в низовые сельско-хозяйственные кредитные кооперативы и сельско - хозяйственные банки (пункт 21).

В заключение с‘езд добавлял, что «все эти мероприятия, рассчитанные на поднятие и укрепление крестьянского хозяйства, увеличение его доходности и улучшение материального положения широких масс крестьянства, должны сопровождаться *установлением строгой законности* и усиленной *работой по поднятию общего культурного уровня* населения. Ликвидация безграмотности, повышение самодеятельности, усиление инициативы, усиление общественных навыков, осуществляемое в первую голову через советские и кооперативные организации, являются необходимым условием скорейшего успеха общей работы по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства» (пункт 25).

3.

Как мы видели выше, и апрельский пленум ЦК, и XIV Всесоюзная партконференция, и III С‘езд Советов СССР в своих принципиальных директивах и в своей программе практических мероприятий шли *навстречу хозяйственным нуждам деревни* и ставили своей целью *поднятие и укрепление всей массы крестьянских хозяйств* всей деревни в *целом.* Ближайшей задачей их было создание такой обстановки в деревне, которая дала бы ей возможность, максимально, используя свои рабочие силы и средства производства, поднять доходность хозяйства и усилить накопление. Все крестьянство, во всех районах и во всех своих слоях, получало новые реальные возможности в связи с новым экономическим и политическим курсом. Показателем того, как ощутило это сама крестьянская масса, служат общее естественное чувство удовлетворения в крестьянстве и общий под‘ем его общественной активности.

Но ясно в то же время, что в конкретной деревенской обстановке с ее противоречивыми интересами и социально-политическими группировками те или иные хозяйственные мероприятия производили в различных слоях крестьянства не вполне одинаковый психологический эффект и не в равной мере могли быть использованы. Ясно, что известная часть их, например предо-

ставление права найма батраков, развязывая товарно-рыночные отношения, не могли не развязать и не усилить в некоторой степени рост капиталистического развития и что в этом процессе деревенская беднота—бесхозяйная и без'инвентарная—могла во многих случаях оказаться страдающей стороной.

Всего этого не могла не учесть рабоче-крестьянская власть, тем более, что отдельные сообщения с мест уже успели отразить и повышенную активность капиталистических и антисоветских группировок деревни, и колебание середняка, и, наоборот, некоторую робость и сомнения бедноты в связи с новым курсом или, лучше сказать, в связи с теми перегибами, какие новый курс испытал на местах. Сделалось очевидным, что только одновременное усиление экономической и политической позиции основного бедняцко-середняцкого массива деревни способно было выправить социально-политическую линию, ослабить частнокапиталистические процессы и, в противовес капиталистической верхушке с ее эксплуататорскими аппетитами, укрепить союз середняка и бедноты и социалистическую линию развития.

«Главное,—говорил т. Рыков на XIV партийной конференции,—что представляется особенно трудным и что следует поставить во главу и чего необходимо добиться во что бы то ни стало, заключается в том, чтобы, развязывая капитализм в сельском хозяйстве, мы смогли в большей мере, чем до сих пор, повернуться лицом к бедняку и середняку... Ликвидируя пережитки «военного коммунизма» в деревне, расширяя возможности найма батраков и аренды земли, нужно проделать это таким образом, чтобы беднота и середняк в большей степени чем до сих пор, почувствовали в нас свою власть и получали от нас гораздо больше чем до сих пор настоящую материальную поддержку» [1].

Этими словами, в сущности, все сказано: ими очерчена вся ближайшая программа крестьянской политики, которая намечена осенью 1924 года октябрьским пленумом ЦК в главных

[1] *А. Рыков.* Доклад о кооперации на XIV всес. партконференции. Еще позже, в декабре 1925 г., VI пленум ЦК РКП (б), на основании имевшихся уже материалов с мест, дает этому вопросу следующую формулировку:

«Одновременно происходящему на другом полюсе деревни некоторому росту богатых эксплуататорских элементов уже противопоставляется и на основе правильной политики партии все в большей мере будет противопоставляться хозяйственный рост основных крестьянских масс и культурно-политический под'ем их, достигаемый путем проведения мер экономической политики, содействующих экономическому под'ему бедняцких и середняцких слоев деревни, путем кооперирования, путем развития и укрепления советской демократии и улучшения и укрепления руководства коммунистической партии».

(Резолюция, принятая по докладу т. Яковлева 11 декабря. «Пр». 15/XII 1925 г., № 286).

своих чертах была развернута и конкретизирована весной 1925 года (на апрельском пленуме ЦК, XIV партийной конференции и III Всес. С'езде Советов) и которая еще раз проработана и дополнена на октябрьском (1925 г.) пленуме ЦК.

Отсюда же со всей определенностью вытекают характерные черты рабоче-крестьянского союза в настоящее время. Это—*прочный союз с середняком и организация деревенской бедноты.*

а) Прочный союз с середняком.

В качестве характерной черты рабоче-крестьянского союза в настоящее время мы отмечаем прочный союз с середняком. Но не следует понимать это так, что до сих пор середняцкое крестьянство в союзе с рабочим не участвовало и что только последняя крестьянская политика рабоче-крестьянской власти вовлекает крестьянство во всей его массе в союз с пролетариатом. Для полной ясности нелишней является самая краткая историческая справка.

Напомним прежде всего, что середняк, как главный массив дореволюционного крестьянства, уже в Февральской революции заключил с пролетариатом договор, который был уже более сознательно перезаключен и скреплен Красным Октябрем: деревня целиком, за исключением лишь ее определенно капиталистических единиц, пошла против помещиков и буржуазии. Вопрос о каком-либо выделении середняка из общекрестьянской массы мог подняться только летом 1918 года, в связи с крестьянской революцией, комбедами, продовольственной диктатурой, раскулачиванием, продразверсткой и т. п. проявлениями социально-экономической политики, которые шли в разрез с мелко-хозяйственными тенденциями крестьянства. И поскольку пролетарская революция тогда устанавливалась на социалистические рельсы, и поскольку середняцкая масса была именно выразительницей мелкого трудового крестьянства с его промежуточным положением и двойственными интересами, постольку рабочий класс действительной опорой своего поступательного социалистического продвижения мог сделать в деревне только бедняцко-батрацкие ее слои. По отношению же к середняку вопрос стоял, как его *нейтрализация*, соглашение с ним, его постепенное привлечение на свою сторону отчасти на почве защиты завоеваний революции, отчасти как заинтересованного (особенно в его низовой части) в коллективизации хозяйства. «Средний крестьянин,—говорил Ленин в декабре 1918 года,—пойдет с нами только тогда, когда он действительно убедится на *деле* в пользе общественного хозяйства» [1]. Но это был путь для отдельных

[1] См. речь Ленина на I всероссийском с'езде земотделов, комитетов бедноты и коммун.

единиц. Массовой же увязки крестьянства к социалистическому строительству история в то время еще не дала.

Переломным моментом был переход к новой экономической политике, когда почти вся деревня сделалась середняцкой. Развитие рыночных отношений дало провод от пробуждающейся к жизни городской промышленности к крестьянскому хозяйству. Соединительным звеном между промышленностью и середняцким крестьянским хозяйством сделалась кооперация. И, наконец, в 1923—1924 г.г. укрепление социалистических командных высот в городе и первые успехи кооперации в деревне дают новую социально-экономическую постановку в середняцком вопросе.

Кооперация—это уже не только необходимый мост между городом и деревней и в этом смысле опора социалистической промышленности, но самостоятельный социалистический фактор огромного значения, главный тракт социалистического строительства в сельском хозяйстве. Середняк же, как центральная фигура этой кооперации, начинает занимать новое общественное место. И прочный союз с середняком, как с основным ядром кооперативного строительства, органически врастает в систему пролетарского социалистического строительства.

После всего сказанного нам остается *оттенить* значение прочного союза с середняком теперь, в новой общеэкономической обстановке, в новой деревне. Имеются два момента, которые делают вопрос о середняке в высшей степени актуальным и решающим. Первый момент—*экономический*. Получая в последних мероприятиях рабоче-крестьянской власти новые реальные пути и к накоплению, на основе ускоренного хозяйственного развития, и к проявлению широкой самодеятельности, деревня в своей верхушечной, буржуазной части пытается все это использовать в сторону нарастания частно-капиталистических отношений. Только кооперативное об'единение деревни, при середняцко-бедняцком большинстве, способнс дать *экономический противовес* капиталистической тенденции и направить накопление деревни под контролем рабоче-крестьянской власти по руслу социалистическому.

Другой момент—*культурно-политический*.

Как и следовало ожидать, наибольшую активность, и притом активность организованную, стали проявлять, на почве нового политического курса, именно самые зажиточные, кулацкие элементы деревни. Имеется не мало иллюстраций развития этой антисоветской общественности. Например, на XIV всесоюзной партконференции, в прениях по докладу «О партстроительстве», т. Позерн сообщил следующие подробности о ходе выборов в советы на Северном Кавказе:

«Местами,—говорил он,—полное руководство захватил в свои руки крепкий зажиточный крестьянин и казак, а местами даже и подлинный кулак, который подошел к выборам, быстро сорга-

низовавшись. Мы имеем списки кулацких кандидатов, распространяемые заранее, размноженные при помощи химической бумаги; кулаками заранее подготовляется президиум избирательного собрания. К нам попали в руки клочки составленной кулаками инструкции, как вести себя на выборах. У нас есть сведения, что на Тереке одна казацкая станица разослала своих делегатов во все другие станицы для того, чтобы координировать работу по перевыборам» [1].

Все это должно, разумеется, быть принято во внимание. Но главная суть дела—не в этом. Кулак достаточно малочислен и массовое отношение к нему деревни достаточно определенно, чтобы, даже при организации, политически подчинить всю остальную крестьянскую массу, подавить ее советскую общественность. Поэтому все расчеты оживающих антисоветских организаций естественно направляются на привлечение в сферу своего влияния всего или хотя бы подавляющей части середняка, который, к тому же, часто находится в экономической зависимости от кулачества.

При таком положении несомненно, насколько важно для рабоче-крестьянской власти сохранить и упрочить союз с середняцким крестьянством, всемерно сближая середняка в хозяйственной жизни, а в известной мере и организационно, с батрацко-бедняцкими низами деревни. Как это много раз указывалось, борьба за середняка есть основная задача в области установления правильных рабоче-крестьянских взаимоотношей. Прочный союз с середняком в настоящее время является необходимым условием успеха социалистического строительства в деревне.

В виду этого XIV всесоюзная партконференция с этой именно точки зрения подошла к проработке двух существеннейших вопросов современности: о партстроительстве и о кооперации. «Решения XIV партконференции,—говорится в постановлении октябрьского пленума,—имеют своей непосредственной задачей проведение под руководством пролетариата политики высвобождения среднего крестьянства из-под влияния кулачества и укрепление союза пролетариата и беднейших слоев крестьянства со средним крестьянством путем, прежде всего, оживления советов и массового кооперирования крестьянства». «Партия,—говорится дальше,—все больше развертывает работу как в деле массового кооперирования крестьянства, так и в деле вовлечения широких крестьянских масс во все советское строительство (оживление советов)» [2].

---

[1] Стеногр. отчет XIV всерос. партконференции, прения по докладу т. Молотова.

[2] См. п.п. 1 и 4 постановления пленума ЦК РКП(б) от 10 X 1925 г.

б) Организация деревенской бедноты.

В непосредственной связи с проблемой о середняке стоит вопрос об организации деревенской бедноты и о бедняцко-середняцком блоке. В общей совокупности рабоче-крестьянского союза все эти вопросы неразделимы. Начать с того, что мало-мальски широкий охват середняцкой массы деревни и сколько-нибудь надежное привлечение ее на сторону пролетарско-советского строительства возможно для рабоче-крестьянской власти только *изнутри* деревни, через родственные ей бедняцкие слои, тесно с ней связанные бытовыми узами и имущественными интересами. В теперешних условиях противопоставлять середняка бедноте—было бы огромной натяжкой со стороны экономической и опасной ошибкой со стороны социальной политики.

Но при всем том нужна и особая поддержка бедноты и специальная ее организация. Необходимость ее вытекает из самого существа нового курса. В самом деле, возможно ли планово-экономическое государственное регулирование, руководство внутренней жизнью деревни (а это именно характерно для нового подхода к деревне), если деревенская беднота будет оставаться бесформенной массой и не иметь органа, способного стоять на страже своих прав (в защите налоговых, землеустроительных и др. льгот и преимуществ, интересов батрачества и др.).— В то же время возможен ли действительный массовый под'ем и укрепление крестьянского хозяйства, если для наиболее нуждающихся в поддержке низов деревни государственная помощь оказывалась бы бумажной, если бы *на деле* она была *недоступна*.

На все это обратил свое внимание уже апрельский пленум ЦК. В числе дополнительных практических мер он считает необходимым использовать государственные средства, сохраняемые за счет всемерной экономии, на менее производительные издержки госаппарата «для поднятия маломощных крестьянских хозяйств» и, в частности, «направлять их на усиление средств, отпускаемых на сельско-хозяйственное кредитование». А III Всес. С'езд Советов, развивая свою программу «поднятия и укрепления крестьянского хозяйства», считает необходимым «принять на счет государства оплату землеустроительных работ для бедняцкой части крестьянства, ассигновав уже в текущем году на эту цель 3 миллиона рублей». В статье же, говорящей о необходимости широкого, удешевленного и удлиненного кредита, имеется указание на то, что «направление кредитных средств должно быть рассчитано на удовлетворение хозяйственных нужд *середняцких и бедняцких слоев деревни* и их об'единений». В разделе о кооперации говорится, что сельско-хозяйственная и кредитная кооперация, в соответствии с современным поло-

жением хозяйства широких масс крестьянства, должна обратить особое внимание на наиболее доступные, понятные и прямо улучшающие положение *бедняков и середняков* простейшие формы крестьянских об'единений» [1].

Следовательно, в нескольких основных в жизни крестьянства условиях, как землеустройство, кредит и кооперирование, деревенская беднота поставлена в льготное положение.

Так было весной 1925 года. Осенний же, октябрьский пленум ЦК сделал в дальнейшем важный шаг в том же направлении: в принятом по докладу т. Молотова постановлении «о работе среди деревенской бедноты» развертывается уже определенная и цельная схема организации и всесторонней помощи (хозяйственной, политической и культурной) бедняцкому и батрацкому крестьянству.

Октябрьский пленум ЦК завершал собой целый год нового курса, он приступил к работе, имея в своем распоряжении не мало показательного фактического материала и после длительного обсуждения вопроса в партийной печати.

Отдельные оттенки мнений в руководящих партийных кругах успели определиться и даже заостриться. Обсуждение «уклонов» в крестьянском вопросе и в ту и в другую сторону и в смысле «недооценки опасностей нэпа», и в смысле «недооценки середняка», и в смысле непонимания значения нэпа,—отчетливее оттенили принятую партией аграрную политику, давая также ясные указания на то, в каком направлении следует развить и уточнить постановления XIV конференции, дабы избежать искривления партийной линии. «В связи с этим,—говорится в постановлении пленума, особо выдвигаются вопросы о сплочении бедноты и батрачества вокруг партии и советской власти, о методах руководства и формах организации этих слоев деревни, а также и о различных видах материально-культурной и политической помощи им со стороны партии и государственной власти» [2].

Организационные меры, выдвигаемые октябрьским пленумом, идут по четырем главным линиям: пролетарское руководство, рабоче-крестьянское сплочение, социальная организация и всесторонняя помощь. Меры эти таковы: особые *собрания бедноты* в недрах кооперации, советов, кресткомов и т. п., образование сельских, волостных и районных *групп бедноты* с втягиванием в них батрачества и для совместного с середняками отстаивания практических мероприятий, усиление руководства реорганизованными комнезамами силами укрепленных партийных и комсомольских ячеек в деревне, особое внимание работе крестпомов, помощь строительству колхозов с усилением

[1] См. резолюцию III Всес. С'езда Советов, п.п. 4, 20 и 21.

[2] См. Постановление октябрьского пленума ЦК РКП (б) от 10 X—1925 г. «Изв. ЦК» № 40, за 1925 г.

кредитной помощи, всемерная поддержка органов Всеработземлеса с усилением его материальных средств, образование специального и постоянного фонда в составе Центрального Сельско-Хозяйственного Банка для оказания льготного кредита бедноте и, наконец, проведение в жизнь законов, охраняющих интересы беднейших слоев деревни в вопросе о налоговых, землеустроительных и других льготах и преимуществах.

Всемерная хозяйственная помощь крестьянству, новый подход к деревне (в экономической, политической и административной областях), прочный союз с основной массой крестьянства – таковы отличительные черты рабоче-крестьянского союза за последний период. Короче говоря, это хозяйственный под'ем, пролетарское руководство и всесторонняя смычка рабочего класса с бедняцко-середняцким блоком. Таким образом, экономическая, по преимуществу, смычка первых лет новой экономической политики [1], по мере хозяйственного, политического и культурного под'ема деревни, разрастается во всесторонний союз. Но наша характеристика рабоче-крестьянских отношений к VIII годовщине Октября была бы неполной, если-б мы не остановились особо на работе XIV с'езда партии по крестьянскому вопросу.

4.

Последний с'езд дал, если можно так выразиться, конкретную определенность, теоретическую законченность и принципиальную закругленность всему полуторагодовому периоду, протекшему со времени XIII с'езда. Одобрив целиком и полностью общий поворот партийной политики в деревне, оценив и подтвердив решения и мероприятия XIV всес. партконференции и октябрьского пленума ЦК, XIV с'езд проделал в то же время огромную работу в двух смыслах: общая аграрно-экономическая политика партии и рабоче-крестьянской власти и ее главные проявления были им, во-первых, освещены с точки зрения основных проблем социалистического строительства и, во-вторых, увязаны со всеми другими важнейшими социально-экономическими проблемами.

Этой своей работой сезд шел навстречу самой насущной потребности и потому, что в измененной и осложнившейся хозяйственно-политической обстановке, при наплыве к общественной работе новых слоев крестьян и рабочих, проблема рабоче-крестьянского союза стала нуждаться в особо-тщательной принципиально-теоретической проработке, и потому, что по ряду существенных пунктов крестьянского вопроса уже стал накапливаться опасный разнобой. Эта работа была проделана XIV с'ездом в процессе партийной дискуссии и окончательно закреплена в резолюциях с'езда.

[1] См. очерк четвертый нашей работы.

«Мы вступаем в новую эпоху,—говорил, открывая с'езд, т. *Рыков*,—эпоху строительства. Эта эпоха выдвигает ряд новых вопросов, которые, конечно, нельзя разрешить без обсуждений, без споров...» [1]. «У нас создалась теперь новая хозяйственная обстановка, — говорил в своей речи на с'езде тов. *Бухарин*, — новая международная обстановка, и партия с конвульсиями и внутренними потрясениями нащупывает правильную позицию в области нашей крестьянской политики в новых сложившихся условиях» [2].

«Разногласия, которые у нас возникли — пишет новый ЦК партии в своем информационном письме ко всем секциям Коминтерна,— выросли на почве бурного хозяйственного роста и крайне усложнившихся задач: рост общественных противоречий поставил перед партией и вопросы о конкретных путях развития страны к социализму».

«Было бы историческим чудом,—пишет после с'езда один из товарищей, — если бы партия в этой обстановке могла ориентироваться, найти ей правильную оценку и наметить верную политику без внутренней борьбы, без преодоления в борьбе элементов и течений, отклоняющихся от надежного пути. Таких исторических чудес не бывает» [4]. Приведенные выдержки, указывая на происхождение дискуссии и ее задачи, особенно подчеркивают исключительную важность работы и решений последнего с'езда.

Разногласия, или как принято говорить, *уклоны* в крестьянском вопросе, наметились в общей своей форме еще к XIV партконференции; октябрский пленум ЦК дал им уже совершенно определенную формулировку в виде 2-х опасностей: «опасности недооценки отрицательных сторон нэп'а» и «опасности непонимания всей необходимости нэп'а». В дискуссионной литературе первый из уклонов часто определяется более наглядно и образно, как «верхушечный» или «кулацкий», другой же—как «боязнь середняка», «недооценка середняка» [5].

XIV партс'езд, как в свое время и октябрьский пленум, высказывает категорическое осуждение обоим уклонам от правильной линии в крестьянском вопросе.

«С'езд, —говорится в резолюции,—решительно осуждает уклон, состоящий в недооценке диференциации в деревне, не видящий опасностей, связанных с ростом кулачества и различных форм капиталистической эксплуатации, не желающей понять всей необходимости отпора кулачеству и ограничения его эксплуататорских стремлений, не видящий обязательности для партии пролетариата организовывать и сплачивать бедноту и батрачество против кулака и в борьбе с ним». «Но в то же время,—

---

1 «Пр.» от 19/XII—1925 г. № 290.
2 «Пр.» от 23/XII—1925 г. № 293.
3 «Пр.» от 14/I—1926 г. № 11.
4 «Пр.» от 19/I—1926 г. № 15. ст. *Г. Гринько.* «К итогам XIV партс'езда».
5 См. Постановление о работе среди дерев. бедноты. «Изв. Ц. К.» № 40/1925 г.

говорится дальше,—с‘езд с такой же решительностью осуждает попытки затушевать основной вопрос коммунистической политики в деревне, вопрос о борьбе за середняка, как центральную фигуру земледелия, и о кооперации, как основной организационной форме движения деревни к социализму. С‘езд особенно подчеркивает необходимость борьбы с этим последним уклоном» [1].

Из дальнейшего изложения общего содержания дискуссии должно сделаться вполне ясно, *почему* этот последний, антисередняцкий, уклон вызвал особенно решительный отпор со стороны с‘езда. Пока-что коснемся со своей стороны лишь некоторых особенностей данного вопроса. Напомним, что в отношении кулацких элементов деревни и капиталистической эксплуатации, пролетарская партия и родилась, и выросла, и закалилась в определенно-классовой позиции: самое легкое прикосновение к жизни может отрезвить тех, кто сегодня хоть сколько-нибудь увлекся бы в сторону от классовой оценки. К тому же, если бы у кого-либо и получилось такое искривление, то на местах, в сфере внутрикрестьянских отношений, на практике, фигура кулака вызывает к себе достаточно реальный протест,—против нее вопиют самые жизненные интересы широкой крестьянской массы. Наконец, организационные меры рабоче-крестьянской власти, настойчивые директивы октябрьского пленума в сторону всесторонней защиты бедноты являются уже серьезным противоядием против «кулацкого уклона».

Совершенно по-другому обстоит дело с уклонами по вопросу о роли середняка. И в теоретических построениях и в живой действительности имеется еще не мало корешков, не мало пережитков этой в корне неверной ориентации в отношении деревни, и тенденции записать в кулачество всякого исправного хозяина. Об этом настойчиво твердил Ленин еще в своем докладе на VIII с‘езде РКП (б) в марте 1919 года [2], от которого берет свое начало лозунг прочного союза с середняком.

«По мере того,—говорил он,—как мы приближаемся к задачам коммунистического строительства,—центральное внимание наше должно сосредоточиться в известной мере как раз на среднем крестьянстве».

Немного выше мы уже достаточно сказали о значении прочного союза с середняком в новых хозяйственно-экономических условиях, и теперь нам приходится лишь подчеркнуть линию последнего с‘езда в середняцком вопросе, в связи с задачами социалистического строительства.

XIV партс‘езд считает, что «борьба за социалистическое строительство в СССР является основной задачей нашего вре-

---

[1] См. резолюцию XIV партс‘езда по отчету ЦК. «Пр.» 25/XII 1925 г. № 295.

[2] *В. И. Ленин*. Как коммунисты-большевики относятся к среднему крестьянству». Доклад на VIII с‘езде РКП (б) М. 1919.

мени», что «рабочий класс в союзе с основной массой крестьянства уже достиг первых серьезных успехов в социалистическом строительстве», и что имеются «на-лицо *экономическое наступление* пролетариата на базе новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма». И поскольку в процессе преодоления противоречий экономического роста, его трудностей и опасностей «одной из основных сторон классовой борьбы в настоящее время является борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства» [1], постольку прочный союз с середняцкими слоями крестьянства, составляющими его основной массив, является непременным условием социалистического строительства, единственно возможным методом некапиталистического пути развития деревни. И, наоборот, боязнь середняка, недооценка его социально-экономической роли — должны рассматриваться как срыв всей линии строительства социализма в наших условиях.

Все это еще более показательно вскрыто дискуссией.

Дискуссия затронула целый ряд животрепещущих вопросов пролетарской диктатуры, и этим об‘ясняется ее острота. Дискуссия связала уклоны в крестьянском вопросе с такими основными проблемами социалистического строительства, как вопрос о путях этого социалистического строительства, о его движущих силах, его достижениях, его перспективах. И в этом углублении крестьянского вопроса положительная сторона дискуссии.

Прения по докладу ЦК и по содокладу, и в особенности заключительное слово докладчиков ЦК—т.т. Сталина и Молотова—дают достаточный материал для освещения самой сущности разногласий в крестьянской политике в связи с исходными социально-политическими положениями партии [2]. Остановимся на нескольких самых существенных пунктах разногласий.

Во-первых, возможно ли успешное социалистическое строительство в нашем Союзе? Можем ли мы построить полное социалистическое общество в данных условиях техники, при данном соотношении классовых сил, в данной международной обстановке? Прав ли был Ленин, отвечая на этот вопрос положительно [3], и права ли теперь партия, когда идет в этом же направлении? Или же мы, по выражению лидеров оппозиции, «не сможем справиться с внутренними трудностями из-за технической и экономической отсталости» [4] и, следовательно, целиком, зависим от мировой социальной революции?

---

[1] См. резолюцию XIV с‘езда по отчету ЦК.

[2] См. «Ответ оппозиции». Изд. ГИЗ. 1926 г. *Н. Бухарин.* «Три речи». Изд. ГИЗ 1926 г. и *В. Астров.* «Что скрывается за «левой» фразой оппозиции». Изд. «Прибой», 1926 г.

[3] См. *Н. Ленин.* «О кооперации». Собр. соч., т. XVIII.

[4] Цитируем по статье *В. Астрова* в его кн. «Что скрывается за «левой» фразой оппозиции», «Прибой» 1926 г.

Если игнорировать (недооценивать) крестьянство, как положительную хозяйственно-экономическую силу, если крестьянство фатально является антагонистом (противником) пролетариата, если все усилия рабочего класса должны разбиться об эту враждебную ему индивидуалистическую мелкобуржуазную лавину,—словом, если не признавать прочного союза с середняком, то приходится решать основной вопрос пролетарской диктатуры—вопрос о продвижении к социализму—отрицательно, а спасения ждать только от международной революции. К этому логически приводит «недооценка середняка».

Во-вторых, что такое новая экономическая политика? Является ли она простым отступлением от начатого Октябрьской революцией социалистического пути, есть ли она, как об этом выражается т. Зиновьев «самое широко задуманное отступательное движение ленинизма»? Или же это стратегический маневр, обусловленный определенным соотношением в борьбе новых и старых хозяйственно-экономических форм, в целях смычки промышленного развития с крестьянским хозяйством и перегруппировки сил, т.-е. новый вид продвижения к социализму, при котором элемент уступки и отступления все более поглощается организованным наступлением и завоеванием все новых и новых экономических позиций?

Если считать, что нэп, вызывая торговлю и рост капиталистических отношений в городе и деревне, возрождает и укрепляет капиталистический строй и больше, ровным счетом, ничего не дает; если расценивать кооперацию как что-то вроде придатка к госторговле, которая вполне может быть заменена хорошей «муниципальной лавочкой», и отрицать в кооперативном строительстве всякое обобществляющее и планирующее начало,—то можно, разумеется, прийти в нетерпение от этого досадного отступления, начатого к тому же «всерьез и надолго». Этой опасности подвергается тот, кто «боится середняка» и не верит в кооперативный путь развития.

Далее—*в-третьих*—в связи со всем сказанным стоит вопрос о перспективах социалистического строительства. Каковы они? Начать с деревни: куда она направляется? Какая из двух тенденций—социалистическая или капиталистическая — крепнет, набирается сил, какая из них должна отмереть в неблагоприятной обстановке? Учитывая хозяйственные достижения последних лет, рабоче-крестьянская власть и партия не сомневаются в постепенном укреплении социалистических элементов в деревне, в форме всех видов кооперативного об‘единения, роста советской общественности, и, прежде всего, политической и экономической изоляции кулачества под напором бедняцко-середняцкого блока. «Оторвать середняка от кулака, сплотить вокруг нас бедноту и вместе с тем создать союз бедняка и середняка против кулака» [1],

[1] *В. Молотов.* «Заключительное слово на XIV с‘езде».

такова,—по словам т. Молотова,—труднейшая и вместе с тем центральная задача работы в деревне.

«Можно ли,—спрашивает т. Бухарин,—ставить вопрос о кулаке *вне связи* с вопросом о середняке? Это будет неправильная, вздорная постановка вопроса. Главное средство борьбы с кулаком *это есть отрыв середняка от кулака*» [1].

Однако, если не видеть в деревне в середняке основную, решающую массу крестьянства, его центральную фигуру, вовлекаемую через кооперацию в советское и социалистическое строительство, а видеть лишь вскормленную нэпом капиталистическую головку деревни (толкуя при этом эту капиталистическую верхушку весьма расширительно, а на другом полюсе деревни видеть лишь деревенскую безхозяйную бедноту и батрачество, то, пожалуй, есть от чего прийти в панику. При таком подходе к деревне, «кулацкая опасность» может заслонить все прочие и спутать все перспективы. Под таким гипнозом не увидишь в нашей действительности никаких массовых хозяйственно-экономических зацепок для продвижения деревни к социализму, для органического строительства социализма и ничего не останется кроме «второй революции», нового «раскулачивания» и т. п. «революционных» методов «строительства» [2].

Наконец — *в-четвертых* — надо еще добавить недооценку социальной роли национализированной промышленности. Если бы, действительно, наша госпромышленность не являлась еще и до сих пор той вышкой, с которой во все другие экономические области расходится организующее социалистическое начало, и если бы, наоборот, она была лишь одним из проявлений госкапитализма, кусочком капитализма, направляемым рабоче-крестьянской властью, то перспективы социалистического строительства и его возможности в нашем Союзе в настоящее время были бы весьма проблематичны.

Особенно важен, поэтому, тот факт, что в ходе обсуждения на с'езде, новая оппозиция пришла в этом вопросе к соглашению с большинством. «Накануне с'езда,—отметил т. Рыков при закрытии с'езда,—представители оппозиции не соглашались с тем, что наша государственная промышленность представляет собою последовательно-социалистический тип организации производства. На с'езде это главное расхождение между подавляющим большинством партии и оппозицией было изжито, и оппозиция в этом вопросе присоединилась, в конце концов, к мнению большинства с'езда» [3].

Как видим, «недооценка середняка» тесно связана с отходом от ряда других позиций, принятых партией. Что касается до

---

[1] *Н. Бухарин.* «Доклад об итогах XIV с'езда» «Пр». от 12/I 26, № 9.

[2] Подобную точку зрения защищал т. *Ларин* на XIV партконференции, в прениях по докладу т. Молотова о социалистическом строительстве.

[3] См. «Пр.», от 3/I 1926 г., № 2.

другого уклона, «недооценки кулацкой опасности», недостаточной бдительности по отношению к темным сторонам нэпа, к его капиталистической накипи, то, как мы уже сказали, он не имеет столь многочисленных корешков в общем мировоззрении своих сторонников. Связанный ближе всего с именем т. Богушевского, он, однако, не укладывается целиком и не исчерпывается его аргументацией.

Если т. Богушевский в своей статье [1] считает кулака, попросту, несуществующим «жупелом», то другие исходят из несколько иных соображений: полезности кулачества — с точки зрения развития производительных сил, накопления и др., или же не считают вредной капиталистическую верхушку деревни, поскольку она «добросовестно» выполняет свои капиталистические функции — соблюдает обязательства, во-время уплачивает заработную плату и т. п.

Нечего и говорить, что ни один из этих доводов критики не выдерживает. Кулачество существует как факт, и если и не с аптекарской точностью, то все-таки учитывается нашей статистикой.

Капиталистическая же его эксплуатация и связанные с нею опасности—тоже на-лицо. Самая большая из них—стремление кулачества охватить середняцкие массы под свое влияние—является сильнейшей угрозой советскому и социалистическому строительству. Надо, — скажем словами т. Молотова в его заключительном слове на XIV с'езде,—«чтоб не только беднота, но больше чем $^9/_{10}$ деревни сплотилось вокруг советов, кооперативов и тех организаций, которыми руководит партия. По этому пути должна пойти партия в настоящее время возможно более твердо» [2]. И резолюция с'езда по отчету ЦК дает определенную программу действий по этому вопросу. «Борьба против кулачества,—постановил с'езд,—должна итти как путем организации бедноты, так и путем усиления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака» [3].

Таково мнение с'езда в связи с кулацкой опасностью и «кулацким уклоном» в крестьянском вопросе.

—

[1] См. № 9—10 журнала «Большевик» за 1925 г.

[2] «Ответ оппозиции», изд. ГИЗ, 1926 г.

[3] Резолюции XIV с'езда Всесоюзной коммунист. партии (большевиков). Изд., «Уралкнига», 1926 г.

ОЧЕРК СЕДЬМОЙ.

Рабоче-крестьянский союз в социалистическом строительстве.

1. Общественно-экономическая организация деревни: кооперация, крестпомы, профсоюзы.—2. Советское строительство: оживление и оздоровление низовых советов.—3. Партийное строительство: образование широкого беспартийного крестьянского актива (комсомол, селькоры, делегатские женские собрания) и прием крестьян в партию.—4. Смычка с деревней на культурном фронте — политпросвет-работа, культшефство, крестьянская печать.

Все сказанное нами выше [1] о политике рабоче-крестьянской власти в деревне и о взаимных отношениях рабочего класса и крестьянства наглядно вырисовывает одну характерную черту последнего исторического периода, а именно его чрезвычайную *сложность*. Осложняется внутренняя и международная обстановка; народно-хозяйственная жизнь Союза ССР делается многосторонней, в частности, сельско-хозяйственное производство разветвляется на ряд специальных отраслей; социально-экономический состав деревни и ее культурно-политическая физиономия диференцируются, ее хозяйственные интересы делаются пестрее, а в связи со всем этим и подход рабоче-крестьянской власти к деревне делается все менее и менее сплошным.

И, как мы уже отмечали, на практике задача социалистического переустройства и перевоспитания деревни распадается на огромное множество отдельных практических мероприятий, которые в повседневной работе растекаются по мельчайшим изгибам: сельско-хозяйственной, налоговой, торговой, бюджетной и землеустроительной политики, политики хлебных цен, хлебозаготовок, экспорта и др.

Характеризуя всю эту сложность обстановки, в которой преломляется в настоящее время проблема союза рабочего класса и крестьянства, т. Бухарин говорит следующее: «Раньше вопрос о взаимоотношениях с крестьянством стоял крайне просто: сколько взять с крестьянина по продразверстке,—столько или столько; сколько нужно реквизировать скота, как нужно командовать нашим ревкомам—так или этак, и больше ничего. А те-

[1] См. очерк шестой.

перь этот вопрос пронизывает всю кучу на первый взгляд мельчайших вопросов...

«Вопросы—какую систему обложения у нас устроить, как производить закупку хлеба, как цены предельные назначать, как районы этих закупок распределить, как налоговую систему устроить, как выбирать в сельсоветы, чтобы обеспечить и доступ беспартийного крестьянства и в то же время руководство нашей партии, какую политику на цены вести по отношению к продуктам нашей промышленности, какую политику вести сельскохозяйственной кооперации, как вести кредитную политику и пр. и пр. до бесконечности, вплоть до того, как удержать за фалды комсомольца или комсомолку, когда они зарываются» [1].

В таких условиях уловить общий характер и особенности рабоче-крестьянского союза можно только при внимательном ознакомлении со всей практикой социалистического строительства. С этой целью и под углом зрения рабоче-крестьянской смычки будет нами рассмотрено социалистическое строительство в его главных разветвлениях: общественно-экономическая организация крестьянства, советское и партийное строительство, культурно-просветительная работа в деревне.

1.

Всесторонняя, и прежде всего общественно-экономическая, организация крестьянства является центральной задачей всего переходного к социализму периода. Она, в то же время, сделалась необходимым условием всякого сколько-нибудь массового подхода к деревне. «Мы вступаем в организационную эпоху,—говорил на XIII с'езде партии т. Зиновьев, в полит. отчете ЦК,—когда должны организовывать все, что можно организовать, когда мы должны в деревне влить свои силы в растущее новое поколение, насытить его раствором организованности, потому что, товарищи, найдутся другие люди, которые возьмут это дело в свои руки и разорвут нашу смычку с крестьянством» [2]... И в самом деле, как можно подчинить своему руководству—советскому, партийному, культурному—стомиллионную массу сельского населения, разбитую на 20 миллионов мелких и мельчайших хозяйств, которые не знают еще ни массовой спайки в процессе труда, как фабрично-заводские рабочие, ни уплотняющих и сцепляющих условий городского быта. Можно с уверенностью сказать, что ни товарная смычка сельского хозяйства с промышленностью, ни политический союз пролетариата и крестьянства, ни идеологическое сближение работников города и деревни не-

[1] См. доклад *Н. Бухарина* на IX моск. губ. с'езде РЛКСМ («Правда» 26 марта 1925 г.).

[2] Стеногр. отчет XIII с'езда РКП (б). Полит. отчет ЦК.

мыслимы в сколько-нибудь ощутимом размере без известных предпосылок по организации деревни.

Все это так. Однако, специфические условия деревенской жизни, которые делают организационный охват деревни особенно необходимым, в то же самое время вносят в самый процесс организации в крестьянской среде особые трудности. То, что характерно для крупной городской промышленности, а именно—четкие классовые перегородки между классами-антагонистами, между капиталом и трудом,—в сельском хозяйстве зачастую сведены до минимума. И, наоборот, сплачивающие моменты, столь сильные в условиях жизни и труда рабочего класса, в деревне как раз отсутствуют. Низкая общая культура, общее убожество потребностей, патриархальные нравы, родственные связи все это часто затушевывает острые грани между крестьянином-богатеем, эксплуататором и его наемным работником. И обратно: текучесть социально-экономического состава в крестьянстве, изменение его во времени, бесконечные переходы и разнообразные сочетания, а главное, частно-предпринимательская основа хозяйства—глушат те зачатки классово-трудовой солидарности, которые в зародышевом состоянии имеются и в деревенском хозяйственном укладе.

Мы не хотим сказать ни того, что деревня обречена на распыленное состояние и будет в лучшем случае пассивным балластом, а в худшем—могильщиком социалистического строительства, ни того, что социально-классовый момент не может быть положен в основу ее организации. Мы хотим только, опираясь на сказанное, сделать такие выводы. Во-первых, в деревне и стержень и рамки организации могут быть найдены лишь при условии особо внимательного анализа конкретной социально-экономической обстановки (по странам, районам, хозяйственным и историческим моментам и т. п.). Во-вторых, как общее правило, одна какая-либо организация не может охватить всей совокупности трудовых, родственных социализму, элементов деревни (подобно профсоюзу в среде фабрично-заводских рабочих).

Все эти соображения приходится иметь в виду при оценке как актуального значения, так и ближайших перспектив той или другой крестьянской организации в деревне.

Начнем с кооперации.

Кооперация, в качестве самостоятельной хозяйственной организации мелкого производителя, восстановлена в 1921 году при первых же шагах новой экономической политики. Соответственно ударной задаче того момента—поднятию производственных сил, кооперация в деревне должна была, в первую голову, помочь встать на ноги крестьянскому хозяйству, в то время середняцкому по преимуществу, натуральному и обнищавшему. «Поднятие производственных сил крестьянского хозяйства», «улучшение условий развития сельского хозяйства»—таково было обоснование первых восстановительных декретов сельско-хозяйственной

кооперации. Что же касается до потребительской кооперации, то и ее задачи в то время не шли дальше организации многомиллионного потребителя по руслу кооперативного капитализма [1]. Но уже очень скоро, к 1923—1924 г.г., на фоне первых успехов нового экономического курса в области хозяйственного развития, под ударами кризиса сбыта, осенью 1923 года, и под угрозой растущего частно-капиталистического накопления—роль кооперации делается и активнее, и шире, и сложнее. Дело в следующем.

Кризис сбыта — известные «ножницы» — был ликвидирован, цены на промышленные изделия значительно понижены; но они продолжали (и продолжают) быть не по карману для деревенского покупателя. Промышленное производство стало крепнуть, но количество товаров продолжало (и продолжает) быть недостаточным для удовлетворения крестьянского спроса, возросшего вместе с уничтожением эмиссионного налога, облегчением налогового обложения и повышением хлебных цен. Торговая деятельность кооперации делала первые шаги, но была (и есть) еще слишком слаба для отвоевания товарооборота из рук частного капитала и снижения розничных цен. Все это вместе взятое— высокие цены, товарный голод, оптово-розничные ножницы — выдвинули кооперацию на первое место в общей экономической политике советской власти и тесно связали ее с торговлей.

«Поскольку оздоровление промышленности,—говорится в резолюции XIII с'езда партии, — уже дало свои положительные результаты, постольку внимание на ближайший период должно быть заострено на организации торговли и кооперации» [2].

Торговля, — напоминал т. Каменев на XIII с'езде, — есть то звено, за которое должна ухватиться государственная власть в ближайший период.

Таким образом организация рынка сделалась задачей кооперации. Кооперации отведена решающая роль в области смычки госпромышленности с сельским рынком.

Второй сферой, в которой произошло расширение задач кооперации, были хозяйственные отношения в недрах самого крестьянства. Общее поднятие производительных сил и рост товарности крестьянского хозяйства связали крестьянство с рынком, заинтересовали его в организации сбыта. Капиталистическое накопление в руках крепких слоев деревни подняло их спрос на машины, семена, удобрения и другие средства производства, поставив таким образом перед ним задачу организации самоснабжения. Вместе с тем накоплявшиеся у наиболее зажиточных крестьян денежные капиталы также искали

[1] В своей позднейшей статье «О кооперации» (1923 г.) Ленин о моменте перехода к новой эконом. политике писал: «Мы перегнули палку, переходя к нэпу в том отношении, что забыли думать о кооперации, что начали забывать уже гигантское значение кооперации».

[2] Стеногр. отчет XIII с'езда РКП (б), резолюция о кооперации.

своего приложения и направлялись на ростовщический кредит за «божеские» и «безбожные» проценты. В то же время маломощные низы деревни—вплоть до середняка, нуждаясь в хлебе, в деньгах, живом и мертвом инвентаре, закабалялись экономически и порабощались политически своему соседу-кулаку. Кооперация во всех ее разветвлениях — производственная, кредитная, сбытовая и промысловая — шла навстречу всем этим потребностям. «Только кооперирование производителей, — сказал в своей резолюции XIII с'езд партии, — может разрешить двустороннюю задачу, стоящую перед партией и советской властью в деревне: продолжать добиваться дальнейшего максимально возможного увеличения продукции сельского хозяйства и в то же время развивать все в большем размере поддержку маломощных элементов деревни в целях поднятия их хозяйства и ограничения эксплуататорских тенденций кулака» [1].

Только кооперативная самоорганизация населения, при воздействии—экономическом и организационном—рабоче-крестьянской власти, может направить по советскому руслу и растущий товарооборот и производительные силы деревни.

Таково содержание кооперации по линии торговой и хозяйственно-организационной смычки с деревней.

Но за этими, так сказать сегодняшними, задачами кооперативного строительства встает все отчетливее грандиозная и длительная его перспектива.

Вместе с новым экономическим курсом, рабоче-крестьянская власть очень скоро заняла серьезные командные высоты в виде банков, тяжелой индустрии, внешней торговли, отчасти даже городской розницы.

В деревне же мелкобуржуазный нэп не имел перед собой организованного государственного конкурента, за исключением малочисленных и часто хилых советских хозяйств и столь же малочисленных крестьянских коллективов, воспитанных на собезном принципе военным коммунизмом. Организовать раздробленную двадцатимиллионную массу единоличных крестьянских хозяйств, на основе их коренных частно-хозяйственных интересов, чтобы чисто экономическим путем вдвинуть их в систему государственного хозяйства, и дальше, через кооперативный социализм, вовлекать ее в плановое социалистическое хозяйство,— можно сделать только таким мощным рычагом, как кооперативное строительство.

Резолюция о кооперации, внесенная т. Рыковым на XIV партконференции, особенно подчеркивает решающую роль кооперации в общей социально-экономической политике советской власти. «В условиях свободы мелкого товарного производства в деревне кооперация является основной общественно-экономической формой связи между государственным хозяйством и мелким товаро-

[1] Стеногр. отчет XIII с'езда, п. 4 резолюции о работе в деревне.

производителем деревни. Только она может облегчить государству наибольшую возможность контроля и регулирования как мелкого сельско-хозяйственного производства, так и товарного оборота в стране. В силу этого кооперативное строительство получает в настоящее время исключительно важное значение» [1].

В смысле практических достижений всех своих огромных заданий, кооперация стоит еще в самом начале пути. В смысле организационном еще далеко не вполне разграничены те формы, в какие уложатся множественные задачи кооперации. Но и те основные экономические стимулы, на которые может опереться кооперативное строительство, и его главные социальные движущие силы уже имеются на-лицо. В организации рынка, как провода между городской промышленностью и деревней — т.-е. в потребительской кооперации — заинтересована, в качестве потребителя, вся масса крестьянства, за исключением крестьян-торговцев. Если зажиточные слои деревни покупают относительно больше по расчету на душу, то маломощник и середняк своей численностью определяют емкость сельского рынка, а следовательно и судьбу нашей промышленности. В кредите, на доступных условиях, нуждается подавляющая масса деревни: для одних — бедняков — это вопрос жизни и смерти, для других — зажиточных—условие капиталистического роста и процветания. Неудивительно поэтому, что именно сельско-хозяйственная кооперация с *кредитными функциями* растет быстрее других видов и по количеству кооперативов и по числу членов, и включала в себе в 1924 г. больше одной трети всех кооперированных членов [2]. *Сельско-хозяйственная кооперация* в более тесном значении этого слова — сбытовая, снабженческая, по переработке продукции сельского хозяйства, специальные отрасли сельско-хозяйственного кооперирования — опирается на наиболее преуспевающую, затронутую рынком, часть деревни с ядром из крепкого середняка [3]. И, наоборот, *производственная сел.-хоз. кооперация* в лице колхозов вовлекает по преимуществу самые слабые, или временно ослабленные хозяйства, для которых другие виды кооперирования и недоступны и не дают достаточных выгод [4]. Другим видом кооперативной организации маломощного крестьянства является *промысловая кооперация*, особенно ценная в современных условиях острого перенаселения деревни. Она спасает своих членов от кабалы скупщика и спекулянта.

---

[1] См. «Правда» № 92 от 24/IV—25 г.

[2] *М. Зыков.* О членстве в с.-х. кооперации. «Правда» от 17/IV—25 г. № 88.

[3] О социальном составе сельско-хозяйственной кооперации см. работу, изданную Сельскосоюзом в 1924 г. «Сел.-хоз. кооперация в системе госкапитализма».

[4] В 4.620-ти колхозах Украины в 1923 г. незаможников насчитывалось 78%, середняков — 19% и заможников — 3% (см. *Е. Терлецкий.* Диференц. украин. кр-ва и колхозы) «На агр. фр.», 1925 г.

И все-таки, при всех своих несомненных широких возможностях, кооперативное строительство лишь очень медленно и с большими трениями пробивает себе дорогу в деревне. Кооперативная сеть охватила пока еще только самый незначительный процент населения и отвоевала мало заметную долю товарооборота. Эту медленность предвидел Ленин, когда напоминал, что нужен «целый переворот, целая полоса развития народной массы» для упрочения кооперативного строя. Опыт нескольких лет дает нам уже определенные указания на то, какие именно затруднения лежат на пути сельской кооперации. Отчеты кооперативной работы единодушно говорят о незначительности материальных средств, задолженности, полном почти отсутствии собственных крестьянских паевых капиталов, слишком малом вовлечении бедняцкого населения. Описательный материал характеризует чрезвычайно слабую самодеятельность кооперированных масс, т.-е. то, на что указывал т. Рыков в своем докладе на Всесоюзном учительском с'езде: «Кооперация,—сказал он,—страдает теперь от того, что она, если можно так выразиться, недостаточно общественна». Добавим к этому пестрое географическое распространение кооперации, гнездами, почти исключительно в районах товарного крестьянского производства, преимущественное развите кредитных функций и кооперирование специальных отраслей сельского хозяйства. Все это наглядно доказывает, что все сельское население еще недостаточно подготовлено ни со стороны общей культуры, ни материально, ни в смысле хозяйственной организации, чтобы воспользоваться сейчас же всеми выгодами кооперирования. Нужна, словом, еще известная подготовка—культурная, материальная, общественная. Поэтому-то, на-ряду с кооперацией и в дополнение к ней, в деревне растет другая массовая хозяйственно-экономическая организация—крестьянские комитеты взаимопомощи.

В лице *крестпомов* мы видим крестьянскую организацию, вырастающую, так сказать, на самом корню новой советской деревни, на почве ее первейших и наиболее понятных крестьянству нужд. Декрет от 14 мая 1921 года, предвидя тяжелое положение бедноты (красноармейских и бедняцких хозяйств), которая после уничтожения внутренней переразверстки и *принудительной* помощи со стороны более сильных хозяйств осталась бы брошенной на произвол судьбы, «считает необходимым организовать в каждом селении и волости взаимопомощь самого крестьянства». Это социальное обеспечение деревни *на началах взаимопомощи* уже и тогда мыслилось законодателем во всей его широте как «защита хозяйственных и правовых интересов обеспечиваемых» [1].

Но в первые годы их жизни деятельность крестпомов сложилась почти исключительно как социальное обеспечение и на-

[1] См. декрет от 14 мая 1921 года.

правилась преимущественно на собирание денежных и хлебных фондов и организации общественных запашек в целях оказания помощи — денежной, натуральной и трудовой — маломощникам и впавшим в нужду середнякам. И только под влиянием запросов самой жизни, вместе с расслоением крестьянства, когда беднота стала составлять все более значительную долю населения, и по мере того, как классовая борьба обострялась, работа комитетов взаимопомощи стала перерастать собесовские рамки. Она стала клониться в сторону *организованной защиты интересов середняка и бедняка,* поднятия их хозяйства, подкрепления их общественно-политической позиции, сближения их с другими общественными организациями... Сначала директивы XIII с'езда партии, а затем и новое «Положение» осенью 1924 года оформили эту расширенную работу крестьянских обществ взаимопомощи. Крестпомы получили права юридического лица, они освобождались от административного вмешательства в свою работу и, в частности, в распоряжение своими фондами, им даны были льготы по устройству всякого рода подсобных хозяйственных начинаний (мельниц, крупорушек, кузниц, ремесленных мастерских и т. п.) и простейших хозяйственных об'единений (машинных товариществ, трудовых артелей и др.). На-ряду с прежними видами деятельности, ближайшей целью их работы сделалось теперь: а) дать маломощному крестьянству доступ в кооперацию и другие общественные организации и усилить в них ядро из маломощников и середняков, б) наблюдать за использованием всяких льгот маломощных (по сел.-хоз. налогу, снабжению лесом и др.), в) наблюдать за распределением поступающих от государственных обществ и частных учреждений всяких средств (семссуда, кредит и пр.) [1].

Эта пестрота, которая характерна сейчас для содержания работы крестпомов, отсутствие полных и достаточно отчетливых об них сведений и неизжитый еще ими организационный период не позволяют делать какие-либо твердые обобщения или оценку [2]. Можно, однако, уже теперь отметить некоторые особенности, лежащие в самом существе этой крестьянской организации. Во-первых, она более, чем какая-либо другая, обращена лицом к маломощному крестьянству, ибо это лежит в самой природе ее ближайших задач — поддержка бедняка, льготы середняку, помощь нуждающимся. Во-вторых, крестьянские общества взаимопомощи, благодаря коллективному членству, способны, до известной степени автоматически, вовлекать в свою организацию широкие крестьянские массы, даже наиболее тяжелые на под'ем и находящиеся под угрозой социально-экономической эксплуа-

---

[1] «Положение» от 25 сентября 1924 года, окончательно утверждено 7 декабря 1924 года.

[2] *А. Дивильковский.* Общая картина развития крестьянских обществ взаимопомощи («Правда» 15/I—25 г.) и *Н. Малютин* «Крестьянская взаимопомощь к концу 1924 г. («Вл. Сов.», № 9 1924 г.).

тации. И в-третьих, в недрах крестпомов, больше чем в другой организации, возможно сплачивание на организационной работе маломощника с середняком, ибо только их блок может обеспечить им как большинство внутри своей организации, так и влияние вовне.

Таково общественно-политическое значение крестпомов, которое выделяет их в ряду других крестьянских организаций и которое должно быть учтено при подходе к деревне. В этом смысле и высказывалась т. Крупская в своем докладе на XIII с‘езде РКП (б). «В деревне,—говорила она,—идет не процесс об‘единения всех слоев деревни против рабочего класса, в деревне идет другой процесс — об‘единения середняков и бедняков против кулака. И, конечно, рабочий класс, советская власть, партия не могут не поддержать этой борьбы трудящихся масс против кулака, не могут не поддержать об‘единения их в организацию, которая могла бы противостоять в деревне кулаку... Сейчас только идет нащупывание этих форм организации. Повидимому, этой формой могут быть комитеты крестьянской взаимопомощи» [1]. На такую же точку зрения стала и резолюция XIII с‘езда партии о работе в деревне.

Но для того, чтобы действительно занять надлежащее место в развитии деревенской общественности, крестпомы должны произвести еще громадную работу по самоорганизации на основе коллективного членства, по оживлению своей деятельности, держась в рамках своих коренных функций, отмеченных последним «Постановлением» и борясь с торговым уклоном и, наконец, по увязке всей своей работы с другими общественными организациями и, прежде всего, кооперацией. По этим очередным задачам дал свои директивы 3-й всероссийский с‘езд крестпомов в апреле 1925 года.

Собравшийся через полгода (в окт. 1925 г.) ЦК крестпомов (ЦК КОВ), отмечая ряд достижений, подчеркнул необходимость продолжать работу по пути укрепления строгой выборности, упорядочения материальных ресурсов и, в частности, хозяйственных предприятий, содействия кооперации и особой помощи— денежной, трудовой и культурной — маломощным хозяйствам. В этом направлении и пошел ЦК КОВ, открывая борьбу со всеми злоупотреблениями и опасными уклонами отдельных ККОВ и используя для своей цели сообщения сельских корреспондентов. Однако, ни крестьянские общества взаимопомощи, ни кооперация, ни обе эти организации, вместе взятые, не могут охватить и сорганизовать всю трудовую часть современной нашей деревни. Обе они ориентируются на крестьянина мелкого товаропроизводителя, часто бьющегося в сетях капиталистической эксплуатации, но всегда, в той или иной мере, собственника тех или иных средств производства, прилагающего свой труд в *собственном*

[1] Стеногр. отчет XIII с‘езда, доклад т. Крупской о работе в деревне.

хозяйстве. Разница только в том, что сельско-хозяйственное кооперативное строительство во всех его разветвлениях, об'единяет по преимуществу хозяйственно сильное, преуспевающее крестьянство, а крестпомы, как показывает уже самое их название, сплачивают в себе в целях взаимопомощи самые слабые, в хозяйственном смысле, инвалидные низы деревни. Но в обоих случаях, сферой их работы является свое собственное хозяйство или стремление к нему. Например, пленум крестпомов Полтавщины определенно постановил, что направление крестпомов должно быть по преимуществу производственное, помощь—реально-хозяйственной, ссуды—возвратными.

Ясно, при таких условиях, что об'единение безхозяйных элементов деревни (крестьянских батраков, наемных рабочих совхозов, лесного ведомства и др.), т.-е. защиту интересов *наемного труда* в сельском хозяйстве, должна взять на себя особая организация, какою является профессиональный союз.

Группа сельско-хозяйственного пролетариата, численно небольшая, но растущая вместе с товарностью крестьянского хозяйства и капиталистическим развитием деревни, в общей цепи смычки города и деревни должна занять совершенно особое место. С одной стороны—эта часть сельского населения и наиболее распылена, и материально не обеспечена, и наиболее зависима, что делает ее часто политическим орудием в руках деревенских хищников. С другой же стороны, она, будучи лишена всяких хозяйственно-собственнических иллюзий, продавая, подобно городскому рабочему, свой труд и покупая хлеб,—может быть самой восприимчивой средой для классовой пролетарской идеологии. И, наконец, сельский пролетариат чаще всего связан семейными узами или добрососедскими отношениями с бедняцкими дворами деревни и может, поэтому, быть соединительным звеном между городским рабочим и деревенской беднотой. Учитывая все это, XIII с'езд РКП (б) вынес постановление о «необходимости дальнейшего развития, усиления и содействия работе Всеработземлеса, согласно резолюции XII с'езда»... «С'езд поручает,—говорится там же,—коммунистической фракции ВЦСПС оказывать Всеработземлесу и его органам всяческое содействие. Одновременно необходимо развитие в деревне всех союзов, члены которых связаны с деревней» [1], т.-е. рабпроса, строительных рабочих, деревообделочников и др.

Со своей стороны, и VI с'езд профсоюзов СССР по вопросу о деятельности ВЦСПС выносит такую резолюцию: «С'езд обращает внимание всех организаций на необходимость максимального усиления работы членов союзов, находящихся в деревне, создания крепких союзных ячеек на селе и усиления низовых

---

[1] Стеногр. отчет XIII с'езда РКП (б), п. 10 резолюции о работе в деревне.

органов Всеработземлеса, что явится одним из важнейших орудий связи с крестьянством [1].

Таков подход руководящих органов к вопросу о роли и направлении профсоюзной работы в деревне. Но пока условия найма батраков в крестьянских хозяйствах были затруднены законодательством и протекали, в большинстве случаев, в контрабандном порядке, невозможны были ни полный учет наемных сельско-хозяйственных рабочих, ни, следовательно, действительное регулирование наемного труда в сельском хозяйстве, ни массовая организация сельско-хозяйственного пролетариата [2]. Поэтому «Временные правила» от 18 апреля 1925 года о порядке найма и применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах [3] раскрывают новые организационные возможности перед Всеработземлесом. Эти «Временные правила», считаясь с требованиями развертывания нэпа в деревне, допускают применение наемного труда в крестьянском хозяйстве на известных письменно-договорных условиях, которые должны обеспечить батраку некоторый минимум прав.

* * *

Заканчивая наш раздел о хозяйственно-экономических организациях в крестьянстве, кооперации, крестпомах, профсоюзах— напоминаем, что уже XIII с‘езд партии подчеркнул необходимость согласования их работы. «В связи с происходящим расслоением сельского хозяйства,—сказал с‘езд,—особо важен вопрос о способах обеспечения маломощному слою деревни фактической возможности участвовать в кооперации. Ряд достижений в кооперации делается возможным путем дальнейшего развития работы комитетов взаимопомощи и соответствующей увязки их с работой кооперации. Их нынешняя работа в области самопомощи населению, заинтересовывающая в первую очередь маломощного крестьянина и связывающая общими интересами маломощного с середняком, создает базу для дальнейшего развития комитетов взаимопомощи» [4]. «Особо важна,—говорится дальше,—поскольку батрак является в большинстве полукрестьянином, увязка работы Всеработземлеса с организациями взаимопомощи, помощь их организации в целях облегчения и развития *союза батрака и*

---

[1] Пункт 10 резолюции VI с‘езда профсоюзов СССР, принятой на заседании 18/XI—24 года.

[2] Недостаточная общая сеть профессиональных органов в деревне, слабое вовлечение ими батраков, пестрота организационных форм и т. д. делают профсоюзы в деревне еще несоразмерно слабой величиной по сравнению с их действительным и растущим значением в общественном развитии деревни и, в частности, в деле смычки городского пролетариата и крестьянства.

[3] Опубликов. в «Известиях» 22-IV—25 г. № 90.

[4] Стенограф. отчет XIII с‘езда РКП (б), п. 5 резолюции о работе в деревне.

маломощного с середняком против растущей кулацкой верхушки» [1].

Еще определеннее высказался по данному вопросу XIV партийный с‘езд в своей резолюции по отчету Центр. Комитета. «Борьба против кулачества,—говорится там [2]—должна итти как путем организации бедноты, так и путем укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака». А если так, то все эти первичные экономические организации—середняка, бедноты и сельского пролетариата, т.-е. кооперация, крестпомы и профсоюзы—должны сращиваться уже на самом своем корню.

2.

Анализ современных хозяйственно-экономических организаций деревни—кооперации, креспомов, профсоюзов, уже частично отвечает на коренной вопрос нашей работы: является ли крестьянство в настоящий период союзником пролетариата, и в какой мере, и по каким основаниям? Но свою доподлинную солидарность с пролетарской диктатурой, если такая солидарность имеется, свой союз на деле с рабочим классом, крестьянство должно подтвердить своим активным участием во всех проявлениях народно-хозяйственной жизни—в социалистическом, партийном и, прежде всего, в советском строительстве. «Советская власть,—писал т. Ленин в 1918 г.,—есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата». Он говорил тогда же «о создании нового советского типа государства, открывающего возможность для трудящихся и угнетенных масс принять деятельное участие в самостоятельном строительстве нового общества» [3].

Поэтому в настоящее время, когда социалистическое строительство находится на полном ходу, участие трудящихся слоев деревни в советской работе есть первый и необходимый показатель действительной смычки.

Как же обстоит дело в этом вопросе?

Из всех форм массовой организационной связи между работниками города и деревни *Советы* являются самой старой, если не считать малочисленные подпольно-революционные кружки крестьян и рабочих при царизме, охватывавшие только самые передовые народные слои.

Еще до полного овладения властью, в короткий период буржуазно-демократических «свобод», Советы уже были эмблемой рабоче-крестьянской смычки, ее зародышем. «Если бы народное творчество революционных классов, — писал т. Ленин непосредственно перед Октябрьской революцией,—не создало Советов,—то

---

[1] Там же (курсив наш).
[2] Резол. по отчету ЦК на XIV парт. с‘езде «Пр.» 25-XII—25 г. № 295.
[3] *Ленин*. Очередные задачи Сов. власти. Собр. соч., т. XV.

пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат несомненно удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя»[1].

Декрет революционной власти о рабочем и крестьянском правительстве, выросший позже в Советскую конституцию, только узаконил уже созревавший в жизни рабоче-крестьянский советский строй. В первый этап гражданской войны советы сделались тем боевым орудием рабоче-крестьянских масс, которое отвоевывало власть на местах, затем стали играть роль связующего революционного цемента, а еще позже, при переходе к хозяйственному строительству, они были на местах единственным хозяйственно-организующим ядром.

В то же время советы, при надлежащей их постановке, являются и организацией наиболее *всеоб'емлющей*, ибо могут включить в себя весь массив трудового населения города и деревни и охватить всю совокупность вопросов административных, экономических и культурных.

Вполне понятно, что именно теперь, при подходе вплотную к практическим задачам социалистического строительства, когда организация масс, их инициатива и их доверие являются необходимым условием этого строительства, выдвинулся во весь свой рост и вопрос о низовом советском аппарате, о согласовании его работы с новыми формами союза рабочего класса и крестьянства.

Между тем в этой области далеко не все оказалось благополучным. И совещание секретарей ячеек при ЦК партии, и смотр сельских ячеек, и перевыборы советов, и многочисленные и яркие разоблачения селькоров—все это раскрывало совершенно ненормальную картину работы в низовых советских органах, картину, которая затем подтвердилась в докладах с мест на совещании по советскому строительству при ЦИК СССР. В смысле *состава* сельсоветов и волисполкомов—отмечалось равнодушие населения к своим низовым органам, чрезвычайно слабое участие избирателей, полное почти отсутствие женщин на выборах и в числе избранных и, в результате такого массового абсентизма—во многих случаях засилие кулацкой верхушки, массовое незаконное лишение права голоса, навязывание списка кандидатов, всяческое давление и т. д. и нередко советы оказывались в несоветских руках. В смысле *содержания* работы — наблюдалась оторванность от насущных массовых крестьянских интересов, превращение низовых советов в исключительно административный орган, чуждый для крестьян и даже неприятный для них, по выражению одной крестьянской корреспонденции, «орган собирающий, нажимающий и больше ничего»[2].

В смысле *методов работы*—в работе сельских и волостных советских органов обнаружено — начальническое отношение,

---

[1] *Ленин.* «Удержат ли большевики госуд. власть».

[2] См. корресп. к-на М-ва в газ. «Сов. деревня» от 11/IV—25 г.

чиновничество, злоупотребления властью, вплоть до уголовщины... Все это, сопоставленное одно с другим, говорило о том, что Советы в деревне оторвались от своего естественного корня, широкой массы трудового крестьянства, отошли от своих очередных задач—самодеятельности и самоорганизации—и забыли свое действительное призвание—осуществление революционного демократизма. На все эти больные места и направилось внимание Совещания по вопросам советского строительства. На первой его сессии, Секретарь ЦК партии, т. Каганович, определил задачу Совещания, как «исключительно и главным образом изучение советов, как коллективных самодеятельных общественных организаций». «Мы должны,—говорил он,—изучить, как работают советы, как коллективные организации, насколько они организованы сами, насколько они организуют массы» [1].

Свою работу Совещание ставило в непосредственную связь с вопросом о союзе рабочих и крестьян. Оно развернуло перед советскими работниками целую программу оживления, укрепления и оздоровления деятельности советов, рассчитанную на длительный период, и в то же время наметило ряд ближайших шагов и мероприятий, которые сейчас же должны были повернуть работу низового советского аппарата лицом к широким массам.

Сюда нужно отнести, прежде всего, постановление *о перевыборах* тех *Советов*, которые были выбираемы в особо ненормальных условиях (по незначительному участию в них избирателей, или по обнаруженным правонарушениям на выборах).

Вместе с тем, новая инструкция должна была дать действительную возможность всем избирателям принять участие в выборах, приспособив технику выборов к условиям сельской жизни, и обеспечить действительно свободное проведение крестьянских кандидатов (представительство от населения в избирательных комиссиях, запрещение этим последним выставлять свои самостоятельные списки и т. п.).

Лучшим средством для того, чтобы приблизить содержание работы низовых советов к интересам трудовых масс и тем заинтересовать широкие, середняцкие и маломощные слои деревни, привлечь их к участию в советской работе, Совещание считало укрепление финансово-хозяйственной самостоятельности волости и укрупненных сельсоветов. Крепкий бюджет на основе вненалоговых доходов и отчисления от общегосударственных налогов, передача в распоряжение волости или крупного селения хозяйственных предприятий местного значения, самостоятельное обслуживание своих хозяйственных и культурных нужд—все это должно было поднять самодеятельность трудовой части деревни. С другой стороны,—точное ограничение прав низовых органов

[1] Совещание по вопросам советского строительства открылось 5/I—25 г.

[2] См. отчеты о работе Совещания в №№ 2 и 3 «Власть Советов» за 25 г. и доклад т. Кагановича в «Пр.» № 7, за 25 г.

власти, своевременные и отчетливые инструкции из центра, юридическая помощь населению, выездные сессии губсудов и нарсудов, привлечение к ответственности должностных лиц за административный произвол, строгая отчетность перед избирателями и ответственность по закону,—все это должно было направить советы по пути гласности и революционной законности.

«Нужна,—писал т. Бухарин еще за несколько месяцев до Совещания,—такая форма управления, которая обеспечивала бы точную разработку общих норм применительно к местным условиям, которая обеспечивала бы прощупывание настроения, нужд, жалоб, потребностей наиболее широких кругов крестьянства, которая бы способствовала вовлечению наиболее активных элементов в советскую работу, перекладывала бы на них частицу ответственности за управление государством, воспитывала бы их на опыте местных дел и местных нужд к роли управления государством и втягивала бы их в обсуждение все более широких проблем хозяйственного и социалистического строительства. А всего этого можно достигнуть *только* при оживлении уездных, волостных и сельских советов» [1].

Итак, советы были направлены по новому пути и сделались главной опорой для развития советской общественности. Широкая программа, намеченная рабоче-крестьянской властью в области советского строительства, стала немедленно же осуществляться в жизни: и перевыборы сельских и волостных советов по новой инструкции [2], и укрепление волостного бюджета по новому положению о сел.-хоз. налоге [3], и целый ряд мер по укреплению революционной законности, и улучшение метода партийного руководства в деревне [4]—все это ставило советскую демократию на прочный фундамент...

В заключение о советском строительстве надо добавить, что оно сделалось центром внимания коммунистической партии. Да это и неизбежно в политических и хозяйственных условиях данного периода. Поскольку пролетарская партия хочет действительно «*приложить ухо к земле*» и знать, «*о чем думает вся крестьянская середняцкая масса*» (выражение т. Зиновьева), то ей нужно поставить низовые советы на должную высоту и сделать их верным отражением деревни «как она есть», ее настроений. Поскольку партия хочет расшевелить огромную крестьянскую толщу, вызвать ее инициативу, создать беспар-

---

[1] *Н. Бухарин.* «Хозяйств. рост и проблема рабоче-крест. блока». («Большев.» № 14, ноябрь, 1924 г.).

[2] См. «Власть Советов» №№ 19 и 20 за 1925 г. и др.

[3] Утвержд. 7 мая, 1925 г. (см. «Изв.» № 103/25 г.).

Кроме того, как и следовало ожидать, имеются случаи, что волость в процессе самоучета и самоопределения в рамках предоставленных ей новых прав выявляет новые, иногда неожиданные для уезда, бюджетные ресурсы. См. статью т. *Приленского* «Волостной бюджет и сибирская деревня» в № 19, «Вл. Советов» за 1925 г.

[4] См. очерк шестой нашей работы.

тийный актив для своей партийной и социалистической работы,—она это лучше всего может сделать путем приближения советов к культурным и хозяйственным запросам крестьянства. Поскольку ВКП (б) нуждается в доверии к себе как рабочей и вместе с тем правительственной партии, доверии со стороны своего естественного союзника—крестьянства, постольку она должна укрепить революционную законность в низовом советском аппарате, ибо он является для деревни зеркалом всей советской власти в целом.

Таким образом, массой неразрывных нитей советское строительство вплетается в партийную линию в деревне: советское строительство дает главное содержание и почву для претворения в жизнь лозунга «Лицом к деревне».

«В области политики, — постановляет XIV конференция РКП (б),—основной директивой партии должно быть оживление советов и улучшение пролетарского руководства крестьянством через советские органы власти, со смелым и решительным переходом на линию революционной законности и искоренения остатков военного коммунизма в административно-политической работе» [1]

3.

В процессе экономического и советского строительства стала складываться и определяться *новая советская деревня*. Пролетарская партия подходит к этой новой деревне, преследуя две основных задачи—руководство и смычку. И для того, и для другого необходимо создание широкого сочувствующего актива из крестьян-передовиков, через который пролетариат мог бы сомкнуться с крестьянством и из среды которого коммунистическая партия могла бы пополнять свои ряды в деревенских ячейках.

Главнейшей задачей для партии,—говорил т. Молотов на XIV с'езде—в настоящее время является не столько увеличение числа коммунистов в советах или в исполкомах советов, сколько создание и увеличение беспартийного крестьянского актива вокруг партии. В этом теперь—главная задача обеспечения пролетарского руководства деревней. Именно через широкий беспартийный крестьянский актив в деревне мы можем добиться и лучшего влияния и лучшего руководства крестьянскими массами» [2].

По этому пути и идет *партийное строительство* в деревне.

По первой линии нужно отметить *комсомол, селькоров, женщин-делегаток* и другие, менее сплоченные, активы в отдельных хозяйственных организациях-кооперативах, крестпомах и т. д.

Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи существует уже больше 7-ти лет. Он жил, рос и изменялся

---

[1] П. 10 общей части резолюции XIV конф. РКП (б) по вопросу «о парт. строительстве».

[2] См. «Пр.» от 22/XII, 1925 г. *В. Молотов.* «Организ. отчет ЦК».

в связи с общим ходом советской истории. Со времени его VI с'езда, летом 1924 года, выявилась со всей полнотой его общественная физиономия и его ближайшие задачи в соответствии с новыми социально-экономическими перспективами. РЛКСМ—это, во-первых, *резерв* для коммунистической партии, ее непосредственная *смена*. Во-вторых—связанная в коммунистический союз молодежь,—это ближайший *помощник* компартии, лучший *проводник* ее влияния на широкие подрастающие ряды трудовых классов, в частности в деревне. В-третьих—это единственная сила, способная охватить и направить по социальному руслу нарождающуюся в деревне советскую общественность, ибо это—*отбор* и смычка всех наиболее активных сил рабоче-крестьянской молодежи на коммунистической и интернациональной платформе.

Согласно своей программы ВЛКСМ об'единяет и организует рабочую молодежь для активного участия в борьбе за коммунизм, за переустройство всей жизни на новых началах. В частности деревенские ячейки комсомола «всячески содействуют коммунистической партии и Советской власти в деле поднятия земледельческого хозяйства». «Свою политико-просветительную работу в деревне РЛКСМ ведет, считаясь с особыми условиями жизни крестьянской молодежи, обращая большое внимание на поднятие культурного уровня членов союза в деревне и вовлечение их в хозяйственную и общественную жизнь села и на проведение всех мероприятий Советской власти и партии в деревне» [1].

Роль союза, как борца «за коммунистическую идеологию против мелкобуржуазного влияния», за охват культурно-общественных запросов молодежи, за организующее и инициативное начало [2], имел в виду т. Ленин, когда уже на III с'езде комсомола в 1920 г. так ставил вопрос: «Быть членом Союза Молодежи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело... Союз Коммунистической Молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин» [3].

И действительно, как обнаруживает смотр сельских ячеек, деревенские ячейки ВЛКСМ являются во многих случаях активнее партийных низовых ячеек и застрельщиками в классовой борьбе трудовой крестьянской массы против капиталистической ее верхушки.

Партия при каждом подходящем случае оттеняет эту огромную роль комсомола и массовый размах его в деревне. «Наряду с партийными органами,—говорит октябрьский пленум ЦК,—особенно крупное значение в деревне имеют организации комсомола. В отличие от партии, в комсомольские организации дол-

---

[1] См. Устав и программа РЛКСМ (изд. «Мол. Гв»).
[2] См. докл. т. *Чаплина* на VI с'езде РЛКСМ.
[3] *Н. Ленин.* Собр. соч.

жен быть широко открыт доступ не только батрачеству и маломощным слоям деревни, но и лучшей более сознательной части середняков, которые должны проходить через комсомол, как подготовительную школу революционной общественности [1].

«Являясь организацией рабочей и крестьянской молодежи,— постановляет XIV партконференция,—комсомол не должен ставить препятствий здоровому росту его за счет рабоче-крестьянской молодежи» [2].

Наконец, за последний год комсомол для партии приобретает совершенно исключительное значение. Это подчеркивает в своем докладе на XIV партс‘езде т. Бухарин. Он говорит: «Поскольку мы сейчас выравниваем фронт бедноты в его борьбе с кулачеством, поскольку у нас сейчас 80 проц. членов комсомола крестьян являются бедняцкими элементами, поскольку у нас слабо развиты наши партийные ячейки в деревне, вы совершенно ясно видите, как с точки зрения общей крестьянской политики и с точки зрения специфических задач дня, т.-е. организации фронта бедноты, завоевания середняка, выравнивания этого большого фронта в его борьбе с кулачеством, работа нашего союза молодежи приобретает громадную роль» [3].

И мы видим за последнее время огромный абсолютный рост комсомола в деревне и относительное повышение в комсомоле количества крестьян.

«Но чем стихийнее поднимается волна комсомольского движения, и чем шире раскрываются двери комсомола, тем серьезнее встает вопрос об «обслуживании воспитательной работы комсомола», «регулировании состава комсомольских организаций, особенно в деревне», «проведении пролетарского руководства в самом комсомоле», «укреплении кадров комсомольского актива (для настоящего времени особенно в деревне) и «всемерном усилении ленинского воспитания входящей в его организации рабочей и крестьянской молодежи» [4].

* * *

Рука об руку с комсомольской молодежью, часто из ее же среды, вырастает еще более зрелая и активная часть новой деревни—крестьяне-корреспонденты, *селькоры.*

Селькоровское движение еще совсем молодо, численно невелико, в организационном отношении еще слабо спаяно. Однако оно сразу и очень ярко себя проявило и заняло в развитии со-

---

[1] См. разд. V резолюции октябрьск. пленума ЦК РКП (б) по вопросу о работе в деревне.

[2] См. разд. IV резолюции XIV всес. конференции РКП (б) «О партстроительстве».

[3] *Н. Бухарин.* О работе комсомола. Докл. на XIV партс‘езде. «Пр.» 3 января 1926 г.

[4] Там же.

ветской общественности совершенно особое место. Это—добровольцы в настоящем смысле слова, самая инициативная группа передового крестьянства, которая зарождается в атмосфере классовой борьбы в деревне, работает на самом опасном ее посту, и, по выражению т. Зиновьева, «через голову темных сил деревни хочет протянуть руку рабочему классу, ее авангарду, подлинной коммунистической партии» [1].

Откуда приходят селькоры?..

«На-ряду с коммунистами-крестьянами—писал т. Молотов в октябре 1924 г.,—в деревне имеется значительный слой крестьян-передовиков, честных, преданных Советской власти. Из их среды и выходят селькоры. Значительная часть селькоров—беспартийные, но, как мы знаем, они работают в нашей печати рука об руку со своими партийными товарищами» [2]. Согласно данным о составе делегатов I всесоюзного с‘езда селькоров «Крест. Газеты» и «Бедноты», с‘ехавшиеся делегаты на 70% беспартийные, на три четверти—крестьяне, занятые только в своем хозяйстве, и на 83% с низшим образованием или самоучки [3].

Чего хотят крестьяне-селькоры, за что они борются, подвергая свою жизнь опасности?

Об этом лучше всего говорят сами селькоры в своих заметках и письмах в редакцию. «Редакция,—обращается один из юных селькоров в газету „Совет. Деревня“,—прошу зачислить меня в ряды селькоров, так как я имею желание бороться с деревенскими пауками, сидящими на шее бедняков и сосущими кровь всю свою жизнь, а также и разоблачать все неправды жизни, замеченные мною».

«Задача селькора,—пишет другой,—помогать строительству Советского государства на социалистических началах. Селькор через газету улучшает низовой советский аппарат, он указывает на болезни деревни, выводит „перышком“ на свежую воду воришек, плутишек, взяточников, всех „царствующих и барствующих“ на местах за счет чужого труда—всех их берет за ушко да на солнышко». «Сельский корреспондент,—пишет еще один селькор,—делает трудное и великое дело: борется с живучими остатками старого, прочищает дорогу для нового». «Селькор,—пишет один из них—должен отдать все свои силы для того, чтобы раскрыть все темное и грязное, что творится в деревенском быту и что мешает работе Советской власти и партии. Селькор должен выявлять также все хорошее, чтобы Сов. власть и партия знали, на что можно в первую очередь опереться в своей работе. Селькор

[1] *Г. Зиновьев.* Новый великий почин. (Речь на Всесоюзн. совещании рабсельвоенюнкоров, 5/XII—24 г.

[2] *В. Молотов*—О селькорах («Пр.» 12/X—24 г.).

[3] См. «Пр» от 17/III—25 г. Приблизительно такой же состав селькоровской массы по Сарат. губ. показывает и краевая газета «Совет. Деревня», в № от 21/I—25 г.: беспарт.—67%. крестьян от сохи—60%, с низш. и домашним образ.—86%.

должен быть другом и советчиком беднейшего населения деревни...» [1]. Мы бы могли еще продолжать эти выписки, говорящие об огромных задачах селькоров и об их идеалистическом настроении, но и этого достаточно, чтобы всецело присоединиться к мнению т. Сосновского.—«Надо,—говорил он на Всесоюзном совещании,—выделить в деятельности селькоров, в том, как она обозначилась, основное. Основное—это защита Сов. власти от извращения, от захвата ее, от перерождения кулаком. На этом посту стоит партия и ее помощником является селькор» [2].

I всесоюзный с'езд селькоров «Крестьянской Газеты» и «Бедноты» в своих постановлениях и во всем ходе своих работ ставит эту связь с партией на первое место. Он «призывает селькоров, кружки селькоров и кружки „друзей газеты" держаться в своей работе как можно ближе к партии и к комсомолу, которые, со своей стороны, должны уделять селькоровскому движению больше внимания, помогая своим руководством общему политическому и культурному развитию селькоров». «Селькоры через печать должны всячески содействовать вовлечению беспартийных крестьян в советское строительство к созданию беспартийного актива вокруг РКП (б).» «Селькоры, как передовой отряд деревенской общественности, содействуя через печать развитию этой общественности, укрепляют связь широких крестьянских масс с партией и Советской властью» [3].

Но селькор выполняети еще одну насущную задачу в области смычки с деревней.

Будучи *своим* человеком в деревне и принимая участие во всей общественной жизни села, селькор может видеть многое, что ускользает от постороннего глаза. Он может отразить жизнь на местах именно такою, как она есть, передать наболевшие нужды крестьянства, осветить его подлинное отношение к мероприятиям рабоче-крестьянской власти. Словом, селькор, вместе со своим союзником—рабкором, осуществляет тот *контроль* рабочих и крестьянских масс и то «правдивое отражение действительности», которые, по мнению т. Крупской, являются самой первой, самой важной их задачей».

Организация селькоровского движения под партийным руководством еще только начинается. Но направление этой организации, подвергнутое предварительному дискуссионному обсуждению, вырешено на XIV конференции РКП (б).

«Исключительно большое внимание,—постановляет конференция,—надо уделить рабселькоровскому движению. Сохраняя полное партийное руководство этим делом, признать однако целесообразным, чтобы построение этих организаций шло прежде

---

[1] *Л. Сосновский.*—О сел. корресп. (из реч. на всес. совещании). См. «Сов. деревня» №№ от 21/I, 13/II и 29/IV—25 г.

[2] См. доклад *Н. К. Крупской* на всес. совещ. 9 дек. 1924 г.

[3] См. отчет о I всес. с'езде селькор. («Пр.» 17/III—25 г.).

всего вокруг соответствующих рабочих и крестьянских газет и журналов...» [1].

В лице селькоров, как и в лице коммунистически настроенной молодежи, партия имеет перед собой лучшие передовые слои крестьянства, которые тянутся к ней и служат естественной связью между организованным рабоче-крестьянским авангардом и всей массой трудящихся города и деревни. Но в недрах деревни имеются еще более глубокие и менее затронутые социальные пласты, которые поэтому требуют к себе не только особого внимания, но и специального подхода.

Мы имеем в виду всю женскую половину сельского населения. «Нужно признаться,—говорил т. Зиновьев на XIII с'езде РКП,—что половина населения Советского Союза—женщины—все еще остаются в стороне или почти в стороне от большой дороги советского и партийного строительства» [2]. Сказанное особенно справедливо по отношению к деревне, где участие женщин во всех видах общественной работы исчислялось к моменту с'езда буквально единицами и даже долями процентов.

«Мы имеем,—говорит т. Мойорова,—на 8-м году революции села, и, не где-либо на окраине, а в центре, в Московской губернии, в которых крестьянка ни разу не участвовала на сходе, ни разу не голосовала, ни разу не принимала участия в каких-либо выборах».

Из этого положения исходил XIII с'езд в своей резолюции по данному вопросу. «С'езд считает необходимым указать всей партии, что теперешнее участие работниц и крестьянок в партийном, советском, профессиональном и кооперативном строительстве в настоящий момент является далеко недостаточным, а потому работа партии среди работниц и крестьянок приобретает первоочередное значение. Необходимо бороться с консерватизмом по отношению к женщине, унаследованным от капиталистического общества» [3].

В настоящий момент работа по созданию «актива» в среде крестьянок выливается по двум руслам: через женотдел и через шефские организации. По директиве женотдела, местные партийные ячейки организуют на местах *делегатские собрания* крестьянок, среди которых—с одной стороны—ведется политпросветная работа, и которые—с другой стороны—втягиваются, под партийным руководством, в практическую общественную работу—кооперативную, советскую и др.

Партийный опыт по работе женских делегатских собраний насчитывает уже несколько лет и его положительное значение уже оценено. «Делегатки,—по словам одного из отчетов,—являются

---

[1] Резолюц. XIV конф. о партстроительстве.

[2] Отч. XIII с'езда РКП (б).

[3] См. резолюцию о работе среди работниц и крестьянок, выработ. ЦК РКП (б), согл. поручению XIII с'езда. Стен. отч. XIII с.

лучшими и наиболее сознательными представительницами широких рабоче-крестьянских масс, в течение целого года находящиеся под непосредственным влиянием партийных органов—женотделов и несущими целый ряд работ по заданиям женотделов, должны являться надежными проводниками влияния партии на широкие женские массы. Такова задача делегаток» [1].

Шефские организации, через свои специальные секции и в контакте с партийными ячейками, ведут свою работу как в среде крестьянских делегаток, так и в массе крестьянского женского населения, оказывая помощь лекторскими силами и вовлекая, под своим руководством, крестьянку во все виды общественной деятельности.

Последний год расширенной и напряженной работы среди женщин дал свои положительные результаты, пока еще чрезвычайно пестрые, по губерниям Избирательная кампания в деревне осенью 1924 г. и особенно перевыборы советов в 1925 г. обнаруживают, по сравнению с прежними годами, общее увеличение числа женщин, принявших участие в выборах сельсоветов и волисполкомов. О несомненных достижениях в работе говорят и доклады с мест на совещании по работе среди крестьянок, при ЦК партии в январе 1925 г. [2]. И все-таки это еще слишком слабо по сравнению с тем непочатым краем работы, которая еще предстоит. «Работе делегатских собраний работниц и крестьянок—напоминает XIV всесоюзная конференция РКП (б),—необходимо уделить еще большее внимание всех партийных организаций, памятуя, что эта работа есть не только работа отдельных работниц и крестьянок, но дело всей партии в целом» [3].

Женщины-делегатки вместе с комсомолом и селькорами—все это первые побеги новой советской деревни, это союзник пролетарского авангарда и, следовательно, первое реальное достижение смычки рабочего класса с крестьянством. Это—первые ряды того беспартийного актива вокруг партии, о необходимости создания которого говорил т. Сталин на совещании секретарей сельских ячеек при ЦК.

«Без такого актива,—говорил он,—обязательно многочисленного и обязательно из *действительных* крестьян, наша партия в деревне обречена на хроническое недомогание».

Но для действительного скрепления союза, для действительной его прочности нужно крепкое и приспособленное звено и со стороны пролетарского авангарда, каким является партийная деревенская ячейка. Чтобы проникнуть в крестьянскую

---

[1] См. изв. ЦК РКП (б) № 1, янв. 1924 г. «Работа женск. делег. собр. созыва 1922—23 г.г.»

[2] См. докл. т. *Мойоровой* в Изв. ЦК, № 45, 1925 г. и ее же стат. в № 2, «Дерев. Коммуниста» (за 1925 г.), а также ст. *А. Белобородова* в №№ 1 и 2 «Власть Советов» (1925 г.).

[3] См. резолюцию XIV парт. конф. «о парт. строительстве».

массу, сплотиться с деревенским активом и в то же время *руководить* им, она должна быть и достаточно многочисленной, и сильной, и гибкой. Поэтому-то вопрос о деревенской партийной ячейке—ее изучении и усовершенствовании—занял такое видное место в партийном строительстве после XIII с'езда РКП (б.). За истекшие полтора года, благодаря целому ряду обследований низовых партийных организаций, собрано уже много материала для характеристики деревенских партийных ячеек именно с точки зрения их связи со всей крестьянской массой. Материалы эти вполне подтвердили ту постановку вопроса и ту оценку, какую дал уже октябрьский пленум ЦК [1]. Тогда же определились наиболее слабые места низовых ячеек: их малочисленность, текучий состав, неподготовленность руководителей, почти полное отсутствие в них местных крестьян от сохи и слабая связь их или полная оторванность от животрепещущих интересов крестьянской массы [2].

Между тем, на почве той повышенной тяги в партию, которая проявилась за последний год, при той предварительной подготовке, какую проходит передовое крестьянство в родственных партии организациях и при наличии в деревне таких элементов, как бывшие красноармейцы, батраки, беднота—в крестьянстве могут быть выделены органически родственные силы и организационно слиты с пролетарской партией [3]. Вопрос только в их отборе, привлечении и подготовке для активной политической работы.

Все это тем более важно, что *доверие* со стороны широких крестьянских масс и *авторитет* в их глазах, без которых невозможны *ни смычка, ни руководство*, могут иметь и провести именно коммунисты-крестьяне от сохи, имеющие на селе бытовые и хозяйственные корни. Расширение партийного строительства и пошло в этом направлении: начиная с ноября и декабря 1924 года, прием крестьян в коммунистическую партию пошел ускоренным темпом [4].

4.

Остается сказать еще несколько слов о рабоче-крестьянской смычке на культурном фронте.

Хозяйственное, советское и партийное строительство, рассчитанное на *самодеятельность* и *организацию самих* трудовых масс, широко развернуло перед рабоче-крестьянской властью третий фронт—*культурный*. Этот фронт главную свою линию

[1] *В. Молотов*—Об очередных задачах работы в деревне. (Гос. Изд., 1925 г.).

[2] *М. Хотаевич.*—О приеме крестьян в партию. «Пр.» 7 февраля 1925 г.

[3] *Эр. Квиринг.*—О приеме крестьян в партию. «Пр.» 12 апреля 1925 г.

[4] См. циркуляры ЦК о приеме крестьян в партию «Изв. ЦК.» № 8. 1924 г.

растянул по деревне и там же разбросаны самые опасные (его) позиции: малограмотность, сельско-хозяйственная отсталость, политическое невежество, религиозные и бытовые предрассудки.

В своих докладах и речах т. Луначарский неоднократно выдвигает огромную роль лозунга «Лицом к деревне». «Для Наркомпроса,—говорит он в одном из своих докладов в Совнаркоме,—имеет особое значение и является особенно дорогим лозунг „Лицом к деревне“» [1]. В другом месте наркомпросвещения называет лозунг «Лицом к деревне» «основным лозунгом, на фоне которого развертывается сейчас работа народного образования. «Лозунг „Лицом к деревне“,—подчеркивает он,—приобретает всемирно-исторический характер, и кто его не усвоил—тот, конечно, сознательным советским гражданином не является» [2].

Для того, чтобы старую деревню—темную и бесправную—вовлечь в советское и социалистическое строительство и идеологически сомкнуться с нею, нужно прежде всего сговориться с нею, поднять ее общую культуру. «При данном культурном уровне нашей деревни,—напоминает резолюция XIII с'езда партии,—всякая политическая работа в ней неизбежно должна быть связана с работой по поднятию грамотности, распространению самых элементарных знаний, по самому элементарному обслуживанию. Ленин многократно говорил в своих последних речах, что теперь дальнейшее продвижение по пути к социализму возможно лишь на базе культурного под'ема деревни. Политпросветработа в деревне теперь наиболее насущная с точки зрения победы коммунизма» [3]. Уже начальная школа с ее новыми методами, программой, учительскими силами подготовляет новых граждан. Техническое обучение тоже перестраивается применительно к новым социально-политическим условиям. Но главным руслом нового культурного строительства сделалось, по выражению т. Луначарского, «политическое образование, дающее ему (народу. *Е. Ф.*) классовое самосознание и ориентирующее его в нынешних общественных условиях, указывающее ему его гражданский путь» [4]. Вот эта-то огромная область *политико-классово-гражданского воспитания*, охваченная политико-просветительной работой, и является *важнейшим звеном идеологической смычки с деревней*. Поэтому-то, согласно резолюции XIII с'езда партии, «широкая политико-просветительная работа должна стать на ближайший год важнейшей ударной задачей. Об'единяя работу в этом направлении всех государственных и профессиональных органов, Главполитпросвет и его аппараты должны стремиться к сосредоточению всех сил

---

[1] *А. Луначарский.* Место просвещения в советском строительстве. (Сборник статей. К задачам учительства в деревне», 1925 г.).

[2] См. 3 и 4 резолюции XIII с'езда РКП (б.) «О культ. работе в деревне».

[3] См. «Нар. Просв.», №№ 7—8 за 192 г.

[4] Там же «Об очередных задачах Наркомпроса». Речь на открытии курсов по переподготовке ответств. работников ОНО.

и средств на основе единого и строго согласованного плана. В последнем главное место должно быть уделено усилению избы-читальни» [1]. Здесь, вместе со справочной (в широком смысле) работой. должна вестись стенная газета, чтение газет, библиотека, ликбез, школа взрослых, сельско-хозяйственные кружки и т. д. С избой-читальней, этим своего рода штабом местных культурных сил, должна быть увязана вся политпросветительная работа волости.

Как видим, поле культурной работы так обширно и ее запросы настолько многообразны, что она может быть выполнена лишь при самом живом участии всех культурно-общественных сил деревни: учителей. агрономов, землемеров и др., которые могут быть привлекаемы к работе через органы соответствующих Наркоматов и профсоюзов. «Через органы Всеработземлеса и Наркомзема,—говорит постановление XIII с'езда партии,— необходимо вовлечь в политпроеветработу агронома и землемера, практикуя их прикрепление к определенным избам-читальням. Необходимо, чтобы Наркомпрос, Наркомздрав, Собес и др. советские органы, связанные с деревней, точно так же направили свои усилия на проведение единого плана политпросветработы в деревне» [2]. Вместе с тем резолюция отмечает, что «в деревенской работе профсоюзов особенно велика роль рабпроса».

И, действительно, на учителя падает и львиная доля обязанностей по общественно-просветительной работе своего района и ближайшая за нее ответственность. И учительство, в известной своей передовой части, эту ответственность на себя принимает и от общественных обязанностей не отказывается.

В этом смысле высказался первый всесоюзный учительский с'езд, в январе 1925 года. Представители учительства в своей декларации подчеркнули свою солидарность с рабоче-крестьянской властью в деле советского и социалистического строительства. «Всюду и везде — сказали они, — мы будем верными помощниками Советской власти и коммунистической партии в их всемирно-исторической работе» [3].

А в резолюции по докладу т. Рыкова «об учительстве и очередных задачах Советской власти» с'езд «призывает все учительство к активному содействию Советской власти, закладывающей первые основы на пути к социалистическому строю». Поясняя эту свою задачу, с'езд указывает на роль учительства в деле оживления советов, обеспечения революционной законности, кооперативного строительства и «решительной борьбы

---

[1] См. Стенографический отчет XIII с'езда РКП. п. 16 резолюции «О культработе в в деревне».

[2] Резолюция о культработе в деревне, п.п. 11 и 14.

[3] Декларация первого всесоюзного с'езда. «Нар. Просв.» № 2. февраля 1925 г.

с безграмотностью и культурной и хозяйственной отсталостью крестьянства» [1].

Словом, учительство, по крайней мере в лице своего передового отряда на всесоюзном с'езде, хочет быть, по собственному его выражению, «одним из важнейших факторов советской общественности».

Таким образом, *в лице деревенского педагога*, ставшего на советскую платформу, выдвигается *новое звено*, новый ценный посредник *идеологической смычки* города и деревни. Но и это еще не все: в общественной работе учителя происходит естественное сплетение всех отдельных видов советской работы—культурной, хозяйственной и политической. Внизу, в самой жизни происходит тот синтез трех советских фронтов, который исторически обосновывал т. Луначарский на учительском с'езде, в своем докладе «О задачах просвещения в системе советского строительства...» «Теперь,—заключил он,—мы можем повторить... от лица всей Советской власти, что третий фронт переплетается с первым и вторым неразрывно, что в настоящее время мы уперлись в такую проблему: ни оборона страны, ни государственное управление, ни развитие хозяйства немыслимы без быстро развивающейся работы на третьем фронте» [2].

Остается сказать еще несколько слов о том, в какой именно форме может народный учитель лучше всего проявить свое участие в обширной работе под лозунгом «Лицом к деревне». Прежде всего, ясно, что никаких твердых шаблонов здесь не может и не должно быть: деятельность педагога-общественника может и должна свободно согласоваться как со всеми разнообразными условиями места и времени, так и с его персональными способностями и склонностями... Практика жизни уже показывает нам отдельные отрадные примеры. «Учитель—основной организатор деревенской общественности,—сообщает в своем докладе один из инспекторов Наркомпроса,—он—основной политпросветработник, ликвидатор неграмотности, кооператор, работник сельсовета, режиссер драмкружка. Из 24 человек, учтенных волкомом РКП (б.), как агитпропсила волости, 14 человек взяты из учителей». В других случаях мы находим учителя в роли руководителя сельско-хозяйственных кружков, в комсомольском активе, в армии селькоров и т. д. и т. д. Короче сказать,—все виды культурной, хозяйственной и политической смычки открыты перед деревенским педагогом. Каждый из них, в своей сфере, в любой момент, может *на деле* осуществить обещания I всесоюзного учительского с'езда—смычку с деревней.

На-ряду с этой, так сказать, официальной линией, политпросветительная работа последние годы направилась и по пути так

---

[1] «Народное Просвещение» № 2, февраль 1925 г., резолюция по докладу т. Рыкова.

[2] См. «Народное Просвещение», № 2, доклад т. *Луначарского.*

называемого *культшефства*, которое и является проявлением *идейной смычки* рабочего класса и крестьянства в его наиболее чистом виде. Общие директивы для ведения культшефской работы даны в специальной резолюции XIII партийного с'езда об агитпропработе»[1]. Более детально они развиты позже в инструкции ЦК РКП (б.) в ноябре 1924 г.[2]. «*Задачей* культурного шефства является установление товарищеского общения между рабочими и работниками деревни в целях укрепления рабоче-крестьянской смычки и в целях укрепления связи местных органов с широкими крестьянскими массами» (см. п. 1 инструкции). «Основным *содержанием* культшефской работы должны быть: а) культурная и политическо-просветительная помощь деревне... и б) содействие работе совета, кресткома и др. местных органов в деле поднятия крестьянского хозяйства, организации кооперативов и проч. (п. 2 инструкции).

Организационные формы культшефства еще не вполне определились. Наиболее распространенным типом шефской организации являются *шефкомиссии*, организуемые при том или ином промышленном предприятии или учреждении, чаще всего по инициативе партийной ячейки, с привлечением к работе рабочих и служащих данного предприятия или учреждения. Работа более сильных шефкомиссий разбивается на секции: политпросветительную, кооперативную, женотдел и т. д.

В отдельных случаях шефкомиссии об'единяются по районам или губерниям в «*шефские общества*». Самым крупным примером такого об'единения служит существующее в Ленинграде с января 1923 года «Общество культурной помощи деревне», с местными отделениями в отдельных предприятиях, вузах, учреждениях, воинских частях и т. п. Одним из видов культшефства являются *землячества*, построенные или в виде секции при той или другой шефкомссии, или самостоятельно[3].

Характерной чертой работы крестьянских обществ является расширение ее содержания за пределы культурно-просветительной помощи деревне и все больший охват ею организационно-хозяйственных и политических нужд крестьянства. Отмечая это на XIV партийном с'езде, т. Молотов говорил: «Это есть не что иное, как участие рабочих через новые организации во всей работе партии и Советской власти в деревне»[4].

Но как ни велика всесоюзная армия учителей и других культурных сил деревни, как ни ценно участие городских рабочих

---

[1] Стеногр. отчет XIII парт. с'езда, стр. 692.

[2] Инструкция № 59 от 24 ноября 1924 г. См. Сборник ст. Культшефство над деревней, стр. 158.

[3] См. Сборник статей «Культурное шефство над деревней». Гос. Изд. 1925 г., ст. Н. Мальцева, Я. Рудого, Г. Лебедева, Н. Маморина и др.

[4] *В. Молотов*. Организац. Отчет ЦК на XIV с'езде РКП (б.). «Пр.» от 22 декабря 1925 г., № 292.

в культшефской работе, всего этого еще недостаточно, по сравнению с громадным об'емом культурной работы в крестьянстве.

Проблема гражданского воспитания может быть выполнена, «культурные ножницы» могут быть ликвидированы только при достаточном развитии крестьянской печати. «Школа грамоты,— говорит т. Варейкис, — пропускает крестьянство только через первое сито культуры, нам же, в нынешних условиях, необходимо его пропустить через все жернова нашей культурной обработки, через все жернова общественной, политической школы, без чего немыслимо подвигаться к социализму... Задачу политического воспитания широчайших многомиллионных масс крестьянства в большей своей части должна взять на себя печать» [1]. Последние годы в связи с растущими запросами крестьянских масс и открывшимися техническими возможностями, на этот вид культурной смычки руководящим центром обращено усиленное внимание. И первые результаты уже сказываются. Рост числа крестьянских газет за 2 года *почти втрое* и увеличение общего их тиража *почти в 10 раз* свидетельствует об активно развернутой работе и ее количественных достижениях. В таком же стремительном темпе растет и крестьянская книга, попутно дешевея.

И, все-таки, перед работниками в этой области лежат еще огромные задания и в вопросе о дальнейшем количественном росте, и по поднятию качества крестьянской литературы, и по ее дальнейшему удешевлению, и по действительному продвижению печатного слова в самую глубь деревни [2]. Это и является очередной задачей Советской власти на культурном фронте. Тем более, что при успехах в других областях — рост грамотности, материальное благополучие и политическая активность— спрос на хорошую и доступную по цене книгу будет все время повышаться.

Согласно общему плану и рамкам нашей работы, мы не могли дать исчерпывающей картины всех многочисленных и многообразных проявлений социально-политического союза между рабочим классом и крестьянством. Мы смогли однако наметить те главные каналы, по которым последнее время направилось сближение города и деревни. Мы старались попутно давать некоторую оценку удельного веса каждого из звеньев смычки в общей ее системе и, по возможности, выделять его перспективную роль.

В настоящий момент, желая в самых беглых чертах обобщить все сказанное, мы подчеркнем отличительные особенности

[1] *И. Варейкис.* Политика партии в деревне и задачи крестьянской печати. Изд. Раб. Просв. 1925 г.

[2] См. Постановление Оргбюро ЦК от 16 февраля 1925 г. («Изв. ЦК», №№ 11—12, 23 марта 1925 г.).

крестьянства как союзника рабочего класса в данный исторический период: вчера, сегодня и ближайшее вероятное завтра.

Прежде всего, приходится оттенить *организационный момент*. Распыленность, расплывчатость и инертность массы сельского населения, которые были первым желательным условием и опорой царистского строя, сделались первой помехой в новых условиях советского и социалистического строительства.

Мы видим, как на протяжении советской истории отдельные передовые революционные силы деревни—крестьяне-передовики, крестьяне-пионеры, с повышенными общественными и культурными запросами, разбросанные там и сям в общем массиве крестьянства — сплачиваются, обрастают родственными, менее активными элементами, и в окружении еще более широкой и еще менее решительной массы, при противодействии сознательных противников и вековой пассивности большинства—*создают первые ядра* организации в области *экономической*, *политической* и *культурной*. Правда, ни в одной из этих областей нельзя еще говорить о вполне массовом масштабе (за исключением, может быть, комсомольского движения в деревне): все еще в зачаточном состоянии.

Но несомненно и особенно важно то, что *вся* масса и во *всех* возможных ее проявлениях уже засеяна зародышами советской общественности и то, что между этими отдельными зародышами уже протягиваются пронизывающие нити более широких массовых организаций.

Таково—первое достижение последних лет.

Второй отличительный момент, который можно отметить для этого последнего периода—это *самостоятельный, революционный почин в крестьянском общественном развитии*. Мы имеем в виду селькоровское движение и, конечно, деревенский комсомол.

Советская коммунистическая молодежь—это растущее *новое крестьянство*. Закаляясь идейно в повседневной борьбе, отвоевывая свои права у старого семейного и общественного быта, она строит советскую общественность. Селькоры — пока еще одиночки, первые ласточки. Но те из них, которым уже удалось преодолеть все огромные трудности—идейные и технические—своего пути, и подать свой голос в печати, служат показателем наличия в деревне резерва еще невыявленных революционных сил. И особенно ценно, что эти передовики-крестьяне вырастают чаще всего не под советской и партийной опекой, а в борьбе с темными силами деревни, в антагонизме с лже-коммунистами и лже-руководителями, которых они разоблачают.

Указанные черты—тяга к организации, первые ее шаги и пробуждение идейной активности, — характерные сейчас для крестьянства, как союзника рабочего класса, ставят смычку с деревней на вполне реальную почву. Если заветы т. Ленина

о согласованном движении со всей широкой массой крестьянства еще не выполнены, то у рабоче-крестьянской власти имеется теперь прямой провод к этой широкой крестьянской массе в лице активного и организованного передового ее отряда. Ибо главное, как и четыре года тому назад, заключается в том, чтобы, по выражению т. Сталина, «строить социализм вместе с крестьянством и обязательно вместе с крестьянством, и обязательно под руководством рабочего класса» [1].

---

[1] *И. Сталин.* К итогам работ XIV конференции РКП (б) стр. 50. (Госиздат, 1925 г.).

Заключение.

На всем протяжении нашего изложения мы старались, по силе и возможности, освещать на историческом фоне, все один и тот же вопрос: было ли российское крестьянство, в какой мере, и в какой форме и почему—союзником рабочего класса в его освободительном движении.—Мы видели, как российское крестьянство, выросшее под тяжелым социально-политическим гнетом—сначала откровенного рабства, крепостничества, затем—пореформенной земельной кабалы и полного политического бесправия—постепенно, в ходе истории, складывалось в огромную революционную силу. Поскольку интересы крестьянской массы были радикально-противоположны и помещичьему землевладению, и самодержавно-дворянскому строю в целом, постольку крестьянство делалось громадным резервом революционно-демократического движения и, пока еще в потенции, союзником рабочего класса.

Три года империалистической войны были тем последним экономическим и психологическим толчком, который привел к взрыву февральской революции и, в то же время, обеспечили этой революции вооруженную поддержку армии и победу.

От февраля до октября классовые отношения крестьян и пролетариата окончательно определились в смысле взаимного сближения. Их действенный союз был заключен в октябрьском восстании, закреплен в первых революционных актах рабоче-крестьянской Советской власти и завершен провозглашением диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства по конституции РСФСР летом 1918 года.

С тех пор—в течение восьми с лишним лет—союз рабоче-крестьянский не прерывался, изменяя лишь свою форму, будучи по преимуществу, военно-политическим блоком при военном коммунизме, углубляя свой экономический фундамент в условиях новой экономической политики и вырастая во всестороннюю связь—хозяйственную, социально-политическую и культурную—в основном лозунге наших дней «Лицом к деревне».

Излагая и, по возможности, анализируя классовые отношения рабочего класса и крестьянства, мы оставались в пределах прошлого и настоящего. Если не ошибаемся, один только раз—

именно в главе о лозунге «лицом к деревне»—мы слегка коснулись и перспектив рабоче-крестьянского союза: мы говорили о том, что рабочий класс под знаменем рабочей диктатуры будет закреплять и ширить свою смычку с деревней, социально сближаясь с крестьянством, перевоспитывая его социально-политическую физиономию и перестраивая крестьянское хозяйство в социалистическом направлении [1]. Вопрос о более конкретных перспективах союза рабочего класса и крестьянства может быть полностью рассмотрен только в международной обстановке и требует особой большой работы. Сейчас же, в связи со всем уже сказанным, нам хочется, хотя бы в двух словах, затронуть одну из его необходимых принципиальных предпосылок.

Знакомясь с литературой по вопросу о роли крестьянства, как союзника рабочего класса, мы не находим более глубокой и исчерпывающей и вместе с тем более сжатой постановки его, чем та, которая дана Лениным в одной из его самых последних статей. В своей статье «Как нам реорганизовать рабкрин» Ленин, в нескольких фразах, подчеркивает всю сущность своей точки зрения, много раз, по частям, высказанной им раньше.

«В нашей Советской республике,—пишет он,—социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян... Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен. Но *в нынешнем строе не заложены с необходимостью основания такого раскола*»... «В последнем счете,—заключает он,—судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним» [2].

Вся рассмотренная нами выше история союза рабочих и крестьян в России, его глубокие исторические корни, его осуществление в октябрьские дни, в первом огне социальной революции, весь ход, все перипетии его развития в советской истории, его тревожные моменты—все это вполне согласуется с теми положениями, на которых особенно настаивает Ленин. В частности, опыт советского социалистического строительства и вся экономическая политика последних лет дает уже не мало проверочного материала в подкрепление той истины, что в «настоящем социальном строе *не заложены с необходимостью основания такого раскола*».

---

[1] В одной из своих недавних работ «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз»—т. Бухарин так формулирует данный вопрос. По мере переработки широких слоев крестьянства, по мере их перевоспитания, они будут все более и более сравниваться с пролетариатом, смешиваться с ним и превращаться в одинаковых членов социалистического общества». (См. гл. XI названной книги).

[2] *Н. Ленин.* Собр. соч., т. XVIII (курсив наш).

Итак, опыт говорит о больших реальных трудностях, но тот же опыт подтверждает, что основания для раскола не заложены в нашем социальном строе.

Вот о чем надо помнить.

А если все это так, то и ответственность за дальнейшую судьбу рабоче-крестьянского союза и за судьбу Советской республики ложится, в сильнейшей степени, на всех нас: от нашего уменья и от нашей энергии зависит наше будущее.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 1 р. 10 к.

Торгсектор Издательства „ПРИБОЙ",

Ленинград,

Проспект 25 Октября, № 56. Телеф 2-17-79 и 2-07-67.

Московское отд. — Лубянский пассаж, 46 — 49. Телефон 2-24-09

Отделения: в Ростове на Дону, Краснодаре, Харькове, Екатеринославе, Киеве. Одессе, Саратове. Самаре, Свердловске, Перми, Н.-Новгороде, Череповце и Новгороде.